Альманах
2003
Панядзелак

Альманах

ПАНЯДЗЕЛАК

Мінск
2003

Укладальнік Алесь МАСАРЭНКА

Панядзелак. Альманах . 2003. — 472 с.

Бадай адначасна перасталі існаваць часопіс творчай моладзі Беларусі «Першацвет» і адно са старэйшых выданняў — флагман беларускамоўнай моладзі — «Чырвоная змена». Іх так сёння не стае...

На шчасце, крыніцы, што жывяць беларускую літаратуру новымі талентамі, пакуль яшчэ не высахлі: іх творчы патэнцыял магутны, і асушэнню непадуладны, як бы той-сёй з «ідэалагічных меліяратараў» не стараўся. Творчая суполка «Літаратар», што ўжо больш за дзесяць гадоў дзейсна існуе пры Саюзе беларускіх пісьменнікаў, гэтым разам падрыхтавала альманах «Панядзелак».

Слова аўтарам выдання...

— Мы ўсе тут не падобныя адно на аднаго... Але і надзіва блізкія ўсе — нібы дзеці адной сям’і.

— Мы не толькі таленавітыя ды памяркоўныя, але і ўпартыя ды настойлівыя, за што вельмі ўдзячныя Богу і сваім бацькам.

— ...І калі ўжо мы абралі занятак літаратурны, заглыбіліся ў гойны гушчар паэтычнай дзебры, дык цяпер навыкарчоўваем столькі смольнага літкарчавежжа, распалім такое творчае вогнішча, што рой іскраў стане відаць аж у паднебным Парнасе, дзе нас адно і чакаюць!

— Мы ідзем!.. Нас большае з кожным панядзелкам — Бог шчодры на таленты. Не думайце, панове, што Ён па-ранейшаму драмае недзе ў балоце, а нас тут пасуць нахожыя пастыры... Наш Бог — з намі. Ён — у сэрцы кожнага з нас!

© Літаратар, 2003

Замест Прадмовы,

Альбо…

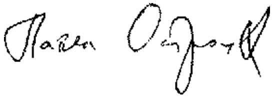
Самаіронія

Былое не здаецца нам вяршэнствам,
дарма што і з пакутамі сышло…
Глядзім з нявераю на міністэрства,
якое нам па «кумпалу» дало.

«Чырвонка» яшчэ доўга будзе сніцца,
і «Першацвет», здаецца, — быў і ёсць!..
Грукоча літабоза калясніца,
а ў ёй — буяна рэчча маладосць.

ПАВЕЛ АСТРАУХ

Я заложник плетенья словес.
За мною – ни ангел, ни бес,
ни грозные племена...
За мною – родная страна!



* * *

…Так и не научился различать по звуку,
с какой же стороны на этот раз
торопится ночная электричка,
кому-то, может быть, разлуку сокращая.
Так и не научился узнавать я сразу
твой отдаленный голос в телефоне,
и переспрашиваю по привычке:
ожегшись раз, я с некоторых пор
преувеличенно боюсь ошибки.
Так и не научился уходить, как только
произнесены последние слова
и начинается пустая болтовня,
прикрытая вуалью, за которой
я замечаю легкую досаду.
Я все же ухожу, собою недоволен,
и ничего перед собой не замечая,
опомнившись лишь только перед домом,
разбуженный каким-нибудь случайным звуком.

...А электричка набирает скорость.

* * *

Я люблю вас,
смуглые шпалы,
стройные рельсы.
Путник усталый,
немного согрейся:
теплее здесь вроде;
из птичьего клюва —
мольба о свободе.
Помоги мне
быть с тобой вместе,
петь с тобой вместе
добрые вести
в ласковом гимне.

Я узнаю
твое приближенье
в заливистых муках
собачьего лая.
В разлуках — леченье.
Летят, нарастая,
по воздуху легкие звуки
скольженья
крыльев.

ПОТОП

В небесной канцелярии
замкнуло провода,
и вопреки сценарию
с небес течет вода.

Ко мне, как будто ребусы,
как редкостный дебют,
плывут в воде троллейбусы,
автобусы плывут.

Приводит в восхищение
чудесный караван.
Вот это превращение!
Иль я сегодня пьян?

Быть может, карбонарии
открыли где-то шлюз:
идет вразрез сценарию
небесный профсоюз.

На это насмотреться я
спешу, пока финал.
Случайная Венеция,
которой я не знал.

* * *

Мы с тобой — перелетные птицы
(пусть стреляющий в нас промахнется),
нам с тобой удалось лишь проститься,
ну а встретиться не удается.
Пусть стреляющий в нас — промахнется!
А ему-то какая забота:
между нами всегда остается
расстояние двух перелетов.

* * *

Что ты хочешь сказать мне? Молчи —
я и сам себе знаю цену.
Будем сами себе палачи,
когда выйдем на эту сцену.

Пусть с моей головы до сих пор
не упал ни единый волос, —
я хожу, озираясь, как вор,
на любой человеческий голос.

Только ты, занимаясь во мне,
как один из немногих рассветов,
вновь выводишь на белой стене
очертанья людей и предметов.

* * *

Едет поезд
среди полей,
едет поезд
души моей
под нескончаемый
разговор,
что не умолкнет
до лучших пор.

И сколько будет он
звучать —
колесам поезда
стучать,
колесам поезда
скрипеть
на поворотах,
или — петь.
И песнь на этом
языке
услышит кто-то
вдалеке.

* * *

Одуванчики с белыми венчиками —
точно в нимбах святые весны.
Только чудится мне, будто вечером
их невнятные речи слышны.

И, круша всевозможные правила,
беззаконно вторгаюсь в интим:
«Коль в венках по реке нас не сплавили,
мы по воздуху полетим…»

ГРОЗА

Ветер и дождь. Перебранка.
Рисунок — размытый, нечеткий.
Листья кажут изнанку,
подставляя вторую щеку.

ПОЛНОЛУНИЕ

На недобрые сны по примете
с чьей-то легкой руки

горит отраженным светом
монета на дне реки.

ВЕТЕР

Уж так заведено издревле:
как будто бы издалека
шумят задумчиво деревья,
похожие на облака.

ДРИАДЫ

Обычно случается в темноте
все между нами. Они — это те,
с кем я могу обходиться без слов,
те, кому не сносить стволов,
кого заключаю в свои объятья, —
деревья, мои молчаливые братья.

* * *

На пороге — безносая осень.
Научиться курить папиросы,
отвечать на простые вопросы
не кивком, а движеньем руки.

Впрочем, все это только враки,
жаль лишь — нет у меня собаки,
чтоб, гуляя с собакой в парке,
собирать на земле листки.

Время вышло. Пора собираться.
Буду снова шутить и смеяться.
Ну а если во всем разобраться,
то какие же мы дураки.

* * *

N.B.

...Я говорю к тому,
чтоб как-нибудь случайно
приобретенных слов
не выпало звено.
Помешивая в чашке ложкой чайной,
я слышу, как поет веретено.
И стелется туман
над озером бессонным,
но, видя, что рассвет неумолим,
становится сейчас же невесомым,
встревоженный дыханием моим.

И это все равно,
что посреди рассказа
опомниться: «О чем заходит речь?»,
задумавшись, на масло хлеб намазать,
остывшим чаем рот себе обжечь,
оплавить губы...
Тянется беседа —
мой странный полуночный монолог
струится в мягких теплых складках пледа
и тихо оседает между строк.

Веретено поет,
и на единой ноте,
как будто сговорившись,
едва, едва, едва
молчат мои слова,
молчат слова в блокноте,
молчат произнесенные слова.
Прекрасный полутон,
верительная нота
пусть донесет тебе благую весть.
Ты — лучше винограда, слаще меда,
и сахар в чашке не растаял весь.

НОВАЯ ГЕОМЕТРИЯ

(Отрывок)

Когда-то в этом месте по-другому
располагались улицы, и вот
пересеченье старых, деревянных,
и новых улиц создает углы:
тупые, если посмотреть с одной,
и острые — с обратной стороны.
...И мой автобус входит в поворот,
как будто вписывает в некий угол
окружность, и тем самым хочет сгладить
хоть как-то это недоразуменье.

ТЕРПЕНИЕ

Терпение, друг мой. В терпении
плыви, будто это — река.
И лишь заунывное пение
доносится издалека,
разносится ветром, качается
на легких воздушных струях.
Оно никогда не кончается —
лишь стынет на чьих-то губах.

МУЗЫКА

Музыка падает гроздьями,
зрелыми, иссиня-черными,
или зелеными, терпкими,
а иногда — недозрелыми
гроздьями винограда,
слух обвивая лозою,
гроздьями ниспадая.

НОЧЬ

Ночь упала на город
хлопьями черного снега.
Ночь упала на город —
упала, должно быть, с неба.
Метель налетела, и скоро
снежинки пошли кружиться —
как черные, черные пчелы,
как черные, черные птицы.
На сером вечернем небе
кто видел такие тучи?
Хлопья черного снега
падают в самую гущу.
Черное тает на черном
и черной слезой лоснится.
Падают черные пчелы.
Падают черные птицы.

* * *

Лишь сорвался листьев ворох
в темноту,
город выставил дозорных
на мосту.
Вечер был прозрачно-светел
и несмел
до того, как этот ветер
налетел.
Потому-то и горели
до зари,
как двойное ожерелье,
фонари.

* * *

Осенний день прозрачней меда,
он легче тонкой паутинки,

случайнее ее полета.
...Куплю скрипучие ботинки
и зонт тугой, чтоб в непогоду
в нем гул дождя стоял певучий...
Осенний день прозрачней меда —
прозрачней меда и тягучей.

* * *

Белее снега очумелого,
белее мела,
белее белого —
белей,
чем самый светлый день,
цветет в саду
твоя сирень.

* * *

Слов недосказанных наших обрубки
припорошил снег,
но взгляда испуганная голубка
выпорхнула из-под век.

Стоит ли тратить слова понапрасну?
Поздно — ее не поймать.
Того, что над ней ты уже не властна,
не хочешь ты понимать.

Твои ресницы ладонями встретив,
чувствую дивный их взмах,
и отпускаю — чтоб бабочки эти
не задохнулись в горстях.

СНЕГОПАД

Уже февраля половина.
Чем город уснувший доволен?

И туча, как будто перина,
нависшая над головою.

А в небе размером с овчину —
там сутолока такая,
как если б такую перину
разрезать от края до края.

* * *

Декабрь хлопочет, рук не покладая,
чтоб все успеть к назначенному часу.
И все кипит в руках и, догорая,
садится солнце прямо за сберкассу.

Кому-то улыбаясь виновато,
я на судьбу упрямо уповаю,
и бережно несут меня куда-то
троллейбусы — воздушные трамваи.

* * *

Нож застрял бы
в густой духоте
середины июля —
и заржавел через неделю.
Водомерки
утопились с зависти,
увидев,
как усердно кроят небо
ласточкины ножницы.
Не видно рук,
но платье будет готово
уже к вечеру,
и молодой месяц,
взойдя над городом,
только улыбнется,

увидев, как липы
хвастают друг перед дружкой
новыми нарядами.
Он знает:
утром они хватятся их,
обнаружив на своих листьях
лишь капли росы.

* * *

В ночь на первое июня,
когда весна передала свои права лету
и тихо прозвенели ключи,
почти неслышно
в шелесте листьев
и звоне птичьих голосов —
в ночь на первое июня
внезапно не умер май,
и лето окрасилось в ярко-зеленые
весенние цвета,
цвета травы и молодых листьев.
Вот почему
я встречаю каждый дождь
с таким же волнением,
как тот, что пролился на землю
в ночь на первое июня.

НОЧЬ РОЖДЕНИЯ

1

Я падаю в эту ночь,
закрыв глаза
на молнии ресниц,
и их раскроет только нож
пылающих зарниц,

и лепестки усталых век
раскроются навек.

2

Август! Снова я дождался
этих бархатных ночей.
Я увидел, как рождался
из небесных недр рассвет,
как небесный кедр — рассвет,
из небесных недр, ничей,
я увидел, как рождался
свет.

3

Упасть в твои ласковые ладони,
как падают кони в траву, кататься
в маслянистой росе твоего полнолуния,
нескончаемого во веки веков.
В плену облаков —
луна, как призрачный тамтам:
то здесь, то там,
особенно в ветреные дни,
точнее, ночи,
а впрочем,
не все ли едино,
не все ли
в соли земли и в соли неба?
Достало бы хлеба
насущного
днесь и сейчас,
здесь и сейчас.

4

Я видел, как ночь разрешалась от бремени,
время от времени
разрывая небо
всполохами зарниц, и стал спать

с открытыми глазами,
чтобы увидеть все до конца.

5

Однажды августовской ночью
мне было спать ложиться лень.
В ту ночь я увидал воочью,
как зарождался новый день.

* * *

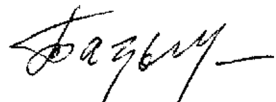
Капли на стекле —
жемчужины чистой воды.
В троллейбусе,
летящем мимо
деревьев,
озаренных вспышками
фонарей,
распластанные на оконном стекле
капли дождя
каким-то странным образом,
состоящим в отдаленном родстве
с чудом,
напоминают о тебе.
Может быть, все дело в дожде,
а может быть, в чем-то другом.
Неважно — так или иначе
я неотступно думаю о тебе
и ничего не могу с этим поделать,
впрочем, я и не хочу ничего менять.
Думаю о тебе.
Есть сходство,
какое-то неизъяснимое родство
в линии деревьев
и в ряде фонарей
вдоль дороги.

Каждый из тысячи листьев —
маленькое чудо,
подсвеченное светом фонаря
словно изнутри,
сама прелесть и непосредственность
летней ночи.
Листья, как не отправленные тебе письма,
беспокойно шелестят на ветру.

Капли на стекле —
жемчужины чистой воды.

ВОЛЬГА БАЗЫЛЁВА

Мой чытач – будзь маім сябрам,
мой сябар – будзь маім чытачом!



МЯДОВЫ ПАЛЫН КАХАННЯ

* * *

У меланхалічных тралейбусаў
слязяцца фары,
калі канцавы прыпынак
аказваецца паваротам.
Неба стомленае
пазяхае дажджамі.
Дажджы, каб паплакацца,
абіраюць сумныя вокны.
Непагадзь пачынае
ўваходзіць у звычку.
Цёплы швэдар
прыходзіцца лічыць модным.
Я парасон раскрываю
нават з-за пырскаў,
чым раздражняю надта
змоклых прахожых.

* * *

Маленькая вулачка.
Цукровыя домікі.
Ці хочаш ты жыць
на паверх ніжэй горада?
Прахожых лічыць чаравікі
ў акне?
У краме бязлюднай
паўбохана сонца
купляць на дваіх?
І праводзіць гадзіны
вачыма ў вачах?
Ці магчыма ўявіць
жыццё больш салодкім:

з дарогай — без неба,
з нагамі — без твараў,
з дажджамі — без хмар?
Нязведаны свет.
Пераблытаны час.
Ці хочаш ты жыць
на паверх ніжэй горада?

* * *

Ходзіць павольна
сапсуты гадзіннік.
І тыражуе тваю адзіноту
рэха пад столлю.
Рэха сваволіць.
Рэха адвеку
не верыць у крыўду.
Ты — на ўсё ў крыўдзе,
кінуты быццам
ці найскупейшы
на прабачэнні.
Ты — на ўсё ў крыўдзе,
нават на тыдзень
майго сыходу
з чатырох сценаў.
Ходзіць павольна
сапсуты гадзіннік.
І не вярнуся —
хоць раз у жыцці я…

* * *

Выпадковы сустрэчны,
мы з табою,
як свечкі,
падуладныя ветру
і задзьмутыя ўміг.

Набылі мы білеты
на апошні тралейбус
і стаялі ў чаканні
на прыпынку адліг.
Выпадковы сустрэчны,
напатканы нанешта.
Мне не дорыш
усмешкі.
Не дзялюся слязьмі.
Па раскладзе прыехаў
наш апошні тралейбус
і без слоў на вакзале
развіталіся мы.

* * *

Нам з табой —
адна палёгка:
разысціся — хто куды.
Ты, пазбаўлены палёту,
пакідаеш мне
сляды.

Зашываю дзіркі
ў крылах
і пішу лісты дажджу.
Толькі хто ў адказ
напіша?
Хто зашые мне душу?

Нам з табой —
адна палёгка:
разысціся — хто куды…
Карацей, паставім
кропку!..

* * *

Мой маладзік —
над апусцелым горадам,
калі ён
зазірае ў вокны
стомлена,
яны хаваюць
свае зрэнкі жоўтыя
пад шторныя павекі.
Горад спіць,
укрыты коўдрай неба
цёмна-зоркавай.
І ледзь чуваць,
як у прыціхлых дворыках,
дзе ліхтары
спыніліся зялёныя,
варожыць восень
на сухім лісці.

* * *

Ты ведаў
гэты міг без слоў
паміж «бывай»
і — «да сустрэчы».
Бярог ягонае цяпло
да сцюжы.
І ў імгляны вечар,
калі нядужны дождж ішоў,
жылі мы міг,
наш міг без слоў.
І быў падобны ён
на вечнасць
паміж «бывай»
і — «да сустрэчы».

Ля свечкі
за дрыготкім шклом
мы грэлі сэрцы
міг
без слоў…

* * *

Я ледзь не памёрла
нядаўна ад болю,
калі пачынала
вучыцца хадзіць.
Я першыя крокі
зрабіла паволі,
і ўсе тыя крокі
сышліся ў адзін.
Калі ж я дайшла
да цябе паўпрытомна, —
спытаў, смеючыся:
«Дзе крылы твае?»
І я зразумела:
дарэмны ёсць боль мой.
Мне — лішнія ногі.
Мне крыл не стае.

* * *

Калі сыходзяць халады
са сцэны восені дачасна,
кляновыя кветкі-лісты
губляем, як чужое шчасце.

І вусны шэпчуць наўздагон
імгненні пачуцця былога,
а ў нітку голасу твайго
адліг уплецена знямога.

Штодня ўсміхаемся здалёк,
каб па-сяброўску прывітацца.
Другой сарваны васілёк
яшчэ твае сціскаюць пальцы.

Але не размінуцца нам
у пошуках свайго натхнення.
Сустрэнуцца з рукой рука,
сальюцца ў пацалунку цені…

* * *

І вострай сцюжай чужое неба
глядзела зверху
на нас дваіх.
І свет сатканы быў
з нітак зрэбных,
а сонца — сплеценае з рудых.
І па знаёмых няўклюдных вулках
штодня спазняўся прайсці
трамвай.
Мы ў свеце зрэбным
жылі бязгучна,
Пад снегам нема
расла трава…
З нясцерпнай верай
у вечны снежань
мы раставалі ў сакавіку.
У неба голас
ты свой дамешваў
і мне працягваў адтуль руку…

* * *

Святло ўпусцілі.
У студню. На дно.
Рукі скупых людзей.

Святло хавалі
адно для сябе,
таму патапілі ў вадзе.
Вада замаўчала нават усплеск,
калі прымала святло.
І толькі вачам,
што глядзелі ўслед,
бясслёзна балюча было.
Ты ў студні выпрошваў
глыток святла,
бы сонца ў морак душы.
Студня пачула і… не дала:
святло глыбока ляжыць.
Зямля без акрайца неба
жыла б
толькі адзін уздых.
Нясу ў далонях глыток святла,
каб быў са мной побач
Ты.

* * *

Я не стану чакаць
да мая —
я сустрэну з табой зіму,
каб завеі не напужалі,
за руку нячутна вазьму.
Занядужае стынь сівая,
як майго адап'е цяпла.
Ты паверыш: душы спяваюць,
калі сэрцамі падпяваць.
На дварэ снежань мякка ступае.
Я не стану чакаць
да мая —
я сустрэну з табой зіму…

* * *

Маўчаць балюча,
а прызнацца боязна:
я прырастаю сэрцам да цябе.
Употай заглядаю
ў вочы росныя
і варажу па сцежках на руцэ.
І нават подых
састарэлай восені
не ахалодзіць пачуцця майго.
Ты ўсмешкі ашчаджаеш —
ты сур'ёзнееш
і абмінаеш мой жывы агонь.
Не апячэшся,
ля цяпельца грэючы
сваю душу, набраклую дажджом!
Вазьмі мяне з сабой
нязгаснай свечкаю
ў свой дом…

* * *

Крылы надломіць вецер —
і птушка скінецца з неба.
І неба грукнецца вобзем,
бо не захоча ляцець.
Зробяцца хмурнымі
вокны,
становяць нябачнымі
цені,
і я змянюся таксама —
ператваруся ў свой цень.
Не ўбачыўшы — не згадаеш,
угледзеўшы — не пазнаеш.
Табе пакідаю волю,
не забывай пра яе!

Хочацца — каб не чуў ты —
ціха з дажджамі плакаць…
Хочацца — каб не ведаў —
трызніць табой
у сне…

БАЛЮЧА. СНЕГ

Паэма

1

Снег апякае скуру,
як сэрца боль апякае.
Не загаіць каханне:
каханне — вечны апёк.
Чаму заходзіцца сэрца? —
сэрцам пішу і крэслю.
І памяць аблічча хмурыць
на ростані дзвюх дарог.

2

«Давай застанемся сябрамі...»
У снег я сэрца хаваю,
мядовы палын кахання
з карэннем пачуццяў рву.
Карэньчык глыбока ўвап’ецца —
і зноў прарасце праз сэрца
мядовы палын кахання,
салодкі для сэрцаў двух...

3

...А ў сэрцы адным — пустазелле.
Зіма зацярушыць надзеі:
зіма не шкадуе снегу
для тых, хто просіць цяпла.

Душой дрыжучы ад болю,
іду ў абыякавы горад.
Чакае за паваротам
сцюдзёна-бясконцы шлях.

4

Прабач мне лісты
ў канвертах скамечаных.
Прабач недаплаканыя радкі.
Ты думаеш, я адмаўляю ўсё светлае?
Душы незнаёмая сцюжа рукі!
Чужая імгла выціскае па кропельцы
маю неагучаную тугу.
І я ўжо — не сонца.
І нават — не сонейка.
Я ззяць не магу. Я грэць не магу.

5

Нерастрачаная пяшчота
на сэрцы маім запяклася.
Я пагубляла
ніткі радковых рэк.
Не дакараю —
як дакараць каханне?
Нават калі — незагойнаю ранай.
Нават калі — соль з-пад павек.
Хто я? Нашто?
Я проста...
Кахаю.
Я проста... Балюча. Снег.

СВЯТЛАНА БАЛБУЦКАЯ

Нарадзілася 30 траўня 1968 года ў вёсцы Поўчын Жыткавіцкага раёна. Цяпер жыву ў вёсцы Запясочча, на Тураўшчыне. Выкладаю матэматыку ў Верасніцкай школе.

Маё паэтычнае крэда — у наступных радках:

Хто такі паэт, або песняр?
То — душы збалелае дудар.
Ён вядзе аповед пра сябе...
А чаму ж тады баліць і мне?

РОДНЫ БЕРАГ

Я намалюю родны бераг
над ціхай Прыпяццю-ракой,
бацькоўскі дом, а побач — дрэвы
ды луг, усыпаны расой.

Я намалюю птушак белых
у небе з сонцам залатым.
Духмяны водар ягад спелых
у царстве казачным — лясным.

Я намалюю сцежкі мараў
дзіцячых яркіх светлых сноў.
На тое ёсць і фарбы чараў,
і ёсць нязгасная любоў.

Я намалюю рукі маці,
шурпаты лёс на далані.
Святло яе вачэй у хаце
ды роду мужных карані.

Я намалюю смех вясёлы
ў лугах мядовых і густых,
дзе я прыйшла да той высновы,
што родны край — мілей чужых.

* * *

Прымі мяне неба глыбокае,
каб ветразем мара плыла.
Узнёслая думка, высокая,
у сэрцы каб зноў ажыла.

Аблокаў пярэстых сакрэты
звядуць у палон таямніц —
ён сонцам агністым сагрэты,
напоўнены пахам суніц.

Вярнуся з далёкай вандроўкі
да родных крынічак лясных, —
як кажуць ласкава: дамоўкі,
каб сцішыцца ў травах густых.

БУСЛЫ

Збіраюцца буслы ў чароды —
у жніўні, як знак чалавеку,
што згодна законаў прыроды
жывем на зямлі веку ад веку.

Злятаюцца буслы ў лугі,
дзе змоўкла даўно касавіца.
На збітыя ветрам стагі
ім лёгка і проста садзіцца.

У неба лятуць, да аблокаў —
кружляюць у сінь-вышыні...
Як быццам у шлях свой далёкі
збіраюць з маланак агні.

ДА ТУРАЎСКАЙ КНЯЗЁЎНЫ

Да тураўскай князёўны —
у гэты край чароўны —
прыедзь, як госць жаданы...
А мо — як і каханы.

Да прыпяцкай русалкі —
не трэба коні, санкі, —
плыві на пласкадонцы,
мо — зловіш яе ў сонцы.

Да тураўскай лілеі
з азёр, што не змялелі,

імчы, як брат названы,
і так даўно чаканы.

Да тураўскай калінкі,
што ў квецені галінкі,
прыедзь, як самы родны...
Не станешся бязродны.

Да тураўскай лябёдкі,
дзе ліпы пах салодкі, —
ляці, як сокал ясны,
і будзеш з ёю шчасны.

БЫЧОК

З лесу выкаціў Бычок
мокры свой, сцюдзёны бок.
Незвычайны то цялок —
гэта рэчка-ручаёк.
Ён у лесе нарадзіўся
і да Сцвігі далучыўся.
Праз азёры мкне-бяжыць —
весела празуку жыць.
Па-над ім — масткі-дарожкі.
Вокала — дубы, бярозкі...
Ён у летнюю спякоту
здыме стому і ляноту.
Ну а ўвосень — як лісіца! —
жаўцізной увесь ільсніцца:
поўны лісцяў, наш Бычок
не хаваецца ў лядок.
Лісце змокне і патоне.
Па вясне ў птушыным звоне,
дзе вада Бычка іскрыцца, —
дужы зубр прыйдзе напіцца.
На Бычок не наглядзецца —
маё сэрца шчасна б’ецца...

Ён віруе ды кружляе —
край палескі благаслаўляе.

* * *

Жураўліным клінам
адлятаюць думкі,
закрануўшы ў сэрцы
тоненькія стрункі.

Затрымцела памяць
ручайком слязінак.
Паляцеў той вырай
да родных мясцінаў.

Да бацькоўскай хаты,
да яе парога.
Да сівой бабулі,
да дзеда старога.

Да вачэй іх светлых
і да рук пяшчотных,
ды сардэчна цёплых
думак мімалётных.

Пагляджу на вокны
я свайго дзяцінства —
так баюся страціць
з домам тым адзінства.

Пабываю ў садзе
за старою хатай.
Абыду сядзібу
зеленню багатай.

Вунь на тым хлявочку
бусел размясціўся...

У чужой старонцы
ён штоночы сніўся.

А дубы за плотам
падпіраюць неба.
Там майго дзяцінства —
шчасце лустай хлеба.

Непрыкметна выйду
на шырокі луг я...
Ты не шкодзь мне марыць —
цесна тут удвух нам.

Скрозь, як бачыць вока, —
васількі й рамонкі...
І над гэтым шчасцем —
спеўны голас, тонкі.

Цешаць вока кветкі
белізной чысцюткай...
Край бацькоўскі, любы,
родны, шматпакутны.

Заспяваю ўголас —
нізка пакланюся
бацькаўшчыне слаўнай,
маці-Беларусі.

Я жыву не цемрай.
Я святлом іскруся.
Хоць бы і хацела —
іншай не зраблюся..

ТУРАЎСКІ ПАРОМ

Лёгкім срэбным бусліным крылом
мост над Прыпяццю ў неба ляціць...

А мне сніцца звычайны паром,
што ў старыцы якойсці стаіць.

Ён — як даўняя добрая казка:
цёткі, дзядзькі, машыны, вазы...
Чую спрэчак крутыя пабаскі,
бачу пабліск гаротнай слязы.

Час губляўся на той пераправе —
іншы раз прастаіш і паўдня.
І, вядома, з такое праявы
мы не мелі вялікага зла.

І чакалі чаргі ўсе цярпліва,
і плылі за вякамі вякі...
Так рака спакон веку радніла.
Так і сёння жывуць землякі!

Землякі! Гэта сказана мала:
на пароме мы ўсе — як радня!
Колькі стрэч тут цікавых бывала —
такіх стрэч, што не шкода і дня!

Тут кахалі, спявалі, складалі
сваіх першых лятункаў радкі...
І хто плыў, на сябе адчувалі
цеплыню незабыўнай ракі.

* * *

Праспявай калыханку, вятрыска,
пра журботную долю маю:
полаг зорны над жытняй калыскай
ды зязюльчынае «ку-ку»...

Басаног сенажаці абмерала,
у далоні збірала расу, —

мо таму так упэўнена верыла,
што лятаць у паднеб'е змагу!

Сэрца чыстае, вечна адкрытае,
як крыніцы сцюдзёнай вада,
і душа, туманамі абмытая,
не чакалі, што будзе бяда.

А яна — пачалася адразу,
як бацькоўскі пакінула дах...
І на тое не маю адказу,
дзе падзеўся шчаслівы мой птах?

* * *

Люляе лета час цікава —
скідае яблыкі з галін...
Такая ў лета ўжо забава:
смяецца з вечнасці хвілін.

І ты лічыў імгненні тыя,
суціхшы сумна ля дзвярэй,
бо ўсе мінуты залатыя —
адно для нас, зямных людзей.

Спякотай стомленае лета
глядзіць з-пад мулкага ярма...
У сэрцы вольнага паэта
кіпіць завейная зіма.

Як не ўзірайся ў зоры неба —
жыццё ў падол не сабярэш.
А лепш — губляць яго не трэба,
як і той міг, што родзіць верш!

Чаму б не зведаць вуснаў солад,
грудзей гарачых астравы?..

Я спапялю на сэрцы холад —
толькі адною мной жыві!

Чаму б табе і не ўтапіцца
ў маіх — да раніцы — вачах,
усмак каханнем наталіцца,
агмень каб сэрца не ачах?

Не зразумеў ты сваё шчасце,
што Бог табе з нябёс паслаў...
Лёс адчыніў быў дзверы насцеж,
а ты свой момант — празяваў.

* * *

Не заві мяне сярод ночы,
не шукай мяне ясным днём.
Я пайду, куды глянуць вочы,
куды бусел заманіць крылом:
да жытнёвага поля з валошкай,
да калінавых гронак тугіх...
Я прайдуся таемнай дарожкай
сярод траў пераспелых, густых.
Мне салоўка ізноў заспявае,
сонца промнем ласкава кране...
Чую, сэрца ў грудзях ажывае
і ружовая мара плыве.
Не здзіўляюся пераменам —
на бацькоўскай зямлі то не цуд.
І не сорам сагнуцца каленям,
бо прызнанне — то не прысуд.

* * *

Родныя краявіды —
пейзажы старонкі бацькоў —

заўсёды пры мне, не забытыя
пад ветрам і пылам шляхоў.

Нясе беражліва сэрца
той скарб, дараваны зямлёй,
відарыс сярпочка-азерца
ды жытняга поля з мяжой.

Буслянку на дубе, ля хаты,
антонавак водар п’янкі.
Ды луг, што на кветкі багаты,
якія сплятала ў вянкі.

Замовы ад траў шапатлівых
ад неба — абрус сінявы.
Ды сціпласць людзей працавітых,
агеньчык іх светлай душы.

Ўшаноўвае сэрца з гадамі
сцяжынкі дзяцінства свайго,
што недзе цяпер — за гарамі
з прывычнаю назвай — Жыццё.

* * *

Забіла голуба дзятва.
Забіла ў рогаце пыхліўцаў.
І задаволенай была
гайня няўрымслівых сапліўцаў.

Над птушкай мёртвай, у крыві,
галубка сполашна лятала.
Яна таксама ад дзятвы
амаль такую ж смерць чакала.

Каменне цяжкае ў руках...
На гэта птушка не зважае.

Імгненне, нечы трапны ўзмах —
і камень цэльна пападае.

У лужу з бруднаю вадой
пад крыкі ўпала галубіца...
Што гэта з нашаю дзятвой —
адкуль б'е жорсткасці крыніца?

Гняздо-калыска апусцела.
Сюды не вернецца сям'я...
Рука забойцы не самлела,
хоць камень смерці падняла.

* * *

У звычным адзенні,
са слоў даматканых,
сыноў і дачок
адпраўляе ў сусвет
наш Тураў стары.
Сівізной ён усланы.
У пошуках новых
і песенных мэт —
ляцяць, нібы птахі,
пасланцы стагоддзяў,
каб зведаць жыццё,
ад краю — у край,
каб напоўніць душу
шырынёй палаводдзяў
і крышку зірнуць
за той небакрай.
Прыгожых мясцінаў,
вядома, не мала:
і сонца там свеціць
і песні гучаць.
Ды ў розных куточках
ліхоцце гуляе:

сэрца няволяць
чужбіну прыняць.
Баліць па начах.
І днямі сціскае —
не біцца ў грудзях
роўна яму...
Ціхенька, не слёзкай,
а кроўна ўсхліпае:
заве і штурхае
ў сваю старану.
Вабіць у мроях
сінявокая Прыпяць,
замчышча сумна
ў вочы глядзіць...
І нельга ўжо сэрцу
другое прыняць:
дзе ты нарадзіўся,
табе там і жыць!
Вяртаемся мы
да буслоў срэбнакрылых,
у росны прасцяг,
што ў лугах аж звініць.
Пяшчотныя хвалі
ў вяках не астылі,
каб смагу тугі
ды расстання сталіць.
І з радасцю Тураў
прымае ў абдымкі
дзяцей, што далёка
былі ад яго.
Даруе бясспраўныя
нашы затрымкі
ды тое, што дзесьці
не гэтак было.
Прымае — як бацька...
Як брат. Як таварыш.
Ласкава па вуліцах
ціха вядзе.

І сам не заўважыш,
як светлаю марай
зноў сэрца заб'ецца
і ўраз ажыве.

* * *

Адсылаю пачуцці табе —
вераснёўскі букецік лістоў!
І хоць колер у іх шчэ жыве,
ды цяпер недалёка да сноў.

Той букецік, як вогнішча сэрца,
што гарэла — любові маяк...
І душы маёй светлай азерца
не патушыць яго аніяк.

Колькі розных пачуццяў-адценняў
кружаць голаў, бы краску ў траве:
то каханне не знае сумненняў,
а то — роспаччу ў жылках плыве.

Сонцам спешчаная лістота,
дажджавою абмыта слязой.
У кахання — няма паварота:
гэты шлях не прайсці мне адной.

АНДРЭЙ БАРАДУШКІН

Стихи – это жизнь. Жизнь внутри тебя. И этой жизнью нужно жить, отдавая всего себя, без остатка, творчеству. Иначе этим просто не стоит заниматься.

Любое стихотворение – поступок, духовное кредо, позиция. Все это нужно отстаивать, но не навязывать.

* * *

Шныряет невидимкою луна
по лицам бледно-синих облаков
и, задыхаясь, требует дождя.
Борьба за время больше не важна.
Восторженность наивных дураков
оставлена тщеславию вождя.

Сама природа шепчет: все не так,
и судорожно жмется под навес,
беспомощность не в силах побороть.
Притворство снова поднимает флаг,
перекрывая чистоту небес,
и ненавистью отравляет плоть.

Величие отправлено под нож.
На паперти безвестность продает
глухим зевакам колокольный звон.
В огне миг откровения похож
все больше на грызущий рану йод,
что — ни впитать, ни вылить из окон.

Соленая любовь прожгла алтарь
и протекла предательством на пол,
оставив след дымящихся камней.
Облита ложью искренность, как встарь,
густой осадок воздух расколол
и раздавил окурком ярость дней.

Визжащий лай клубится у крыльца,
сливаясь с босоногостью толпы,
глазеющей на смерть, как на игру.
Убийство веры не мутит сердца.
Который год безбожно пьют волхвы
и с голодухи лопают икру.

Заветы мудрой древности гниют,
как жалкие останки кораблей,
разбросанные у прибрежных скал.
На беспокойство променяв уют,
ласкает жизнь нагайкою своей
и прячет под улыбкою оскал.

Осипшей злостью выжжена земля,
холодным одеялом небеса
укрыли ее дряблое плечо.
Безвыходность прикармливать нельзя.
Свободный волк — сильней цепного пса,
когда причина драки не при чем.

* * *

Босоногий декабрь-старик
в мои сны постучал.
Я наивно представил на миг,
что любовь — победит.
Но разбились слепые глаза
о фальшивый причал,
и свалились мои небеса
на прожженный гранит.

Я проснулся от звона ветров
и уснуть не могу.
Неприкрытый цинизм пауков
череп мой просверлил.
Посмотри в ворох мыслей, луна, —
их свернула в дугу
и накрыла седая волна
застарелых чернил.

Постулаты тщеславных глупцов
не вербуют мозги,

и затрепана правда отцов
среди пепла и смут.
Травоядный асфальт миражей
нарезает круги.
В злобе отблески улиц-ножей
мои ребра жуют.

Среди сотканных временем чувств
моему — места нет.
Среди древних свободных искусств
я свое не нашел
и пытаюсь поставить вопрос,
на который ответ
ни последний стакан не принес,
ни паденье на пол.

Расстреляйте на взлете меня —
я не буду молчать:
мне противна ночная возня
тараканов в углу.
Мои крылья опутала слизь —
и хоть поздно рычать,
лучше голому выпрыгнуть ввысь,
чем подсесть на иглу.

Перережьте мне горло струной —
и дорожная пыль,
словно губка, впитает густой
запах грусти моей.
Но я пить не согласен взахлеб
небывалую быль,
от которой мутит или рвет,
как от тухлых дрожжей.

Затяните змеею петлю —
но в шершавый язык

прохрипит на прощанье: «Люблю...»
Хоть любовь — не в цене.
День рождения солнца — его
обескровленный лик
за начало конца своего
принимаю вполне.

ДЕНЬ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

Мне на рассвете выпал день длиною в жизнь.
Расхохоталась за спиной воровка-смерть.
И я шагнул с крыльца на ледяной фарфор —
и засосала, затянула круговерть.

Чтоб до конца постичь весомость бытия,
обжить задворки — это царство нечистот —
придется вновь пройти из глубины веков
через потери до немыслимых высот.

Подставив раненому времени плечо,
я чувства жгу, как только осень жжет листву,
и свою память близорукую лечу
от тощей ненависти, предавшей мечту.

Лохмотья сердца комом брошены под стол.
Ошметки нервов — на веревках бельевых.
Терзает в ярости их стадо пьяных мух —
слепых, горбатых, однокрылых и больных.

В дыму беснуются осколки старых снов.
Под ногти вдавлены сомнения и стыд.
Забившись в угол, жалкий пес — моя судьба —
то просит пить, то лижет лапы, то скулит.

Вокруг меня — война миров, пространств и лет.
Крадется следом неизвестность по кустам,

стреляя глупостью и подлостью в висок
и разбавляя грусть с любовью пополам.

И от невежества свихнулась доброта —
стоит в растерянности, слюни — до колен.
А по квартирам копошится сытость лиц,
зеленой злобой наполняя нитки вен.

Мне ветер льстит, но ясно чувствую нутром:
за перевалом — будет новый перевал.
Мне не увидеть новых суток — все равно
иду вперед, не выбирая пьедестал.

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

Соткано время из тощих мгновений,
встреч, расставаний и смен настроений.
Словно художники, выпив пол-литра,
спутали краски свои на палитре.
В воздухе носятся взгляды прохожих.
Я — среди них, на себя не похожий,
молча стою на чужом перекрестке,
чувствуя кожей судьбы отголоски.
Осень — мудрее весны где-то вдвое.
Я понимаю, что счастье — с тобою
столь же несбыточно, как и надежды
детской поры, позабытой небрежно.
Запах неласковых улиц витает,
в ноздри колодцев-дворов заползает.
Душат мои исхудалые мысли
выгнутых ветром ветвей коромысла.
Истина прячется за облаками,
но небеса, поругавшись с богами,
с грохотом битой посуды свалились
на тротуар — и в воде растворились.
Звезды смеются навзрыд надо мною.
Дождь по чем зря матерится и воет.

Слезы на окнах рисует погода.
Хнычет, ворчит и стареет природа.
В кладбище чувств превращается город,
пряча в ладонях непрошеный холод.
Выцвела ночь, как обои на стенах.
Новый рассвет выползает на сцену.
В памяти глаз остаются кварталы.
Что-то зовет начинать все сначала.
Поздно. Теперь убегающей тени
мне не догнать, как не выключить время.

* * *

Не знаю, что сказать: я сам не свой,
размякли чувства под дождем потерь.
Передо мной твоя закрыта дверь,
но я у ног твоих, как пес цепной.

Я прячу боль за шторами ресниц,
но смехом вряд ли вылечу измену.
Любовь, как прежде, носится по венам,
наивно подражая стаям птиц.

Замкнулся круг, несется время вспять,
и тень от стрелок режет мне ладони.
Увязнув в тине мыслей, ветер стонет,
что бесконечность не сумел познать.

Я на могилу верности принес
венок из неоправданных желаний.
Саднит в душе от тщетности исканий
и разочарованья полных грез.

Судьба скользит, как капли по стеклу,
но сердце больше не спешит открыться.
Я за двоих дышать не разучился,
теперь — глотать весь воздух одному.

И бесконечный день с кривым лицом
мой мир изрезал молниями лжи.
Мне без тебя мгновенья не прожить —
живым я стану тут же мертвецом.

* * *

Из-под кожи сочится по капле усталость души.
Беспокойством разбавлено время в бутылке вина.
Я врастаю с трудом в новый день, выходя из глуши,
где, теряя себя, прошагал три столетья без сна.

Я, как птица без крыльев, — без неба ни дня не могу.
Я дерусь с одноглазой луной за постель облаков,
только вновь себя вижу распятым на пыльном лугу,
с почерневшим лицом, босоногим, лишенным зубов.

Я хочу заглянуть под стекло перекошенных луж,
на проталинах вечности имя свое отыскать,
извиваясь под солнцем, как полузадушенный уж,
себя вырвать из племени змей и все снова начать.

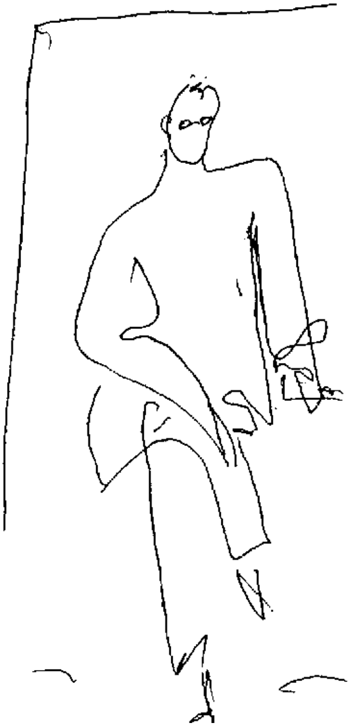
Я, как рыба из моря, — сухими губами ловлю
одинокие капли дождя, лежа в рыхлом песке,
и продавленной грудью вдыхаю огонь, но терплю,
чтоб не встретить рассвет точкой пули на бледном виске.

Оснований рассечь неизвестность — ничтожный пустяк.
Память бьет по рукам, выдавая чужих за своих.
Безответный порыв — как старье под замок, на чердак:
одному — слишком много, но мало для счастья двоих.

Я, как зверь в заперти, — все отдам за свободы глоток,
но придется опять ожидание пить натощак.
Перетертые жилы — не в счет, если манит восток,
обожженный падением звезд на пустынный большак.

Человек без любви — просто мясо на серых костях.
Верность искренних чувств посажу в изголовье стола
и, не взяв ничего из страны, где свирепствует страх,
я и мертвым вернусь, лишь бы ты меня только ждала.

ГЕОРГІЙ БАРТАШ



...вопреки всему, сохранить душевное здоровье...

(Малюнк З. Галаванавай)

ПОЧЕМУ Я НЕ СТАЛ... А ГЛАВНОЕ НЕ СТАНУ ВЕЛИКИМ ПИСАТЕЛЕМ?

Напечатано в журнале «Литературный архив» № 5 за 2079 год — Тематический номер «Неизвестные авторы XX века» — с комментариями литературоведа И. Цзю Маня.

Да и откеле, господа, мне им стать, великим. С каких таких жиров. Судите сами. Встаю я поздно. Слишком поздно, чтобы прийти на работу вовремя; и слишком рано, что бы не прийти вовсе. В общем, между восьмью и девятью тридцатью утра. Нормальные писатели к этому времени уже проснулись с петухами, накатали 15— 20-ть рукописных страниц бессмертной прозы и со сладкой улыбкой пьют кофий и курят сигарету. Кофий я по утрам не пью, завтракаю через день, скажите спасибо, если успеваю почистить зубы. (Какой чудовищный ведущий в «Совершенно секретно» по НТВ[1]. Где они селекционируют этих белокурых жеребцов?)

Около десяти часов утра я — на рынке. Я там работаю, точнее зарабатываю деньги. Опускаю детали. В четыре часа дня рынок закрывается. К этому времени я морально — выжатый лимон. Физически — надорвавшийся мул (сумки), эмоционально — психопат на грани срыва. (Господи, как уродлива Бони Тайлер[2]. Даже Мадонна[3] куда как приятнее.)

Работа у меня тяжелая. Все с людями и людями. По пятнадцать раз на день убеждаешь их, что, купив именно твое турецкое дерьмище[4], они станут счастливее и получат шанс в личной жизни. Многие не верят.

---

[1] НТВ — один из ТВ каналов, появившихся в начале 90-х годов XX в. В 1995 году на этом канале демонстрировался художественно-документальный сериал «Совершенно секретно» производства США, посвященный деятельности секретной службы. Очевидно, автор параллельно с работой над текстом смотрел ТВ, а возможно еще и с кем-то разговаривал.

[2] Бони Тайлер (Бонни Тайлор) — поп-рок звезда 70—90-х годов английского происхождения. Внешне напоминала индюшку, скрещенную с быком. Обладала хриплым голосом — следствие курения и алкоголизма: характерных для XX века, а ныне исчезнувших пороков человечества.

3 В данном контексте трудно определить кого имеет в виду автор: посредственную американскую поп-певицу конца века Мадонну (Марию Луизу Чикконе), или же Божью Матерь.

[4] Турция — страна в Малой Азии с развитой легкой промышленностью. Ныне исчезла с политической карты мира.

После работы — магазины. В основном, продуктовые. Поскольку готовить я умею только жареную картошку и бутерброды, то приходится побегать.

Где-то между пятью и шестью я — дома. Первым делом — включаю телевизор. Потом иду в душ. Потом выхожу из душа, проверяю, что идет на всех каналах. Потом иду на кухню. Разгружаю сумку. Кормлю кошку. У меня есть кошка! Мне ее подарили друзья, семейная пара. Подарок с сюрпризом. Очевидно, они знали заранее, что я с ними рассорюсь, поэтому и подкинули мне этот прыгучий прожорливый сундук с дерьмом. Так вот, кормлю я кошку, возвращаюсь к телевизору и решаю наконец, что же буду смотреть.

Да, господа. Я жертва массовой культуры. Я отравлен ею до корней волос, до кончиков пальцев, до самых твердых участков мазолей на моих ступнях — господи, как красиво я выражаюсь, самому приятно. Я моюсь мылом «Камей»[5], бреюсь лезвием «Gillette»[6], пользуюсь шампунем «Эльсев»[7], покупаю альбомы Элтона Джона[8] и т. д., и т.п. Теперь не спрашивайте, куда деваются заработанные мною деньги и почему я всегда вынужден одалживать, когда приходит срок заплатить за квартиру.

В течение вечера, одновременно с просмотром TV-передач, я ужинаю (минералка, йогурт, жареная картошка, бутерброды, много кофе), навожу порядок, мою полы, стираю и выполняю прочую домашнюю работу. Нужно сказать, что живу я один. Думаю, для писателя это плюс, но в плане быта, создает некоторые неудобства. Покажите мне мужчину, который любит стирать постельное белье. А мне приходится делать и это. Причем, следующим образом: размешиваю в горячей воде много-много стирального порошка «Тайд»[9] и бросаю (ненавижу слово «кидаю») туда грязное белье. Довожу до кипения. Кипячу 3—4 часа. Прополаскиваю.

---

[5] «Камей» — популярное в конце прошлого века туалетное мыло.

[6] «Жилетт» — фирма по производству лезвий. В те времена частенько рифмовали: «Жилетт — минет».

[7] «Эльсев» — фирма по производству шампуней и бальзамов. Ее продукцию рекламировала модель Стефани Сеймур, подружка Аксела Роуза. Впрочем, в наше время легче родить бегемота, чем объяснить кому бы то ни было, кто такой Аксел Роуз.

[8] Элтон Джон (Реджинальд Дуайт) — английская поп-звезда 70—90-х годов, забавный толстяк всю жизнь боровшийся с ожирением и облысением.

[9] Тайд — универсальный стиральный порошок, активно рекламировавшийся на TV в начале 90-ых годов.

Затем опять развожу много порошка и опять повторяю ту же операцию до тех пор, пока белье не станет белым (ну, белым — это сильно сказано...)

Конечно, приятно иметь за плечами свою Софью Андревну[10]. Однако, чтобы заиметь Софью Андревну, необходимо убедить несчастную женщину в том, что ты — гений. Но чтобы убедить ее, следует предъявить вещественные доказательства твоей гениальности, т.е. публикации. Чтобы публиковаться, необходимо писать. Чтобы писать, необходимо иметь дуру, которая согласится стирать, готовить, ходить по магазинам, в ремонт и починку и кроме того, сверхурочно — переписывать твои говенные черновики. Только дура и согласится.

Современная женщина, изуродованная эмансипацией, уже почти не умеет стирать, не любит готовить, а переписывать от руки — да боже упаси, есть же ксерокс (кстати, никогда не видел, что это за агрегат[11]).

Впрочем — вернемся к суровой прозе моего писательского бытия. Нет Софьи Андревны, ну и хрен с ней.

Я много курю. На работе — относительно крепкие, стандартной длины сигареты типа «LM», дома же — исключительно нементоловый «Сент-Морис». Думаю, что с длинной коричневой сигаретой в руке, я смотрюсь очень стильно, богемно, поэтически (жаль, некому на меня смотреть[12]).

Конечно же, иногда я «выхожу в свет», посещаю кинотеатры[13], театры, выставки, ретроспективы, поэтические вечера, рок-концерты, просто хожу в гости и напиваюсь[14]. В «Зодчих» бываю часто. Безусловно, такие вечера начисто вычеркнуты для творчества.

В 12-ть, максимум час ночи я вынужден ложиться спать — завтра на работу. И — о, горе — именно в это время у меня

---

[10] Софья Андревна — жена и секретарь Ф.М.Достоевского.

[11] Я тоже никогда не видел.

[12] В наше время уже трудно найти специалиста по табачной промышленности, который мог бы внятно объяснить и что такое курение, и что из себя все эти марки сигарет представляли. Впрочем моя бабушка припомнила, что во времена ее молодости длинные тонкие сигареты курили только проститутки и эстеты.

[13] Ангароподобное сооружение, как правило на 300—400 посадочных мест, предназначенные для коллективного (?!.) просмотра синема.

[14] Напиваться, т.е. употреблять алкоголь в чрезмерном количестве.

начинается творческий подъем. Я — сова[15], и с полуночи до 3—4-х утра мне приходят в голову самые свежие блестящие идеи, пишется легко, быстро и радостно. Увы, как раз в этот момент я должен загонять себя в постель и, образно говоря, наступать ногой на горло собственной песне. Впрочем, старик Фрейд[16] утверждал, что художник творит совсем другим местом, отнюдь не горлом.

Иногда, если уж очень не спится, я встаю, включаю настольную лампу, бросаю в уголок рта тонкую стрелу «Сент-Мориса» и нервным мелким почерком заполняю два-три белоснежных листа. Но — чертов режим!

Впрочем, если уж я совсем проспал и не пошел на работу, это не означает, что я обязательно сажусь за письменный стол и пишу, пишу, пишу. Во-первых, с утра, если выспишься, то очень хочется жрать. Во-вторых, если есть время, то почему бы не покулинарить. В третьих, к утру сигарет почти не остается, приходится идти в ближайший киоск. Но самый дешевый «Сент-Морис» продается на вокзале. Так что — чаще всего я вынужден переться на вокзал. Кроме того, не всегда есть деньги, необходимо еще порыскать в их поиске. Вот-те полдня и прошло. А там уже и вечер с его обычной программой.

Так что, господа, великим писателем мне не стать. Меня погубили рынок, жареная картошка, «Сент-Морис», деньги, эмансипация, TV и моя кошка, которая если не кусает, так царапает, если не меня, так обои.

Прощайте, господа, прощайте мои дорогие несостоявшиеся читатели. Как жаль, что вы никогда не будете засыпать с этим божественным псевдонимом на устах — Джон Федорович Балтазаров[17].

---

[15] В прикладной психологии второй половины XX века было широко распространено деление на «сов» и «жаворонков» по времени наибольшей физической и творческой активности. В настоящее время полностью опровергнуто учеными.

[16] Зигмунд Фрейд — очередной массовик-затейник от психологии австрийского происхождения, живший в конце XIX, начале XX века, исключительно популярный в течении всего XX века. Охмурил не только коллег по цеху, но и всех, кто был достаточно грамотен, что бы читать популярные журналы.

[17] В России в XIX—XX веках было принято читать перед сном.

ИЗ ДНЕВНИКОВ ДЖОНА Ф. БАЛТАЗАРОВА. ЧАСТЬ 2. «ПЕРЧАТКИ»

21.10.94. Совершенно случайно обнаружил, что ты забыла свои перчатки. Они лежали на вешалке в прихожей, заваленные шапками. Теперь каждое утро и несколько раз вечером я обнюхиваю их, пытаясь уловить твой запах...

26.10.94. Странное дело, впервые, когда я обнюхал твои перчатки, мне показалось, что я узнал аромат твоих духов. Он был настолько явственным, словно ты их только что сняла. Теперь же этот тонкий аромат перебивается другими запахами: кожи, шерстяной подкладки, пота, чего-то еще неуловимого. Как-будто галантерейная сущность перчаток решила вычеркнуть из собственной биографии все связанное с тобой...

3.11.94. Перчатки зажили своей собственной жизнью. Их запах уже не похож на твой, он словно принадлежит женщине, которая временно заменяет тебя, не дает своим присутствием тебя забыть. Ее аромат — это аромат мечты, надежды, ожидания...

22.11.94. Перчатки пришлось спрятать. У меня появилася подруга. Почему-то я сразу же дал ей прозвище «Жаба», хотя она маленькая, крепко сбитая и шустрая. Чтобы не возбуждать ее ревность, я спрятал мою реликвию.

Она появилась в моем доме за компанию с Жучками. Поначалу я подумал, что это любовница Наташки Жучок, т.к. Наташка пару раз бросала, что уже неоднократно намеревалась завести лесбийскую интрижку, и Жаба, т.е. Света ей максимально для этого подходит. (В этой семейке все, что произносится вслух как нечто гипотетическое, на самом деле или уже произошло, или находится в процессе).

Затем, через пару дней, по сильной пьяни, когда кроме Жучков и Светы ко мне заехал еще и Ходоська, у всех случился небольшой гормональный взрыв. Жучки, не уходя из-за стола, занялись животной жизнью, а Света, не будь дура, завалила Ходоську. Ты же знаешь Ходоську: еще ни одна баба без судороги мимо его не прошла. Единственной женщиной, которая оказалась равнодушна к его античной красоте, была ты, за что я тебя еще сильнее уважаю.

Сексуальные упражнения этой четверки так сильно смутили мое душевное равновесие, что я раз пять выскакивал в прихожую, что бы прильнуть к перчаткам...

Неделю спустя гопкомпания опять собралась у меня. У Жабы с Ходоськой что-то не получилось: Ходоська сидел с таким видом, словно у него желудочные колики, и Жаба, скорей всего из чувства мести, соблазнила меня. Извини за откровенность, конечно, она не вызывает у меня ничего, кроме дружеского участия, особенно учитывая ее патологическую болтливость, но в постели ты по сравнению с ней, то же самое, что легкая рябь на пруду в дачном поселке на фоне океанского тайфуна...

25.11.94. Лежал, читал газеты. Твои перчатки лежали у меня на груди. Читая, я их поглаживал. Ниже перчаток лежала кошка. Иногда поглаживал и ее. Ты в курсе, что творят индонезийские милитаристы в Восточном Тиморе? Я просто кипел от возмущения. Тут приперлась Жаба. Эта прошмандовка выцыганила у меня второй ключ, теперь врывается без звонка и стука. Я едва успел спрятать перчатки под подушку...

27.11.94. Ее три коронные вопроса (задаются без остановки):

— Ну как живешь, моя бэйба?

— Ты ел? Кушать хочешь?

— Радость моя, а мы будем заниматься сегодня здоровым спортивным сексом?..

11.12.94. Жаба решила навести порядок в моих вещах и обнаружила перчатки. Сначала она кричала, что я грязный подонок, она меня так чисто, по-девичьи любит, а я завожу другую женщину. Когда я все объяснил, она стала кричать, что я грязный фетишист и таких, как я, нужно убивать в детстве...

— Едем к ней, — сказала она неожиданно.

Я представил вашу встречу, у меня ноги подкосились.

— Зачем?

— Отдать перчатки!

Мое воображение быстренько выдало мне картинку: как она тебя сначала убивает, а затем одевает на быстро охладевающий труп перчатки... Пришлось солгать, что я не знаю твоего адреса. Тогда она заявила (воистину ее фантазия неисчерпаема):

— Все вы, мужики, такие: бросаете жен и даже не поинтересуетесь, где они живут, какую сухую корочку грызут... (признайся, любимая, что до сухой корочки у тебя в жизни еще не доходило ни разу...).

Чтобы закончить разговор, сказал, что это ты меня бросила.

Ее реакция:

— Какая нормальная женщина выдержит такую грязную тварь, как ты? У нее есть подруга?

— Есть.

— Пойдем звонить подруге.

— Зачем?

— Узнаем ее адрес и отвезем перчатки, чтобы больше ничто об этой б...ди (прости любимая!) в доме не напоминало.

Еле отговорил. И все равно весь этот скандал закончился вопросом:

— Ну так мы будем заниматься любовью, котик мой?

О, боже, это становится невыносимым.

17.12.94. Новая фишка Жабы. Она решила постирать твои перчатки, высушить их и взбрызнуть своими французскими духами, подаренными мифическим поклонником. Еле отвоевал. Эта матерая хищница читает меня, как детский учебник по английскому... Разве это не жестоко — отнять у меня последнюю маленькую радость?

3.01.95. Встречали Новый год. Втроем. Жаба, ее лучшая подруга и я. Девочки учились вместе в медицинском институте (обе недоучились). Рассказывали о своих любовниках, первым мужчиной Жабы был негр (вот откуда у нее такой темперамент). Кроме того, в списке присутствуют араб и лаосец... В половине второго пришли Валентин с женой. Валентин с простуженной поясницей, жена — уже в дупеле. Жаба так стреляла глазами, что я испугался, как бы парня не пробило навылет. Но он был польщен. Что до жены, то несмотря на полуодеревеневшее состояние, она умудрялась танцевать, не останавливаясь (правда, два раза она-таки упала). Одним словом, дали джазу. В начале четвертого я свалился и уснул (последнее, что запомнил: Валентин в углу, в опасной близости от его полураспростертого тела — Жаба, в то время как Жабина подруга и жена Валентина пытаются судорожными движениями бедер задеть и свалить телевизор...). (Ну и что, что он не работает?!. Это же не повод!) А в половине двенадцатого дня я уже бежал за водкой. Перед тем как выйти за дверь, достал из укромного места перчатки и поцеловал их.

15.01.94. Был представлен Жабиной маме. Жаба явно пошла в папу, потому что ее мама — очень крупная женщина. Ее первые три вопроса (с интервалами, но не очень длинными):

— Как вам Светины пироги? (пироги отменные, надо подбросить тебе рецепт, научишься — обрадуешь своего усатого урода).

— Сколько вы зарабатываете? (простота — хуже воровства).

— Когда вы собираетеся развестись с вашей женой? (не дождетесь!).

21.01.95. Кошка погрызла левую перчатку. Только собирался начистить ей поганую харю, как приперлась Жаба. С порога поставила вопрос ребром: требовала жениться на ней, стыдила меня и угрожала. Напоследок обозвала «перчатником».

2.02.95. Сегодня приходил Ходоська. Краснел, прятал глаза, потом признался, что по дури-пьяни не далее как вчера вступил в связь с Жабой, т.е., попросту говоря, ужравшись, он опять позволил ей себя трахнуть. Я чуть не умер от счастья.

Конечно, для вида я сначала поорал и побросал в него не очень тяжелыми предметами, а основательно разогревшись — позвонил Жабе. Я сказал, что моя мужская гордость не позволяет мне снести такое оскорбление и наши отношения окончены. А Ходоська уже получил от меня вызов на дуэль (Ходоська при этом сидел рядом и глупо улыбался). Также я потребовал передать ключ Жучкам (сначала хотел, чтобы — Ходоське, но во время спохватился: зачем еще раз подвергать его сексуальному риску). Прежде, чем Жаба успела разлепить свои тонкие губки, я уже бросил трубку.

7.02.94. Сегодня утром приходил к тебе на работу. Хотел отдать перчатки... Тебя не было...

14.02.94. Сижу на кухне, слушаю транзистор. Как всегда, в это время передают цыганские мелодии. Так грустно! Хотел было расплакаться, но представил себя со стороны (пол-первого ночи, холостяцкая кухня, поносно-желтые стены, тусклый свет электрической лампочки; уронив голову на стол, здоровенный мужик одиноко рыдает под цыганский романс) и передумал. Нужно хорошенько покопаться в шкафу. Может быть, ты еще что-нибудь забыла.

МОЙ ПЕРВЫЙ МУЖ

В детстве я влюблялась в одноклассников, в техникуме — в одногруппников, позже — в товарищей по работе. «Это потому, что ты курица и домоседка, — говорит мой первый муж. — Романы нужно заводить в метро, в библиотеках, в филармонии...» Ну... филармония — это как раз его профиль.

Так вот, с Димой я познакомилась на работе. Мелькал такой высокий парень, лыбился, подмигивал. Я обратила внимание, что он постоянно к девкам клеится, и все время к разным; думаю, ладно, подмигивай, если глаз не жалко. К тому же — вижу, что парень явный поддавальщик, через день с мутным глазом ходит. В общем, я так... сурово была настроена... А он повадился заходить ко мне потрепаться, сходить пообедать вместе, покурить... У него — жена, дочка.

Однажды он мне заявляет: знаешь, я к тебе отношусь — как к лучшему другу. Все мои друзья — козлы; женщины, вообще суки, а ты — одна меня понимаешь...

Я рассказала моему первому мужу, а он говорит: «Смотри, как бы этот лучший друг не оказался однажды на твоем диване готовый к употреблению... Диван, он вообще способствует пониманию, как ничто другое...» А мой первый муж, он такой... Нострадамус такой... Накаркал, одним словом.

Представьте себе, три часа ночи. Звонок в дверь. Открываю, стоит Дима. Глаз мутный, колено нетвердое. «Можно — я у тебя переночую?..» Ночуй, говорю, тут ночевать-то всего ничего осталось. Утром он ушел на работу. Бледный такой, неразговорчивый. А вечером опять является, но уже пораньше, трезвый, в руках курица, мандарины. Так он у меня и остался.

Что касается секса, так я вам прямо скажу — ничего особенного. Я давно заметила, что если мужчина чрезмерно петушится по отношению к женскому полу, то там чаще всего или слишком быстрый секс, или слишком однообразный, весь пар уходит в хлопанье крыльями... Но мне было без разницы, я втрескалась, как последняя дура. Счастья полные штаны. Помните, как в песне Лаймы Вайкуле: «Ты — жаворонок, ты — жаворонок, ты — жаворонок, я — сова-а-а...» Дима был жаворонок, раньше меня

засыпал и раньше вставал. Вечером я подолгу сидела в кресле и любовалась на него, а утром он вставал первым, разогревал завтрак, будил меня...

Правда, мой первый муж предупредил меня (знакомиться с Димой он не захотел, мы только созванивались в то время), он сказал: «Как только твой хахаль начнет ныть, что его доченька растет сироткой, бей тревогу. Надевай эротическое белье, устрой ему режим усиленного питания, потому что парень смазывает салазки...» Я, дура, не поверила. А Дима действительно начал грустно смотреть в окно, вздыхать и рассказывать, что дочь растет сиротой, а у него такой трудный период, он даже деньгами не помогает, такой подлец...

И вот одним прекрасным зимним утром он ушел на работу и больше не вернулся. Причем, ушел он — мне в общем-то неудобно об этом рассказывать, но это так смешно, что не могу удержаться — ушел он в моем белье. Я все его исподнее с вечера замочила, а постирать поленилась. И вот он мне утром говорит: дай мне какие-нибудь трусы. Я ему отвечаю: «Если только мои».— «Да ты что? Как я могу?» Я говорю: «А что здесь такого? Ты разве собираешься где-нибудь раздеваться?..»

Ну он мои и надел. Я так смеялась, глядя на него... Интересно, как он от них избавлялся? Я знаю точно, что вечером того же самого дня он вернулся к жене. Не мог же он лечь в супружескую постель в моих трусах, где-то он их снимал? В подъезде, что ли?

Зато у меня есть коллекция Диминого исподнего. Иногда просматриваю, под настроение. Могу устроить вам экскурсию: «Трусы моей памяти...»

Я мужественно ждала день, два, неделю, месяц, а потом меня взяло такое отчаяние, что я позвонила моему первому мужу, он скоренько приехал, и мы, как в старые добрые времена, в четыре руки приготовили шикарный ужин, включили музыку... и нажрались в дребедан. Я рыдала у него на плече...

Мне все подруги говорят: ты — кретинка, ослиная морда, чего тебе не хватало?.. Мы с ним очень хорошо жили. Хорошо поженились, хорошо жили и развелись по-хорошему. Он сказал: я никогда не буду бывшим, я всегда буду твоим первым мужем. Я подумала: ну и ладно, лучше много разных, чем вовсе ни одного...

Мы бы и сейчас могли сбежаться. Ничто не мешает... Но...

Стоило мне увидеть Диму, далеко-далеко, где-то на горизонте, даже не Диму, а просто тень его, отражение, даже просто услышать звук его шагов, как у меня перехватывало дыхание, ноги становились ватными, и все остальное теряло смысл.

Многие женщины могут мне завидовать: я счастливая. Я знаю, что это такое, когда подкашиваются ноги от любви...

ИСТОРИЯ, РАССКАЗАННАЯ ДМИТРИЕМ АНАТОЛЬЕВИЧЕМ К.

(16 августа 1995 г., бар «Зодчие» — Берсона,3)

...Давайте я расскажу вам свою историю, история такая... незатейливая, в общем-то, история...

Вышел я из школы. Иду. Было мне лет 7—8. Ну — девять от силы... Иду я мимо канавы. Точнее, канала. Такая длинная, протяженная канава. Канал. Иду. Гляжу. В канаве там — лед всякий. Край льда, вода плещется... К краю льда прикипела отдельно взятая льдинка. В льдинке — *нечто*!

Я наклоняюсь над каналом, пытаюсь дотянуться — ни фига! Наклоняюсь ниже — ни фига! Еще ниже, угол критический: ноги к туловищу, смотрите, показываю, меньше, чем 45° — естественно, падаю в воду.

А жил я, между прочим, на Севере. В Архангельске. Папа служил... Мама работала... Как говорила моя мама: северное сияние, это очень эротично... Так вот, зима — 35°. Я — в канале. Люди — в шоке. Собирается толпа. Я стою. Вода по пояс. Стою, думаю. Меня, наконец, извлекают.

Как вы думаете, что я делаю в первую очередь? Ну, с трех попыток. Начинаю плакать? Нет! Пытаюсь мысленно обсохнуть? Нет!

Правильный ответ: я снимаю ранец, а у меня на плечах — ранец, все, как положено. Снимаю ранец и проверяю —

НЕ ВЫМОКЛИ ЛИ ДНЕВНИК, ТЕТРАДКИ И УЧЕБНИКИ!

Каково?!. Думаете, конец истории? Ни фига! Слушайте дальше.

Я прихожу домой. Дома никого нет. Все с себя снимаю. Слабыми детскими ручонками пытаюсь выкрутить мокрое, в общем-то — безуспешно... Переодеваюсь в сухое и

СТАНОВЛЮСЬ В УГОЛ, ИБО МЕНЯ МУЧАЕТ ЧУВСТВО ВИНЫ!

Возвращаются родители. Видят меня в углу. Что? Как? Я объясняю. Родители в восторге. Целый вечер рассказывают по телефону знакомым, какой я клевый пацан (правда, теперь моя мама говорит, что я — сука, но это отдельная тема...).

Думаете, конец истории? Ни фига! Самое главное — впереди.

На следующий день возвращаюсь из школы...

Подхожу к каналу...

Кромка воды. Льдинка...

В руке у меня палка (обезьяна Павлова рыдала бы, глядя на меня!).

Палкой подгоняю отдельно взятую льдинку (внимательно слежу за равновесием собственного тела).

Подгоняю.

Достаю.

В льдинке —

замерзшая

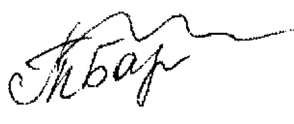
БАБОЧКА!...

ТАЦЦЯНА БАРЫСЮК

Паэзія для мяне — катэгорыя экзістэнцыйная.

Мае вершы — гэта сведчанне майго існавання на свеце, апраўданне майго лёсу, адлюстраванне майго жыццёвага і творчага крэда, летапіс пачуццяў, біяграфія болю...

Народжаная ўвосень і штогод уражаная яе пышнай прыгажосцю і наступным яе скрушным агаленнем, люблю пісаць вершы гэтай парою.



ВОСЕНЬСКІ ПРЫСМАК НАТХНЕННЯ

* * *

Ёсць натхненне,
якое дае каханне.
Часам яно ўзнікае
ад захаплення прыгажосцю,
ад здзіўлення,
ад нечаканай думкі,
ад незвычайнай падзеі.
Але бывае, што натхненне
нараджаецца насуперак усім
неспрыяльным абставінам —
толькі таму,
што надышла Восень...

ЭЛЕГІЯ КВЕТАК

(Вянок напаўсанетаў)

1

Кветкамі ўпрыгожваю свой шлях.
Ружы — успамін аб страсці першай,
імі так салодка наталяць
неспакой душы ў лятунках грэшных.

Горкую прыму наканаванасць.
Пройдзе час, і ляжа ў рукі мне
колераў і пахаў дасканаласць.

2

Колераў і пахаў дасканаласць,
сэрца жар мне абяцаў Нарцыс.

Верыла ў прывабную банальнасць
фраз і жэстаў, твару пекных рыс.

Лёс няўмольны раздзяляе нас.
Зіхаціць адхланнем на траве
сонечнай расы магічны бляск.

3

Сонечнай расы магічны бляск
на рамонках ззяе брыльянціста.
Можна ў варажбітку пагуляць:
мой пахмурны лёс ці прамяністы?

Бог не скажа, дзе ты, мой каханы, —
вечнай невядомасці праклён
на пялёстках спіць зачараваных.

4

На пялёстках спіць зачараваных
сонца — і не адарваць вачэй.
З завядзёнкі выхапіць нірвана —
ды на міг, каб свет зіхцеў зырчэй.

Мяту рву, чабор і зверабой.
П'янкі пах іх — пацалункам лета —
у журбе і ў радасці са мной.

5

У журбе і ў радасці са мной
кветкі пакаёвыя заўсёды:
амарыліс цвіў — была мілосць,
кактус і фіялка — да самоты.

Полымем, усёздзяйсняльнай зоркай —
цынія ўздымала мой настрой,
у каханні і ў самоце золкай.

6

У каханні і ў самоце золкай,
у надзеях-снах і ў паняверцы —
мроя чэрвеньскіх ружовых золкаў
зіхаціць маім разбітым сэрцам.

Прывіды мінулага са мной...
Мо загояцца калісьці раны
у душы — нябеснай і зямной.

7

У душы — нябеснай і зямной —
Бог з мужчынам у двубоі вечным.
Бог са мной — самотны супакой,
а мужчына — здраднік невылечны.

Зоркі астраў мой знішчаюць страх.
З думкаю «Per aspera ad astra» —
кветкамі ўпрыгожваю свой шлях.

8

Кветкамі ўпрыгожваю свой шлях.
Колераў і пахаў дасканаласць.
Сонечнай расы магічны бляск
на пялёстках спіць зачараваных.

У журбе і ў радасці са мной.
У каханні і ў самоце золкай.
У душы — нябеснай і зямной.

* * *

Віхрысты вятрыска
птушак пасе
і чытае газету
на асфальце.

Голуб са срабрыстай
ніткай на назе
ходзіць улетку
ў лапцях.

Апельсінавы спаніэль
скача па траўцы
ў пошуку дамы
сэрца.
Лета чароўную акварэль
хочацца бачыць,
музыка гамы
льецца.

Сёння за хаўтурамі —
шумнае вяселле:
лёсу мудрагелістая
ніць.
Радасна ці сумна,
вусцішна ці ўсцешна,
сэрцу амярцвеламу —
жыць.

* * *

Не сэрца — разбітае шкло,
на ім — твае ініцыялы.
Мінулае не адышло,
а будучае — не настала.
Адна... Бо мой кніжны свет
ад явы такі далёкі!
Расою блішчыць на траве
адчай прасвятлёных аблокаў.

* * *

Чаму натхненне без кахання памірае?..
Глядзіш, як яно курчыцца ад болю,

сцякае слязьмі і крыўдаю,
задыхаецца ад нежадання ўсвядоміць
сваю адрынутасць:
за што?!. За што?..
А як яму дапаможаш?
Стварыць ілюзію прысутнасці любага?
Закахацца наяве?..
Ды не хочацца зноў памыляцца, каб зноў балела.
Падумаеш пра боль — і сапраўды яго адчуваеш.
Татальная самота.
Ваяўнічая самота.
Самота дзеля самоты...

РАНДО ДЗЯЎЧЫНЕ

Ад воч тваіх наіўных чараў
ён прыпадзе да тваіх ног,
знітуе вас жаданым дарам
кахання электрычны ток,
апаліць вашу кроў пажарам
Амур — такі капрызны бог.
І будзе сэрцам уладарыць,
хто тваю цноту перамог —
мужчына тваёй мары.

Быў Бог — цяпер глядзіць, як воўк.
Адчай застыг на тваім твары.
Яшчэ не выплаканы шок:
за што табе такая кара?
Як разлюбіць і кінуць мог
мужчына тваёй мары?

* * *

У найпакутнай экзальтацыі
асенніх мрояў — узгадаю

тэкст — белай фарбай на асфальце —
пад акном: «Цябе кахаю!»

Няхай радкоў праменіць пафас
і праясніцца каламуць,
каб здолеў верш зачараваць вас
і да мяне вярнуць.

* * *

Папялішча — і кветак жывучых буянне...
Вось таму і ўзнікае, мацнее, расце
прывід мары аб светлым, наіўным каханні,
ніягары высокіх пачуццяў-страсцей.

Што мужчынаў прыцягвае: розум ці цела?
За лісой паляўнічы па лесе імчыць.
На свабодзе бязмежнай я так адзічэла,
што нялёгка мяне прыручыць.

ШЧАСЛІВАЯ СМЕРЦЬ

Шалею ўспамінамі хмельнымі,
выплёскваю думкі адчайныя
на воч тваіх стылую цвердзь.

Манон Ляско й Дама з камельямі
памерлі бязмежна каханымі.
Я мару пра гэткую смерць!

* * *

*Vulnerant omnes, ultima necat**.

Адчайныя думкі пачне хістаць
сусвет землятрусам быццам.

* Раняць усе, апошні забівае (лац.).

Як страшна нанова жыць пачынаць
у трыццаць!
Як сэрца пачвара чарговая зраніць,
каб не паміраць,
вучуся тады я жахлівую памяць
навекі сціраць.

ГЛОСА

Жывеш не вечна, чалавек, —
Пераҗывi ж у момант век!
М.Багдановiч

Жыццё тваё — як дар багоў:
і крохкае, і моцнае,
сапраўднае і ўмоўнае,
у межах і без берагоў,
святое й поўнае грахоў.
І толькі, як бы ты ні бег,
цябе дагоніць ведзьма-смерць...
Тады адчуеш, небарака,
з'ільдзелы ад нямога страху:
жывеш не вечна, чалавек!

Каб вечным быць на злосць смярцям,
паэт свой верш шліфуе ўпарта.
Без жартаў — толькі гэта варта
рабіць, — а многім і няўцям.
Дні славы хутка праляцяць!
Каб не аддаць свой лёс на здзек,
каб адгукнуўся мноствам рэхаў,
паўстань! — і працаю штодзённай,
сваёй, натхнёнаю і плённай,
пераҗывi ж у момант век!

* * *

Велічная прахалода.
Дрэў перад сном агаленне.

Сэрцам маім авалодвае
восеньскі прысмак натхнення.
Гэтак духоўнага трэба!
Прывідных мрой акварэль.
П’ю рамантычнага неба
летне-асенні кактэйль.

* * *

Пачне паўстанне думак раць,
душу агорне сум былы,
каб сёння зноў магла кранаць
паэзіі нервовыя вузлы[**].
І зноў метафары звіняць,
не ў сілах сноў развеяць замець.
Сусвет мой зможа захаваць
мая машына часу — памяць.

ПАЧАТАК КАСТРЫЧНІКА

Бывае восень — калі каханне,
калі душы палёт агністы,
тады наўздзіў цвітуць каштаны
і доўга зелянее лісце.
Бывае восень — калі самотна,
калі адчай так непазбежны,
тады слата або марозна,
а часам — нават снежна[***].

18 КАСТРЫЧНІКА

Калі мяне болей не будзе,
падыдзі да акна

[**] Гэты радок — паводле слоў А.Весялоўскага.
[***] У 2002-м годзе першы снег выпаў 8 кастрычніка.

і, спачуваючы слязам дажджу,
яго асенняму настрою,
узгадай пра мяне.
Або сонечным надвор’ем
у Траецкім ля Свіслачы,
гледзячы ў яе люстраныя воды,
успомні:
я калісьці таксама любіла глядзець
на дождж і на Свіслач...

* * *

Каб мары здзейсніліся, кажаш
замовы.
Замест асенняга пейзажу —
зімовы.
Як скруха сцісне твой сусвет —
слёзна.
Не знойдзеш лёсу запавет —
позна.
І пранясецца рой пакут
смерчам,
каб перадаць самотны дух
рэчам.

ЖАНОЧЫ СМУТАК

Мы спрабуем, наіўныя,
зорнай мары не страціць,
плацім — часам і сіламі
за ілюзію шчасця.

І здароўем, і нервамі,
і слязьмі, і бяссоннем,
і сардэчнаю вераю,
і адчаем прадонным.

Каб не знішчыць ілюзіі,
мройных сноў не забрудзіць,

бо навокала людзі
ўжо даўно абязлюдзелі.

Донкіхоты ў музеях,
донжуаны ў фаворы.
Ды не гіне надзея:
«Знікнем разам», — гаворыць.

* * *

Калі за акном будуць енчыць вятры
і злавацца завіруха,
на кані да мяне прыскачы,
з ястрабам на плячы —
і кінь да ног чарнабурку:
«Для маёй яснавокай панны!»

* * *

Крыштальнасць росаў
гэтым ранкам
скамянелая.
Змяніла восень
залатое ўбранне
на вясельнае.

Сняжок істужкамі
паўзе
па голлі белым.
Чаму я з птушкамі
на поўдзень
не зляцела?

А можа, будзе
неба знак
на стрэчу з лёсам?
Тады абудзіцца

вясна
ў лятунках Восені.

* * *

Не прашу я, мой Божа, замнога:
мне, такой летуценнай — зямнога;
мне, такой імпульсіўнай — спакойнага,
на адкрытыя раны — загойнага.

Спадарожніка трэба такога,
каб трымаў рэчаіснасці ніць
і, калі буду страчваць прытомнасць,
каб паспеў ён мяне падхапіць.

* * *

Адвечны сум. І маразы заўчасна.
І памяць сэрца аб цнатлівым снезе...
Навекі страчанае шчасце
ўваскрэсне ў райскае кунезе.

І буду марыць аб адхланні
(хоць лёс расстанне нам прарочыць),
каб наша расцвіло каханне
і не змаглі яго сурочыць.

І Богу буду слаць маленні,
каб яркі імпульс стаўся вечным,
і ўрэчаісніў наша сненне —
сагрэцца полымем сардэчным.

* * *

Як стаць тваёй законнай жонкай,
любоўю, марай, птушкай сіняй:

завяяваць бясстрашнай амазонкай
ці адмаліць пакорнай Ефрасінняй?

Дайсці да самых сэрца нетраў,
быць неспатольнай, светлай Музай,
быць неабходнай, як паветра,
але не стаць табе абузай?

Нарэшце — веры даць мужчыну,
што можа верны быць каханню.
І быць Чароўнаю Жанчынай —
паводле сэрца і прызвання.

* * *

Расставайся, калі разлюбіў ён, — адразу,
аддзіраючы памяць з крывёю і мясам.

Не ўнушай сабе, што ён кахае і вернецца:
яго сэрца не раз яшчэ здрадай абветрыцца.

Не люляй сваіх мрой пра пяшчоту абдымкаў,
хоць і вусны твае да ягоных прывыклі.

Са слязамі сплыве настальгіі навала.
Ты ўяві, што сустрэчы той не існавала...

ПАЭТЭСА

Тваё каханне — здрада
абавязкова напаткае?
Чаму нячастай госцяй радасць,
а лёс вымерваеш адчаем?
Ды сонечная раніца
абудзіць марай бэзавай.
Таму што ты — абранніца
Паэзіі.

* * *

Агонія апошняга кахання
цябе прыцягвае і старыць.
Насуперак душэўным прадчуванням,
расстаўся — каб званіць і марыць.

Узважваеш, якія маем шанцы.
Яна — адна ці не, — варожыш.
Сніш прыцягненне цел у танцы...
Расстаўся — а забыць не можаш.

* * *

Нарэшце, каб жыць — прабачаю...
Ляці прэч, ты — вольная птушка.
Тады ў зачараваным гаі
ты знойдзеш, з кім мроі пагушкаць.

А я — палячу да самоты.
Яна мне не здрадзіць ніколі.
За шчасця імгненнага дотык
не дам накановановай волі.

ТАЦЦЯНА БЕЛЬСКАЯ

Маё слова — мая зброя і мая абарона, мая слава і мой сорам. І калі ў мяне няма таленту, то я прашу ў Бога, каб Ён мяне адарыў ім. А калі ж талент у мяне ёсць, то я прашу ў Бога, каб Ён яго збярог.

* * *

Радкі на паперы лягуць
слязьмі блакітных літар.
Соль іх не кожнаму бачна —
папера белая і соль — таксама...
Не заўсёды за вясёласцю
хаваецца шчасце.

* * *

Я — нібы кінамеханік, —
ірвуся адшукаць той момант
на кінастужцы майго жыцця,
дзе я і ты разам;
дзе ты жадаеш мець шчасце,
а я — маю шчасце.

* * *

Ты — як застыглы крок на асфальце,
дзе праходзіць маё жыццё.
Ты — сам яго пакінуў на свежым асфальце,
тады яшчэ дыхаючы прагаю жыцця.
Ты прайшоў па маім сэрцы
і зачыніў дзверы ў будучыню.
У нас засталася толькі мінуўшчына,
і тая — адна на дваіх.

* * *

Маё жыццё лягло на тваю паперу
тоўстаю рыскаю
майго вузлаватага почырка
і цягнецца па гэты час
крывавым болем безвыходнасці.

Мы залежым: я — ад тваёй паперы;
ты — ад маёй безвыходнасці...
А незалежнасць нашая
некуды знікла,
быццам бы яе і не было.
І няма нам чаго выстаўляць
рахункі:
мы ж — залежым адзін ад аднаго.

* * *

Слова — ты мой наркотык,
і мне не патрэбна іншага:
я — твой гаспадар і раб.
Папера, ты — дыханне чыстае
маёй душы,
скрэмзанае сінімі літарамі
маіх слёз.
Я — наркаман, які нарэшце
дарваўся да сваёй жадаемай дозы.
Я наталяю голад словамі вершаў,
каб душа займела імунітэт
ад жыццёвай будзённай пошасці.

* * *

Раней — на світанні майго жыцця —
я магла лётаць, як пушынка.
Але мінуўшчына вострым лязом
сваіх нажніц падрэзала мне крылы...
І цяпер я чакаю — покуль яны адрастуць,
з сумам пытаючыся ў самой сябе
і сваёй інтуіцыі:
— Ці змагу зноўку акунуцца ў акіян
світальнага блакітна-аксамітнага неба?
Ці змагу адмыць душу
ад бруду зямнога быцця

з яго туманна-абстрактнай мітуснёй,
з яго сумна-жудаснымі жарсцямі?..
А на траве блішчыць
росны россып маіх слёз,
што ўпалі на зямлю пацеркамі
цёплага дажджу,
і вясёлка ў небе, як сямікаляровая кветка
надзеі маёй душы, свеціць у вачах
тысячамі чэрвеньскіх сонцаў.
Мае крылы, не дайце мне памерці ад болю —
ад нязбыўнасці няспраўджаных мар.
Успомніце,
як вы насілі мяне ў паветры аптымізму
па-над будзённым нігілізмам грозных хмар.
Душа, памятай той інстынкт,
што робіць мяне чалавекам!
Падаруй сэрцу вышыню,
крылам — пах свабоды
і ўзнёсласць — ідэалізму;
душы — хоць сотую долю праведнасці,
розуму — яснасць, яе залатую сярэдзіну.

СУМНА...

Памяць, спыніся!
Так болей жыць нельга!..
Усё, хопіць.

МАРЫ

Ізноў маю душу апанавалі мары —
ірвуцца на яе палі, у яе лясы й абшары.
Лісце, падбітымі птахамі, падае на зямлю,
падбітымі камянямі кропель касога дажджу.
Косіць восень дажджамі рудую траву.
Ападаюць мары ягадамі спелай рабіны.
Я ведаю — праз зіму
яны ружамі зацвісці павінны.

СЕЙБІТ

Пахмурнай вясною па полі прайшоў
Сейбіт.
Ён засееў поле майго сэрца зернем...
Зернем нашых слёз.
Заўтра мы — пажнем пах палыну.
А сёння — па маёй душы прайшоў
Сейбіт

КАЛЕКЦЫЯНЕР ПАЧУЦЦЯЎ

Увайдзі па прыступках
майго жыцця
ў маю душу,
зазірні ў вокны майго сэрца.
Адчыні куфры маіх пачуццяў.
Ты бачыш золата, старыя дукаты,
алмазы й спелазялёны малахіт?..
Не! Ты бачыш цану маіх успамінаў,
маіх мінулых пачуццяў.
Ты сціраеш пыл з маіх куфраў
і шэпчаш:
— Шалёная вар'ятка!..
А я смяюся, бо я — не гандляр.
Я — калекцыянер пачуццяў!

ПЛАГІЯТ?

Не паверыш? Я заплюшчваю вочы
й малюю сабе тваю душу:
гэта — возера, якое схавалася
ў вяршынях гор...
Возера б'е халоднымі крыніцамі віроў.
Пульсуе кроў венаў.
Дыхае і віруе вечным жахам вайны...
Я ж — хачу ўдыхнуць у яго
вечную прыгажосць міру і святла,

стаць тваім цёплым подыхам,
каб замерзлыя салаўі нашых мар
ажывалі ад лёгкага ўздыху.
Хачу стаць каралавым востравам
твайго возера — тваім сэрцам.
Так, тваім сэрцам... І ўжо ты сам
сабе не належыш. І ўжо мае думкі
становяцца тваімі. Мае дзеі — тваімі...
Гэта — не плагіят.
Гэта — усеабдымнае каханне!

ТВАІМ ІМЕМ

Мая памяць — слайдавыя фотамалюнкі,
на якіх адбіваецца мая мінуўшчына,
лес успамінаў, у якім я хачу схавацца
і стаць рэхам, дзе толькі я выбіраю колеры...
Але ты сам назваў здраду сваім імем.

ЭКАЛОГІЯ ДУШЫ

Майму памерламу сябру

Нас калыхалі мацяркі ў аднолькавых калысках.
Нам спявалі аднолькавыя калыханкі.
Мы гулялі з аднолькавымі цацкамі.
Мы хадзілі аднымі й тымі ж сцежкамі.
Аднолькавасць — ідыялізм нашых памкненняў.
А потым — узарваўся Чарнобыль,
і смерць адабрала ў цябе цела...
А можа, і добра, што памерла толькі цела
і Чарнобыль не забраў тваю душу?
Чыстымі засталіся яе нябёсы!..
Чарнобыль не ўварваўся ў твой розум —
смерць схавала ад тваіх вачэй
Чарнобыль Сучаснасці.

У ПАРКУ

Прытулак, прыстанак —
ранак...
Вераснёвы вецер сярод альтанак
плача тугою чайкі.
Тут разбіваліся сэрцы
й б•яліся злыя байкі...
Ілгалі вусны — вуснам
вясною спакуснай.

* * *

Мы разышліся ў розныя бакі,
а паміж намі, як горкія вякі,
ляглі жыцця нашага берагі,
а над намі — неба блакітнага шаўкі.
Прадзе самотны дождж
нітку майго жыцця —
на пару з ім плачу і я.
На золку спевам салаўя
ірвецца з цела прэч душа мая.
Горкім рабінавым сокам
сэрца крывавіць між вячэрніх аблокаў.
Ранак майго шчасця,
які ты далёкі —
як бусел у небе высокім!

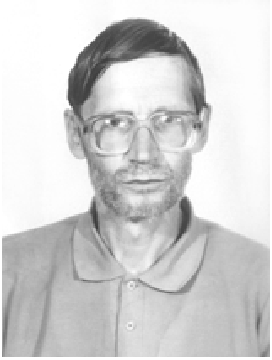
* * *

Боль майго сэрца — ты!
На тым канцы зямлі,
схаваўшы самотныя гарады,
белым абрусам ляглі снягі.
Боль маіх думак — ты!
Ссутонеў тугою вечар,
пахнуць зімы халады...
Павянчаўся з мяцеліцай вецер.

* * *

Сонца сілай Агню
шэпча зямлі: «Люблю!..»
Сілаю Вясны
ўплятае ружы ў мройныя сны.
У пакоі мы не адны —
на акне цалуюцца галубы.
Эх, Вясна-бессаромніца...
Сонца — каханка, яго палюбоўніца!
На вуснах тваіх —
яго сунічныя пацалункі...
Не хавайся —
ад кахання няма паратунку!
Раніцай трава пахне расою —
даражы, дзяўчына, сабою:
у любасці шмат адценняў,
але нічога лепш няма
за колер белых адзенняў...
Упляці ў вянок белую лілею!
Толькі той кахае, хто чакаць умее.
Хто кахае цябе — дачакаецца!
Лепш чакаць і трываць,
чым зняславіцца...

АЛЕГ БЫБ



Спросили: — Зачем пишешь стихи?

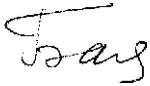
Подумал: «Неужели стихи так плохи, что по ним самим этого не видно?»

Ответил: — Чтобы не задохнуться.

Удивятся: «Что, как в молодости, так и сейчас, когда тебе уже пятьдесят, все тебе душно и никаких сдвигов в твоем мировосприятии? Стоит ли так плохо кокетничать? Мир меняется, неужели не чуствуешь?»

Соглашусь: «Многое, что еще вокруг, кроме хлеба, подорожало, но появились спонсоры».

Добавлю: «Я пишу стихи для того, чтобы восполнить в атмосфере то, чего в ней недостает, под воздействием окружающей среды».



* * *

Ничего не надо мне,
ничего не хочется...
Вполпьяна я нынче пьян,
жизнь туманом сочится
через юности накал,
где надежды пылкие;
через старости подвал,
где сдаю бутылки я.
И стекается сия
влажная история
в лужу капель бытия
возле крематория.

1980

* * *

Весна в чумазой фазе
во всех своих ручьях —
вериги жирной грязи
нависли на ногах.

Журча, ручьи несутся
вперед, и вниз, и вдаль,
и ниточка не рвется,
и им себя не жаль...

А я — больной и старый,
и мне уже не течь,
но музыке ручьиной
дано меня увлечь.

И я, такой бескрылый,
смотрю на тот карниз,
откуда так возможно
шагнуть вперед и вниз.

1980

ЗА ТРИ ТЫСЯЧИ ВЕРСТ ОТ ТВЕРСКОЙ

Дождь идет и идет над Россией бездомною,
покрывая дороги глухою своей пеленой,
а за тучами — звезды на небе такие огромные
далеко-далеко, за три тысячи верст от Тверской.

Ветры листья срывают, срывают, такие осенние,
кроны рушатся, чтобы умножить в полях перегной,
а за тучами — звезды на небе, на это не годные,
далеко-далеко, за три тысячи верст от Тверской.

Что ты сеешь, Россия, своею рукою огромною,
что ты греешь своею горячей безмерной тоской?
А за тучами — звезды на небе такие безродные
далеко-далеко, за три тысячи верст от Тверской.

Купола и соборы пустые покинуты верою,
еле слышно играет надежды оркестрик глухой,
черт на нарах последним окурком поделится с ангелом —
далеко-далеко, за три тысячи верст от Тверской.

Марсельезу поют резистанты с акцентами разными,
среди прочих — наш, русский акцент, непонятный такой.
Ненавидел их Гитлер, хоть были они буржуазными —
далеко-далеко, за три тысячи верст от Тверской.

Под Мадридом, Бомбеем, Брюсселем, Нью-Йорком,
Бейрутом ли
лунным светом усталому глазу мерещитесь вы,
когда вечером поздним иду я по улице Горького —
за три тысячи верст световых далеко от Москвы.

1982

* * *

Я рад приветствовать вас, спекулянт Садко,
вы скоро будете в Бомбее на базаре.

До этой Индии чертовски далеко,
но вы пробьетесь, так как вы — бедовый парень.
Под ватерлинию грузите на баркас
мешки с мякиною и мегатонны кваса.
На кость слоновую меняйте этот квас
и пополняйте в кассе долларов запасы.
Торговка частная пусть бублики возьмет,
и пусть в пути она к вам присоединится.
На эту песенку вся Индия сбежится —
и там вся публика по ней с ума сойдет.
У моря синего полна штормами пасть,
вы с контрабандочкой-то будьте осторожней.
С царем морским — плохие шутки на таможне:
на дно морское можно запросто попасть.
А нехороший хулиганский атаман
забыть не может криминальные привычки —
ведь так и ждет, подлец, начать: «Сарынь на кичку!..»
Ну и начнется: «Пролетарии всех стран!..»
Сарынь на кичку — и пойдут хватать наличку
толпой голодной пролетарии всех стран.
Но вы, конечно, отразите их налет!
Я помолюсь за вас, как благонравный инок,
ведь тем и этим нужен эффективный рынок,
и чтоб — валюта и товарооборот.
Я уважаю ваш коммерческий талант.
Хотите взять с собой? Да нет, я вам — не пара.
Но я считаю: вы — способный коммерсант,
и дай вам Бог удачу и товары.
Эх, пиво пенное, зачем ты так горько?
Но хмель от горечи забористее даже.
И я приветствую вас, спекулянт Садко!
И я приветствую вас, купля и продажа!

1987

* * *

Я — внук мировой революции,
расстрелянной НКВД.

Век подмахнул резолюцию
и органы вставил в биде.

Чтоб не отстать от времени,
куранты назад спешат.
Полураспада рентгены
в горле моем першат.

Лубянка — дороже Красной
на рынке валютных идей.
Красная нынче — напрасная
самая из площадей.

Чтоб не отстать от времени,
куранты назад спешат.
Полураспада рентгены
в горле моем першат.

Кому тут нужны завещания,
кто тут для них человек?
Хотите, товарищ Ленин,
я вам устрою побег?

Охранники замысел чуют
и смысл обезвредить спешат.
Полураспада рентгены
в горле моем першат.

Я в двух шагах от визы.
Храм моей песни гол.
Взгляд опустивши книзу,
я с песней прощаться пришел.

Чтоб не отстать от времени, —
а это ж в последний раз —
полураспада рентгены
и злая соринка в глаз.

1990

* * *

Любая идея — не свята,
любая на ночь не права,
тогда оживает Вандея
и из лесу кличет сова.

Простившись с заблудшей святыней,
сказав ей спасибо за кров,
беру я соседские вилы
и в чащу шагаю на зов.

Когда же на горле у песни
ослабнет костлявая длань,
я брошу полночную птицу,
но только не брошу Бретань.

Не брошу стремленье к полету,
и вилы не брошу вовек,
и ту безнадежную веру,
что все-таки я — человек!

Я знаю, что в чащах бывает,
что небу нам нечем помочь,
но счастливы те, что взлетают,
хотя бы и в черную ночь...

1980—1985

* * *

Я не умею дышать вне мести,
в журнале прочел — это от обезьяны.
Месть стайных приматов — не дело чести,
а просто инстинкт такой окаянный.

Не хищник мой предок, я точно знаю,
но я вслед за ним задаю порой жару:

уж раз мне загрызли брата по стае,
значит, я должен мстить ягуару.

Душе моей строки Писанья желанны —
я оба Завета читаю влюбленно,
но тело и дух мой — от обезьяны,
и никогда мне не стать сотворенным.

Мне надо любить по словам Христовым,
хоть Бога любить хочу, а не бояться.
Но есть во мне рудимент хвостовый,
который мешает к Христу подняться.

Я должен любить держиморд и паханов, —
когда полюблю их, в мир явится счастье.
В церковь являюсь я злым павианом,
ну вот, я пришел... Допустите к причастью!

2002

ПОСЛЕДНИЙ АВГУСТ

В лагере спортивном, в окончанье лета
волочило ветром рваную газету.
Домики пустели, сердцу грустно пелось,
не хотелось в школу, в осень не хотелось.

Жизнь кромсала крылья, урезала смету,
волокла надежду, как газету, в Лету.
Август моей молодости движется в исход,
не вернусь я в молодость на следующий год.

Не вернусь я в молодость вспыхнувшей мечты,
никогда с надеждой мне не быть на ты.
Не прижаться сердцем к раненой струне...
Будь счастлива, молодость, помни обо мне!

1978

РЕКВИЕМ ПО ТАЧАНКЕ

Едут, едут по полю тачанки,
ветер треплет гривы у коней,
поп-расстрига давит под тальянку
про Байкал, тайгу и Енисей.

Едут Каратаевы Платоны,
Ванька Каин и Безухов Пьер,
Стенька в мармеладовском жилете
и бандиты — вовсе пьяных вер.

Пахнет воля бурей и набегом,
свистом пуль и грохотом копыт,
пахнет воля небом и полынью,
воля песней по полю летит.

Всем властям вас к стенке ставить надо,
белому ОСВАГУ, красному ЧК...
Поп-расстрига выдал под тальянку
про Байкал, тайгу и Ермака.

Вам, братва, еще — копать каналы,
тосковать и души класть в штрафных.
Хватит вам еще на вашу долю
строек, нар, пайков и часовых.

Хорь, Калиныч, Митька Карамазов,
Стенька мрачен: дайте, что ль, гульнуть...
Поп-рассстрига выдал под тальянку
про его вчерашнюю княжну.

Душат волю золотом погоны,
долго волю им еще давить...
Рыжий поп с расстрелянной тальянкой
не велел погоны полюбить.

Едут, едут по небу тачанки,
птица-тройка взмыла на дыбы!

Ширь-тоска шукшинская в тальянке —
уносите, кони, от судьбы.

1980

МОГИЛА ТЕРРОРИСТА

Есть в Минске на Козлова, на кладбище военном,
неброская могила в немеркнущем огне.
Обычный серый камень горит, как вечный пламень,
и песню в сердце зажигает мне.

Листая старых книжек усталые страницы,
заглядывая в души убитых мятежей,
я прихожу послушать, о чем весною пахнут
цветы, всегда лежащие на ней.

И все было недаром, не зря и не напрасно,
раз есть о ком спеть песню друзьям в нелегкий час...
Могила террориста на кладбище военном,
которая сражается за нас.

Меняются сезоны, законы и резоны —
то ясно, то ненастно, то снова холода...
Мерцает над могилой с чарующею силой
пленительного счастья туманная звезда.

Как часто рвутся в пропасть все те, кто рвутся в небо
из кондовых, казенных российских тупиков,
когда страна Россия — то Каин, то Мессия —
выходит из привычных берегов.

В нелегком нашем мире, в недетском нашем мире,
где нету вечных истин, где предают друзья,
пускай добром помянет мальчишку-террориста
простая эта песенка моя.

Живет страна Россия на поле Куликовом,
покой нам только снится, а в яви — вечный бой...

Не снится только скачка чертовки-кобылицы
да та звезда над нашей головой.

На Пулиховской улице, на площади Свободы,
на поле Куликовом не всякий раз весна...
Танцует всадник медный,
прищурен всадник бледный —
подыскивает всадник скакуна.

И крутятся планеты, и ждут влюбленных где-то,
и светятся светила, не поддаваясь мгле...
Пока на белом свете такие есть могилы,
пока они бывают на земле.

1983

ВИРТУАЛЬНЫЕ УЛАНЫ

Цок-цок, цок-цок, господа уланы,
цок-цок, цок-цок, Гродно и Сморгонь
не забудут ваши доломаны,
не забудут древнюю Погонь.

Пахнет в Минске от морей болотом,
старой гнилью прет от новых стен,
здесь вчера смотрел с портретов Сталин,
с них не взглянет инсургент Шопен.

Кто-то рубит москаля и пана,
кто-то рубит мировое зло...
Бить бокалы, но не пить стаканом —
вот такое ваше ремесло.

Выше к небу, господа уланы,
выше к кронам от слепых корней,
в этой спешке косинерской пешке
не догнать несущихся коней.

Цок-цок, цок-цок, Минск, Берлин, Равена,
Брест, Гавр, Лондон, город Веракрус...
Вот такая у Погони сцена
вне страны по прозвищу Союз.

Цок-цок, цок-цок, господа уланы,
цок-цок, цок-цок, Гродно и Сморгонь
не забудут ваши доломаны,
не забудут древнюю Погонь.

Цок-цок, цок-цок, господа уланы,
длите дальше, дальше ваш разбег...
Цок-цок, цок-цок — ваши доломаны,
цок-цок, цок-цок — в двадцать первый век.

1987

АФГАНСКИЙ ЛЕС

Афганский лес в полночный час
шумит березовой листвой.
Впадает Волга в тот арык —
вон там, вон там, за той горой.

По склону катится поток,
срываясь в пропасть с крутизны.
И вдруг запел чужой солдат,
пришедший из другой войны.

Афганский лес в полночный час
шумит, как роща под Москвой.
Ее листва укроет нас —
вон там, вон там, за той горой.

Никто нигде чужим не рад,
и тот солдат — тому пример.
Горит, горит за той горой
его подбитый БТР.

Афганский лес в полночный час
затих над кровью пролитой.
Пусть окропит ее Аллах
водою волжскою святой.

Поет, поет чужой солдат,
течет его напев из вен.
Был у солдата дома фронт,
там до сих пор — без перемен.

Афганский лес в полночный час
блестит березовой корой.
Страна родная любит нас —
вон там, вон там, за той горой.

Нахмурил брови капитан,
вздохнул о чем-то лейтенант.
И разодрало коркой рот
чужое слово «муттерлянд».

Афганский лес шумит листвой,
ему в ответ — набат в крови.
И ранит насмерть нас с тобой
родное слово «шурави».

Афганский лес, глухой порой
укрой листвой, не выдавай.
Пусть перекрестится Аллах,
когда солдата впустит в рай.

1983

* * *

Повязана навек Лубянка с Пер-Лашезом —
есть общее теперь меж факелом и тьмой.
Повязаны теперь навек мечта с протезом,
теперь в мечту навек прицелился конвой.

Повязаны теперь навек Христос с Маммоной,
с Иудой — активист весьма передовой,
и исповеди суть повязана со шмоном,
как обезьяний зад с Христовой головой.

Молитва навсегда повязана с проклятьем,
как счастие для всех навек с моей бедой,
и лозунг баррикад о том, что люди — братья,
повязан навсегда с нуждою и враждой.

Всегда, еще в апрель, весна стремится в осень.
Всегда, всегда, всегда — в любой весенний миг
скрипят, как трель скворца, тачаночные оси
и тянутся на юг под журавлиный крик.

Конармии всегда отходят от Варшавы,
всегда, сходя с небес, застрянет Бог в дверях.
Повязаны теперь навек Христос с Вараввой —
навек им быть вдвоем в Его концлагерях.

Но сердце жаждет свет, а значит — антитезы,
но антитезы нет — гниет на культях бинт.
Бескрылая мечта, одень свои протезы,
пошли по тупикам искать наш лабиринт!

1989

* * *

Дело было не того масштаба,
и по почкам били не всерьез.
Били осторожно, били слабо,
чтобы не до ручки, а до слез.

А когда мне в этом кабинете
пальцами потрогали кадык,
то железный Феликс на портрете
подмигнул и показал язык.

А когда по темени ладонью
мне внезапно выдали ребром,
вниз с портрета потянуло вонью,
а потом — заблеяло козлом.

Признаваться предлагал мне третий,
со смешком в лицо пуская дым,
и козел резвился на портрете,
и козел смеялся вместе с ним.

Говорил заслуженный полковник
мне, звезде, вонючке и козе,
что мою европу, как звездовник,
разъевропят зеки в КПЗ.

Седина пошла паршой на шрамы:
«Я тебя жалею, молодой,
я жалею очень твоей мамы...» —
и звенел геройскою звездой.

И чтобы на фоне взвитых нервов
нанести по психике удар,
на ботинки наступал мне первый,
выдыхая винный перегар.

И чтобы не допускать плохого,
чтоб заблеван не был кабинет,
поступали мудро и толково:
отпускали в город на обед.

И хоть я в тот раз героем не был,
думаю, держался ничего;
и хотя с овчинку видел небо,
все-таки не выдал никого.

И когда судья полгода вляпал,
буркнул старший, покидая зал:

«Жаль, мой милый: будь у нас гестапо,
все б ты нам, мой милый, рассказал».

Не был я ни вор, ни динамитчик,
но, лояльность напрочь истребя,
бит был больно гражданин обидчик
прямо в кабинете у себя.

Что ж, от сердца надо пить лекарства,
если... выхлебал до дна.
Как цена расплаты за бунтарство,
валидол — дешевая цена.

Бог нам дал для драк сердца и жилы,
глаз для зренья и для правды глас.
Будет надо — пусть Он даст мне силы
выстоять и в следующий раз.

1983

ГАННА ГАЛАВІНА

Можа, калі-небудзь, можа, аднойчы
цёплымі стануць марозныя ночы,
успыхне зямля ад вясновага рання…
Толькі пакуль я рыфмую жаданні.

* * *

Дах зямлі працякае.
На далоні чужых падваконняў
мне далоні цалуе бяздонне
з учарашнім запоем у зрэнках.
Крокі будзяць самотнае дрэва
і жывую ў парку істоту.
Недзе словы ёсць — «заўтра» і «потым».
Ну і што. Я — зіхоткая кропля,
дзе хаваецца водсвет ад вокнаў,
за якімі ты слухаеш дождж.

* * *

Як было мне дагэтуль ведаць,
што ў лапіку талай вады
хаваецца столькі неба.
І можна знікнуць у ім,
шукаючы пэўны адрас;
сустрэцца з сабой — былым,
з тым, чаго не атрымала.
Там водбліскі — твой і мой;
майго мне заўсёды мала.
І — дзіва: з таго не горка,
што недзе глыбока на дне
міргае падманная зорка.

* * *

У ямах метро і аркестраў
грае ружовая скрыпка
напятых трамвайных ліній,
антэнаў і тонкіх шпіляў.
На голас злятаюцца здані,
хто болей ужо не мае

нават сляпога бяссоння
і каліт• для апошняй,
няпэўнай пяшчоты ў вачах.
Трывога кудлатых аблокаў,
водар вільготных яблык
употай за цемрай сочаць —
будзяць марознай ноччу
водгук забытых струнаў.

* * *

— Вы адкуль прыплылі, караблікі,
з парусамі пажоўклага лісця?
— З таго саду, дзе спеюць яблыкі,
і няма з цішыні дзе выйсця.

Там зямля перавітая казкамі,
палыном і рудым неспакоем.
Жураўлiную, з жніваю ясную,
яе ўсю захапілі з сабою.

У цёплым моры знайшлі не адразу мы
ў апельсінавы край паварот...
І заходзяць твае фантазіі
ў мой, засыпаны кветкамі, грот.

* * *

З далоняў халодных кармлю,
як птушку намоклую, восень.
Чакаю,
хаця ніхто аб гэтым не просіць.

Шкадую —
няхай на свеце апошняя гэтая справа.
Дарую —
на іншае, мабыць, проста не маю права.

* * *

Лапы грэе ля самых дзвярэй зіма.
Хто такі пуховы да вокнаў прыбег?
Снег.
Ён таксама быў хатнім калісьці — даўно.
Спаў на печы — уцёк... І вяртаецца зноў.
Мне і снегу, калі хочаце спаць ля агню,
вы, каму зараз цёпла на свеце, —
верце.

* * *

Вось цяпер, у спакоі, я здольная на ўсё:
рабаваць і адорваць адзінаю фразай,
траціць срэбра пяшчоты й грэцца ў цяпле,
быць за гэта хоць з ценямі, моўчкі — адразу
потым крыжыкі ставіць на тонкім сцягне...
Толькі б нехта ўнутры, увесь наскрозь рэлігійны,
ад агіды знямеў і маліцца пакінуў
на гатычныя веі твае.

* * *

За сотняй вяртанняў з болю,
снегу, сляпых надзей,
даведаюся, што помню
толькі сутонне вей.
За невыносным грузам
таго, што заўжды было,
раптам адчую: баюся
толькі маўчання твайго.
На тонкай нябачнай грані
між сёння і заўтра — крок.
Калісьці травою стане
цела маіх дарог.
Штомомант сцвярджаць «даволі»
нарэшце стамлюся, але

рвануся ў пошуках волі —
убачу толькі цябе.

* * *

Што за гэта ўрэшце атрымаю —
колькі дзён кароценькіх... Аж смешна!
Высахлых дастану кепскіх вершаў
для таго, каб моўчкі іх схаваць?
Гораду пакінуўшы палац,
боязь цемры, снегу, шэрых гмахаў
і сляпы давер вясновых дахаў, —
як бяссонне, гэта ўсё міне.
Застанецца што і будзе потым?
Тая незнаёмая істота —
у люстэрку насупр•ць мяне.

* * *

Чуеш шолах вясновых дажджоў,
шэпт празрыстых і цёплых лістоў?
Твар зямлі ён заліў і далоні,
валасы, вочы грудзі й скроні.
Слаўся, першых залеў цішыня
і напружаны шал дзікіх сноў,
нараджэння і смерці гульня!
Песці, дожджык, яе. Болей, болей!
Спевам птушак ускрыкне зямля.

* * *

За маёю форткай птушкі
вучацца, як пець не трэба.
Заціскае вушы неба
ад упартых, п’яных пальцаў.
Нават цішыня глухая
ў сполаху кудысь знікае —

толькі мне ці важна гэта,
калі я іграю танга.

* * *

Горад — маленькія келіхі,
споўненыя жаданнямі,
няпраўдай чужой і ціхімі
заўтрашнімі спадзяваннямі.

Вачэй цеплыню з горыччу
размешвае цемра сіняя.
Разбіцца так лёгка, ведаю,
на тонкіх трамвайных лініях.

* * *

І здарыцца — калісьці тое ўбачым,
што дараслі адзін да аднаго.
Пакінем у мінулым без астачы
слабыя вобразы, пабляклае святло.

З гадзіннікавых стрэлак хмельны водар
сцякае ад нясцерпнае вагі.
Але аднойчы, нібы ўласны гонар,
нам стане кожны момант дарагі.

І спынімся, дыханне затрымаем,
другога сэрца ўраз адчуўшы рытм.
І, быццам перад вечна неспазнаным,
мы схілімся з павагай перад ім.

* * *

На плячах самотных дрэў
і травой зарослых вуліц
застанецца шэры снег,
а мы пройдзем, дзе цяпло

сінь пад ногі перакуліць,
па дарогах мокрых стрэх —
за барвяным горкім сонцам,
вогнішчаў, надзей і грошай.
Зарыпяць у цемры колы.
Хусткай бруднай шэрых плошчаў
горад захінецца голы.
Пойдзе ўвесь — і шкло і камень —
заўтра пашукаць другое...
Шлях, прапахлы палынамі,
быццам ад сляпога болю, —
як заўсёды, разам з намі.

* * *

Над цёплым морам — дождж.
І хвалі ад жадання,
і кроплі ад усмешкі
мне не адрозніць болей.
Займеўшы надта многа цеплыні,
я падаю на дно пустога неба
і захлынаюся —
таму што немагчыма
чужым паветрам дыхаць.
А са шчакі — сцякае дождж над морам.
Мае жаданні — проста ціхі водгук
прыбою, выпітага тонкім слыхам
маленькай ракавінкі:
унутр — не патрапіць.
І застаецца толькі здагадацца,
як недзе ў глыбіні шапоча
над цёплым морам дождж.

* * *

Толькі тонкая постаць сляпога дажджу
нас сустрэне на вуліцы, мокрай і соннай,

каб употай правесці праз тую мяжу,
мураваную з кожнага боку па-свойму.

Тэлефона маўчанне ці водбліскі шкла
або холад адключаных батарэяў,
падштурхнулі на пошукі кроплі цяпла
ад сумненняў і памяці, што адагрэе.

Да вакзальных агнёў не вяртацца назад —
я не буду затрымліваць стомленасць ранку.
Постаць горкіх дажджоў застанецца стократ
даражэйшай за ружы паветраных замкаў.

* * *

Адкуль цеплыня
ў гэтых вачах і далонях?
Яе там не можа быць
ні сёння, ні заўтра — ніколі.
Не можа быць сноў,
шматкроп'я ў сказе з крокаў.
Ні горычы палыну,
ні веры расчыненых вокнаў.
Не можа быць дабрыні,
літасці ды павагі
там, дзе пануе шал
сляпой, неспатоленай смагі.

* * *

Падаюць яблыкі ў сад —
у недаспелы верасень.
Па асфальце, зямлі, верасе
коціцца яблыкапад.
Вось дык салодкі зман:
рукі шырэй убакі —

восень святла медзякі
міласцю кідае нам.
І прадчування смак:
ці ён калі пытае?
Слодыч ці золь нямая —
вось, у маіх руках!..
Яблык з зямлі падбіраю
гарачаю даланёй —
прапахлы дажджом, крапівой,
цемрай і трошкі раем.

* * *

Не пойдзе снег, калі апошняй хваляй
дрыжыць пад пальцамі мядзянае паветра,
пакуль на дне завулкаў дрэвы паляць
прытоеныя казачныя лямпы.
Што я жадаю? Менш за ўсё спакою.
Прасіць і верыць — для святых занятак,
а нам не засталося за гульнёю:
ні мне — цярпення, ні табе — спагады.
За проігрыш — трымай маё дыханне.
Успышку горычы — за адчуванне меры.
Не пойдзе снег, пакуль стрыптыз танцую
чарнілам на абвугленай паперы.

* * *

Адракаюся. Усё былое
пераходжана, як зямля.
Пералётнае дзікае слова.
Перасоленая цішыня.

Лісце пераапранута сень,
перасычана гарачынёй...
Толькі ты памылкова застаўся
так і непералюблены мной.

* * *

Я не п’ю горкай моцнай вады
і гарачай цвярозай кавы.
Я проста не п’ю.
Холаду не люблю ў халады,
скразняку — па вясне,
Гарачыні ўлетку я не люблю.
Шкодныя — цемра, агні і сум...
Мне самотнай быць проста нельга.
Нельга ведаць макрэчу дажджу,
а тым больш — несапраўднасць неба.
Вась яно маё сонца — лямпачка.
І ружовы пакой...
Асцярожней з такою лялечнай
і сапраўднаю мной.

* * *

У бурштыновым шкле маіх вачэй
адбіліся, чаго даўно не помню:
начныя паляванні, а яшчэ —
над пірамідамі егіпецкая поўня.

Што даражэй у свеце больш за ўсё
пасля маіх сагрэтых лапак белых?
Не ўсход і захад, порт і адплыццё —
агонь каміна, залаты ды спелы.

Узімку — дарагая цеплыня.
Хай мае словы — вуркатанне коткі.
Узамен таго, чаго жадаю я, —
усё, што ты захочаш, мой салодкі.

* * *

Я прачынаюся з табой ці без цябе:
і мне не лепш ад гэтага ні горай —

ну, можа, толькі трошачкі зусім...
Я гэтак жа п’ю каву і дажджы,
бываю і шчасліваю, і хворай.
І гэтак жа люблю, як пахне дым.
І п•даю ў вачэй жывое мора.
І гэтак жа не даражу былым,
хоць больш не злоўжываю цеплынёй.
Але яшчэ мацней трымае воля —
ушчэнт выпальвае святы спакой.
Не даравацць і не забыць ніколі,
што ўмею прачынацца не з табой.

* * *

Можна — мне сёння сумна будзе
ад таго, што ёсць дождж і людзі,
а ў кватэры няма агню?
Калі я нават плакаць буду,
то прыдумаю казку пра цуды,
што забылі маю зямлю,
калі восень крадзецца ўпотай.
Можна, вып’ю чужую пяшчоту
і растану ў экранным шкле?
А калі мяне ў сне сагрэе,
што — сказала б, але чырванею...
Можна, успомню тады пра цябе?

* * *

Шкадаваць ні пра што мне даўно не варта—
у валасах вецер гладзіць медзь.
Дзе яно, мае цёмна-барвовае заўтра?
Я жадаю яго сустрэць.

Дзе яны, патаемныя, цмяныя сходы,
паміж сёння і заўтра ніць?

Ці ў жалезнае зоркі крыжацкіх паходаў
навучыліся так любіць?

Усё адно: ці вясна, ці сляпая восень,
ці рамонкі, ці змрочны дым —
як світанне, як час, быццам неба просінь,
я прымаю цябе любым.

Каб пасля за краіну дажджоў, за слодыч,
як не раз адплаціў ты сам,
аддаваць (але потым упарта помніць)
ціхай вернасцю іншым багам.

І таму, хай пакуль яшчэ п'ю твой голас,
непазбежна гарчаць на дне:
прадчуванне, жаданне, але і боязь
майго заўтра — пасля цябе.

* * *

Не трэба мяне ратаваць:
я не тану, я — плачу.
Пакіньце мне сіні снег,
пакіньце пусты пакой.
Не трэба мяне шкадаваць —
яшчэ ўсё будзе іначай,
ізноў я шчаслівай буду,
наіўнай і трошкі злой.
Не трэба са мной да дна —
нашто вам, скажыце, ведаць,
як доўга мяне любілі.
І хто вінаваты ў тым
з часоў, як была вясна?..
Я блытаю смех і смеласць —
не трэба са мной так блізка:
мне помніцца горкі дым.
Ні праўду, ні зману гладзь,
ні ўпотайкі і ні звонка

я не жадаю болей
ні шэрані, ні суніц...
Толькі б змаглі прыняць,
як стомленага дзіцёнка,
трымаючы моцна-моцна
ў час гулкіх начных навальніц.

* * *

У гарачага лета на самым дне
і ў зімовым холадзе — мінус дваццаць.
Усё роўна будзем любіць сябе,
усё роўна будзем сябе баяцца.

Гулка б’ецца паветра густых дажджоў
аб ліхтар, патрабуючы сонца болей.
Нават ціхае рэха няўмольных слоў
мае смак несцярпіма салодкі — ніколі.

Як бліскучы й востры адбітак шкла,
заціскаю час даланёй употай.
Асцярожна ўсё-ткі мяне знайшла
чарапашая гэта пяшчота.

* * *

Толькі нікому — сёння.
Толькі нікому — заўтра.
Можа быць, гэта — горыч.
Можа быць, гэта — праўда.
Толькі ніколі — сёння.
Заўтра тым больш — ніколі.
Можа быць, гэта — гонар.
Можа быць, гэта — воля.
Прага не бачыць твару:
што мне цяпер і потым —
там, дзе расце агіда,

там, дзе была пяшчота?
Хочаш, хай будзе восень,
холад і невяртанне.
Толькі не паўтарэнне.
Толькі не дараванне.

* * *

Надзеі моц і смагі слабасць
адплаты патрабуюць зноў.
Сярод пухнатых ліхтароў
так лёгка пакідаць і вабіць.

Ўсевавілонскі слоўнік моў
не здольны растлумачыць мне,
што снег — заўжды цяпло на дне,
што боль — пакінутая радасць.

ІНЕСА ГАНКІНА

Творчество — процесс крайне субъективный, диктуемый умной эмоцией. Главное — найти интонацию, соответствующую внутренней мелодии.

С другой стороны, поэзия — это не «что», а «как». Потому крайне важна образная система, структура и внутренние связи, логические кульбиты, столкновения слов, понятий, культурных смыслов.

Это — не поза, а позиция, диктуемая особенностями психологического портрета, образованием и сферой деятельности.

Есть ли у такой поэзии читатель?

Надеюсь, что есть, раз представляю фрагменты творчества на этих страницах. Я заранее благодарна читающему за опыт понимания.

И.Ганкина

* * *

Ваши тюбики с визгом порхают по небу.
Ах, душа улетит, ничего не оставит.
Там, у солнца, трещат обгоревшие пальцы.
Здесь — на цыпочках батик колышет доверье.
Так опасно соседство меж дверью и дверью.
Этот хаос сегодня уступит победу,
улыбаясь затылком на долгую память.

* * *

Белые скалы на синем пространстве,
старое море избыточных странствий.
Белые мраморы, серые плиты,
город, видавший иные орбиты.
Солнце, кричащее что-то родное.
Белые скалы — межмирное море.
Я постоянство твое ощущаю.
Полузнакомая, получужая
речь временами царапает горло.
Солнце живое над городом мертвым.
Если колонну потрогать рукою —
тело уснет в колыбели покоя,
и возвращенье покажется лишним.
Можно застрять, словно косточка вишни…
Белые мраморы, яркое солнце.
Жизни на донце и смерти на донце.

16.07.2001, Турция

* * *

Уклончивая гибкость бытия
у ивы, и шуршащая струя
меж веток оставляет брызги солнца.
Сухую кожу ветром веселя,
выглядывает девочка в оконце.

И свет и тени поровну деля,
ленивый кот с упрямыми ушами
свой собственный портрет являет в раме.

Июль, 2001

* * *

Памяти еврейских общин

Лягушки, лопухи — их предков видел Бялик.
Стена крошится желтою звездою.
Коза лопочет: «Слушай, о Израиль,
твои рэбэйным смолоты судьбою».
Мои следы не сохраняют плиты,
нет таковых в забытом Богом месте.
Твои потомки на иных орбитах
прилежно ходят к самым скорбным мессам.
Капусте хорошо расти на пепле.
Хрустит мальчонка свежей кочерыжкой.
Мои глаза от желтого ослепли...
И пахнет хлеб заплеванным кладбищем.

Воложин, 2001

* * *

Мой завершенный круг
за горизонт уходит.
Это случится вдруг,
словно на огороде
сядет тарелка из
огненного пространства.
Здравствуй, моя душа,
что, воротясь из странствий,
мне передаст привет
от старика из Книги.
Властвует не спеша:
что ему наши сдвиги?

Время течет назад,
радугой замыкая
неких страстей разлад.
Пенятся реки Рая
от пузырьков души,
что опьянили Бога.
Райские шалаши
выглядят так убого.
Не потеряешь Рай —
не обретешь дыханья.
Горечи через край,
в дереве — червь познанья.
Круг обретает твердь
и, притворясь Землею,
вверх запускает сеть
с солнцем над головою.
Этот гамак души
дал ей такие крылья.
Родненький, не спеши,
дай насладиться былью.
Пенится гладь Земли,
путь не находит сердце.
Звезды пылят вдали,
веник венчает скерцо.
Уж припасен финал,
тема найдет решенье.
Милый, как ты устал —
жертвой на воскресенье.
Чтоб прокормить кого?
Хлебом или стихами.

Тенью над облаками
Рухнуло божество.

РЕКВИЕМ ПО НЕРОЖДЕННЫМ

Текущее стекло —
извечною змеею.

Холодное тепло
обнимет нас с тобою.
Вино — согреет взгляд.
Вина — укроет душу.
Каких ушей парад
молчанье это слушал?
Молчанье пустоты,
когда месили тесто.
Молчанье наготы
кровавого оркестра.
Уж третий вострубил,
да кто его услышит?!.
Молчание пальбы —
не громче писка мыши.
Молчание судьбы
у века на закорках.
Молчание рабы,
засевшее в подкорке.
Текущее тепло
истаявших Бастилий.
Прозрачное стекло
ожившего в могиле.

* * *

Солнце уходит,
затылок пушисто-горячий
миру являя.
И ночь приплывает со звоном
блюдца луны.
Чай остывает,
а небо совсем загустело
горькой заваркой.
Душе одинокой отрада —
в плотном безмолвии,
сон положив под подушку,

слушать тишайшую нежность
шагов ускользнувших,
в лодке тумана
встречать неизбывное завтра.

* * *

Где в белом пространстве души
безнадежно-прекрасный автограф,
в нем графика ночи распишется
веткою древа по белому снегу.
А кто-то сквозь чащу созвездий
несет чашку темного кофе.
И руки твои колыбельку качают лунёнка,
и что-то в затылок нам дышит —
возможно, чертенок.
А мир возвратился к началам
хрустящих пеленок.
Носящийся над белизною
пленительный дух,
как случалось иною порою,
все набело пишет,
и новое солнце
уже проступает над миром —
как гуща на донце.

* * *

Меж черным и желтым качается капля...
Судачат коровы, мурлыкает цапля
антенны, а впрочем, судьба безрассудна
и где-то в Европе бредет беспробудно.
Меж летом и летом сквозит промежуток,
от белого снега теряя рассудок,
уходит дорога от неба до неба
кусочек тревоги закусывать хлебом.

И каплей надежды баюкая душу,
меж желтым и черным... Ты только послушай.

* * *

У кружева кружение скрижалей,
закручен штопор, вздернут в небеса
собор, растущий по диагонали
от неба к небу. Через полчаса
минет столетье. Что ему, бедняге,
ломанье шапок, бредни королей,
когда кряхтят натруженные кости —
скелет весь обнажен, как на погосте.
Налей лекарство вечности скорей
из молодой и бесшабашной фляги,
что Фауст-панк забудет у дверей.

* * *

Нам на склоне приснится
дождливо-печальное небо,
и кораблик ракушки
одарит немыслимо белой
хрупкой чашей,
где горечи сладость росою на донце.
Я уйду в голубое сквозь черное
тонким побегом,
прорасту в бесконечность,
где нежится теплое солнце
на пушистом и мягком ковре
все познавшего вечного снега.

ШЕПОТЫ И КРИКИ

1

В овал вписал излом
извечный дух покоя и порядка.

И тает микросхемы шоколадка
под времени шершавым языком.

2

Парижский дождь картавит за окном.
Припадок дежавю, обноски вальса.
На шее века затянувши галстук
афиши: «Вечер русского романса»,
тапер заплачет. Шов на рукаве
топорщится, и пахнет телогрейкой
от мусорного бака. Во дворе
притихла суетливая семейка
больничных, все познавших голубей.
А санитар, ботинками пыля,
раздавит скособоченный рояль,
к нам забежавший из иного века,
где улица кончается аптекой,
а не решеткой памяти моей.

3

Круглится окно,
выгибая блестящую спину.
Мигнул абажур,
приглашая задумчиво в гости.
Ошметки скандала,
размокшие в лужице сплина.
У дверцы комода
скрипят постаревшие кости.
Французский каблук
и порхание шелковой блузы
в опасном кругу
гимнастерки, ремня, портупеи.
Иглу патефона заело, а страха медуза
из плесени времени тянет гусиную шею.

4

Промокшие ноги домов
наследили в новогоднем городе.

А всему виной —
загулявший дворник-мороз,
из мятого кулька Рождества
рассыпавший леденцы надежды.
Ах, устало-поникшие санки,
ждущие прошлогоднего снега.
Он растает в третьем тысячелетии.
А пока — длинные уши страха
торчат телевизионной антенной.
Я, пожалуй, запущу в экран
собранием сочинений.
Веселая кутерьма осколков
плавно осыпается молчанием.

5

Под Новый год смешно мечтать о лете.
Теряет стужа белые салфетки.
Простуда поперхнется амаретто —
и зачирикают под елкой дети.
Любовь истает прошлогодним небом
и уплывет по лужам к океану.
Бродячий вальс, подай кусочек хлеба,
напой трезвучье.
Обнищавший ангел
качается в кольце над головою
и передразнивает нас с тобою.

6

Я полюбила терпкий вкус
кофейни, сбрызнутой любовью.
Шуршащий мех старинных чувств
слегка изъеден жизни молью.
Петит печали на столе —
комок заплеванной газеты,
где натюрморт на винегрет
крошат и заправляют светом.

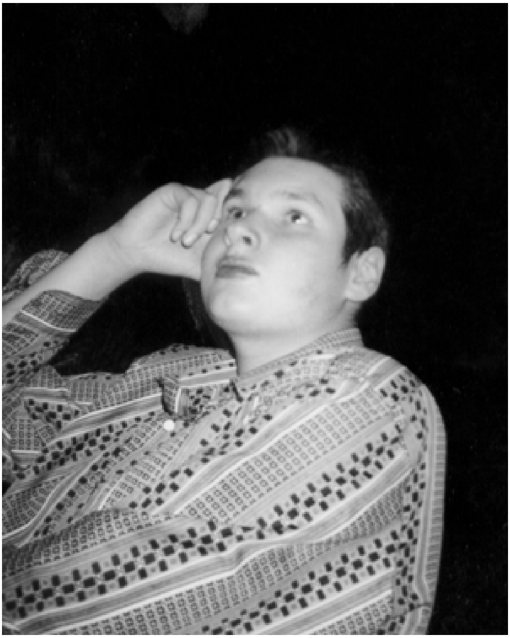
7

Год начнется
мурлыканьем кошки голодной.
Здесь пространства
стекают окном запотевшим.
И качает надежда
фонарик безродный,
макаронины судеб
сплетая с усмешкой.
Этих дней мясорубка
вращалась не нами:
полоскались знамена
в кровавой лохани.
А у бронежилетов,
немыслимо голый,
легкий шарик души
оттопыривал полы.

8

Шалый фонарь, утонувший в реке.
Лист обреченный.
Мир обезьянит,
зажав в кулаке ломтик лимона.
Желтым беззвучьем печали печать
вызвездит душу.
Бледная копия — плащ
на плечах века-втируши.
Вечное бабье — ступенек змея.
Скалятся двери.
Предосторожности небытия
после империй.

ВАДЗІМ ГЛОБА



Стихи – река; река жизни: стоит выйти на берег – и обратно дороги нет.

Нельзя плыть по течению и походить на всех, нужно стремиться против течения – и искать, и делать свое, новое, не похожее на прежнее...

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ОТЦА

Над луной во сне летишь
мимо звезд, как будто снег.
Спи спокойно, мой малыш,
ты устал, а стрелок бег
зов кукушки замедляет.

Тихо в доме, даже мыши —
даже мыши засыпают.
Ангелы летят все выше,
крылья в небе расправляют.
Спи спокойно, завтра утром
ты проснешься взрослым, мудрым.
Спи малыш, лишь только дети...
Нет, не взрослые, а дети
в мире больше понимают,
про добро из сказок знают,
про тепло ладоней мамы —
в них не страшен самый-самый...
Самый-самый страшный сон.
Не позвонит телефон...

За окошком снег идет.
Мама больше не придет,
не заглянет в твои очи,
не шепнет: «Спокойной ночи...»
Только ангел за окном,
шелестя своим крылом,
сон твой чистый охраняет...
Мама помнит, мама знает —
мама здесь, всегда с тобой,
сохраняет твой покой
под серебряным крылом.
Мама в мире, но — в другом.

Ветер снег сгоняет с крыш...
Спи спокойно, мой малыш.

ЗАПИСКИ ПЕССИМИСТА

Иду домой — боюсь.
Боюсь, что не вернусь.

Мне страшно каждый день —
хожу я, словно тень:

а вдруг на город завтра,
в канун восьмого марта,

падет метеорит —
и все вокруг сгорит?

Сломается диван.
Случится ураган...

Мой разум сразу ахнет:
«Коньяк клопами пахнет!»

ЗАПИСКИ ОПТИМИСТА

Все будет хорошо — я знаю!
По морю плаваю, летаю.

На улице не слышно грома.
Меня весь день не будет дома,

Меня с работы не уволят.
Моя мольба грехи замолит.

Я солнце на ура приму.
И на ура приму луну.

Со мной плохого не случится —
моя душа в веселье мчится.

Дождя не видно за окном.
Клопы же — пахнут коньяком.

* * *

Любовь обходит все преграды.
Любви покорен стар и млад,
и нету более награды —
любовь! О, муза, как я рад!

О, чувство дивное, готов,
тебе отдаться покоренным.
Срывать с любви круги оков...
Хвала, хвала... Хвала влюбленным!

* * *

И вот весна — любви прозренье,
начало горестных обид.
Черпаю томно вдохновенье —
и сердце, как струна, звенит.

Любовь приходит не одна —
с ней муза, дарит вдохновенье.
Душа становится вольна —
горит все наше поколенье.

Тебе дарю я свои сны.
Тебе к ногам цветы бросаю...
И лепестками средь весны
тебе дорогу устилаю!

АМОРФНЫЙ ПЕС

Четыре ящика портвейна
куплю сегодня и напьюсь.
И много сделаю глинтвейна...
Домой сегодня не вернусь.

И мне приснится сон аморфный —
больного разума порыв, —

в котором будет пес бездомный
скулить и лаять аж в надрыв.

Он мне расскажет о помойке,
где каждый день находит кость.
Он мне расскажет о той стройке,
где спит и летом и зимой.

И после этого рассказа
смахну слезу я со щеки.
Какая все же жизнь зараза —
бывает так, что хоть вопи!

Я посмотрю в глаза собаке,
ее на руки подниму.
Я отнесу ее в кабак и —
обедом вкусным накормлю.

И в благодарности за это —
она в лицо меня лизнет...
Вот и сейчас она ведь где-то
в стихии голода живет.

БОГУ

Где ты: в покое черных ряс,
когда звонят колокола?
Когда весь мир в войне погряз,
и в каждый дом чума вошла?

А ты, забыл, ты бросил нас?
Где ты, когда здесь дьявол скачет?..
Бог на земле и возле нас,
закрыв лицо руками, плачет.

* * *

Не смотри на меня строго,
мама... Правда, я не пил.

Не ругай меня с порога —
с волком я на звезды выл.

Мама, что он мне поведал!..
Знаешь, что он мне сказал?
Раньше мир поганым не был —
он теперь поганым стал!

Волк сказал, что слышал где-то, —
может, ветер нашептал? —
что есть край, залитый светом,
правит где весна свой бал.

Где безумье — не известно.
Где любви — не ведом страх.
Но искать то — бесполезно:
это место — в наших снах.

Только их не так уж много —
на всю грязь не хватит снов...
Стала жизнь наша — жестока.
Стали люди — хуже псов!

ЭТЮД

Полночный мрак... Деревья в трансе.
Не слышно шелеста шагов.
И звезды в сумрачном пасьянсе
застыли от ночных ветров.

И бледный свет залил все щели —
луна восторга лишена.
В домах забиты окна, двери;
ну а вокруг — лишь тишина.

Вот город: он — пустой, он брошен.
Забыт, покрылся пылью лет...

Он в одиночестве — ничтожен.
Лишь ночь бросает черный плед...

СТОЛИЦА

Какие глупые часы:
все те же стрелки, та же полночь,
все те же брошенные псы
поют луне, зовут на помощь.

Эй, город, слышишь ли их плач?
Забудь про ночь, открой всем лица...
Не видя сотни неудач,
в огнях купается столица.

А что столице — все равно,
что я люблю, чего желаю;
что черно-белое кино
теперь пришло на смену рая;

что девушка моей мечты
в минуты эти не со мной...
А ты — поешь, смеешься ты,
разлившись огненной рекой.

В ХРАМЕ

Святой отец, ему лет двадцать,
Христову кровь нам раздавал
и ROLEXом, рублей за ...надцать,
пред честным храмом гарцевал.

А все просили покаянье
за «страшные» свои грехи,
за «праздные» свои желанья,
меня толкая на стихи.

И вот пришла «святая» лира
под сумрачный, церковный хор;
и светом солнца озарила
весь этот православный вздор.

Смешно, коль не было б так грустно,
весь этот пафос, эта ложь
терзают то, что и так пусто,
вгоняют под лопатку нож.

Отцы святые в этом храме
застыли, книги теребя,
и каждый думает о даме...
Откройте храм внутри себя!

* * *

Разбросав себя до крупицы,
устав от огненных роз,
наблюдая за счастьем царицы
у ног ее валяется пес.

И ни жив, и ни мертв — неизвестно,
только уши прижавши, скулит;
вот ошейник его, его место,
и в груди его что-то болит.

Странный пес — ни наград, ни медалей.
И не ходит — только лежит
на заплеванном пьедестале,
омывая слезами гранит.

Все приходят сюда одинаково,
все приходят искать что-то;
совершая поступок знаково,
унижая себя для кого-то.

С неба падает каплями что-то,
на какую-то гадость похоже.
И поэты здесь для чего-то...
Ведь умирают поэты тоже?!.

* * *

Вот бутылка... Брошен на пол,
словно пепел сигареты.
Может, с горя я бы запил —
пил бы так, как пьют поэты.

Пил бы так, как пьют деревья
в знойный полдень летний дождь.
И читал бы откровенья,
как не здешний, будто гость.

КРИТИКАМ

Вы за стихи мои простите,
И за безумный выбор слов
казнить меня уж не велите,
коль стих — как пение ослов.

Пусть — не талант я и не гений.
Пусть я — глупец, а не поэт.
Пусть я из бывших сожалений
пытаюсь выдумать сонет!

Но я пишу о том, что вижу.
О том, что знаю и терплю.
А врать о жизни — ненавижу,
и все, как было, говорю.

КОГДА ОСЕНЬ

Когда стаи выгнутся клином,
когда станет на небе черно,

когда люди, пьяные дымом,
греют в стакане вино;

когда небо пасмурным станет,
из глубин его рвущихся туч,
траурным ветром потянет,
и овеет душевную муть, —

тогда завтра начнется сегодня;
листья с кленов разбросаны веером...
От безумия огненной осени
мне поможет посланница севера.

Тогда станет мой сад удобрением —
без цветов я приду к тебе в дом
поделиться своим сожалением,
и стихов принесу тебе том.

И в огне, словно ворохи листьев,
с чувством жалости и с удивлением,
позабыв о кощунственной лести
топишь печь ты моим вдохновением.

* * *

Когда любовь твоя жива,
когда любовь твоя взаимна,
касается крылом крыла, —
такое чувство, право, дивно.

Стихи твои без слезной соли.
И розы без шипов твои.
Шаги даются все без боли,
две силы сплетены в любви!

Ты видишь сны в лучах рассвета —
улыбка трогает уста,

но если чувство без ответа,
любовь, как и стихи, пуста.

Но стоит только обмануться —
и сердце жаром пышет вновь,
когда пылает не напрасно
в груди твоей огонь-любовь.

* * *

Вот бы — в небо бы.
Вот бы — к солнцу!
Вот бы — света бы
через оконце.
Вот бы — песен
небесного сброда —
только крики
слепого народа.

А от любви —
не дождешься ответа.
Губы в крови
без телесного света.
Есть иллюзорность
святого огня:
это на небе чего то там светит.
Жизнь для меня?
Мне ее не заметить.

Вот бы — в небо бы.
Вот бы — к солнцу!..
Вот бы — света бы
через оконце!
Только не в этом
поруганном мире!
Только не в этой
последней квартире!

* * *

Я, может быть, писал бы стихи —
была б ты хоть на метр ближе,
чтоб краем уха я услышал
твои чуть слышные шаги.

Писал бы, может, горячей,
тебя увидев краем глаза,
да на столе — пустая ваза,
да бесконечный ряд ночей.

Но только не найти покоя —
не вижу твоего лица...
Во мне есть много от глупца —
и не уснуть мне сном героя.

ОСЕНЬ

Вокруг вдохновенья не меряно,
красивых рифм не счесть.
И дышится ровно, уверенно —
не греет ни слава, ни месть.

В грохочущем небе срываются
черные стаи на крик.
В осколки мечты разбиваются
и мысли заходят в тупик.

В ветвях всех деревьев слышаться —
песни, но песни сухи.
Что странно — стихи не пишутся...
Какие ж тут к черту стихи!

* * *

Одинокий черный котенок
возле дома сидит на земле.

Над котенком рыдает ребенок —
просит маму взять киску себе.

А что мама, что мама ответит?
Как же ей малышу объяснить,
что у кошек бывают дети,
что и кошек нужно любить?

Что вот эту смешную малышку
мама оставила ждать,
а сама побежала за мышкой,
чтобы мышку дочке отдать.

Мама взяла ребенка за руку
и по улице тихо пошла;
ее сердце щемило со стуком
и, наверно, болела душа.

А кто видел, как плачут котята?
Как из маленьких бусинок-глаз
льются слезы в четыре карата —
слезы чистые, как алмаз?

И котенок зальется слезами,
будет долго кого-то ждать,
Ведь он видел своими глазами,
как собаки загрызли мать...

* * *

Цветок к цветку сложи в букет —
все лепестки, как сотни радуг.
Пусть среди них один и гадок —
цветок к цветку сложи в букет.

Возьми букет и положи,
где я лежу, там — на надгробье,

пропитанного слезной скорбью...
Возьми букет и положи.

А впрочем, выбрось ты цветы —
пусть мчат ветра, рыдают грозы...
Цветы молчат, не льются слезы,
а впрочем — выбрось ты цветы.

СКАЖИ

Скажи, полюбишь ты поэта?
А разве нужен он тебе?
Мечты, стихи; на все на это
найдешь ли место ты в себе?
Простишь ли ты его за то,
что он бросается словами?
А пожалеешь ты его
с его разбитыми мечтами?

ЯНА ГРЫБАВА

Пішу, каб жыць.
Жыву, каб пісаць.
Пішу, каб расказаць усім, што хвалюе, турбуе.
Не пісаць не магу, як не магу забараніць сабе жыць.

ВЫЯВЫ ДУШЫ

1

На пытанні ты ўжо не адказваеш, амаль нічога не гаворыш наогул. Нібы здарылася нешта такое, што ты не можаш усвядоміць, і ўсе твае разумовыя здольнасьці спатрэбіліся дзеля гэтай справы.

І штосьці здарылася з тваімі блакітнымі вачыма, з тваімі крыштальнымі ільдзінкамі, і смех стаў такім, нібы ён ідзе не ад сэрца, і нават не ад мозгу, а зусім аднекуль з левай пяткі. Дый увесь ты змяніўся — нават стаў мне непрыемны.

Так, калі я гляджу на цябе, у мяне на языку адчуваецца прыкры смак. Але што ж далей?..

Пройдзе год — і што застанецца ад цябе ў маіх успамінах? Толькі гук дрыготкага механічнага смеху, прыкры густ і чырвоны колер блакітных крышталікаў лёду.

2

Яму страшна.

А ці не было б страшна вам, калі б на Зямлі засталося ў жывых некалькі чалавек. І вы — адзін з іх?

Здаецца, не надта прыемна.

З горыччу прыгадвае ён дні, тыдні, месяцы, калі кожную хвіліну бачыў людзей, сапраўдных, сотнямі, тысячамі, і — як злаваўся на іхнія ўчынкі, і — як сварыўся з імі за кожную дробязь, і — як ненавідзеў.

Чаму?..

Чаму чалавек па сваім першасным складзе не цэніць тое, што яму дадзена, а свядома памятае аб гэтым толькі тады, калі гэта ўсё бясследна знікае?

Дый наогул — усё марна. Усё роўна ён спазніўся са сваімі высновамі. Разумець іх і прытрымлівацца ўжо няма каму.

3

Яны — тыя, хто распялі Хрыста. Яны... — тыя, хто забівае асобу, індывідуальнасць. Чалавека з вялікай літары.

Але яны — ніводзін з іх — ніколі не прызнавалі й не прызнаюць, што кроў — менавіта на іхніх руках, бо гэта быў натоўп, статак, дзе не вінаваты ніхто, але вінаваты кожны.

4

— Раскажы мне пра каханне!

— Каханне?.. А навошта? Гэта такая збітая, зацяганая тэма, што ўжо не варта нешта казаць — столькі ўжо аб каханні сказана, столькі напісана!

— Усё роўна — раскажы.

— Каханне... Каханне — гэта, калі два чалавекі размаўляюць моўчкі, калі ўжо іншым няма аб чым маўчаць, а ў іх знаходзяцца тэмы для размоў. Каханне — гэта, калі пасля выбуху атамнай бомбы, закаханыя пытаюць адзін аднаго, ці не пабілі яны калені. Каханне — гэта, калі хочацца, каб сляпыя ўбачылі тваё шчасце, а нямыя — спявалі аб ім. Каханне — гэта, калі здаецца, што ад такога моцнага пачуцця, якое ты адчуваеш, можа патрэскацца неба ці ўвогуле ўвесь сусвет развaліцца на кавалкі. Каханне — гэта, калі хочацца крычаць глухім зоркам, што ёсць яшчэ ў свеце людзі вартыя яго, кахання.

5

Я не памятаю нічога з таго вечара па зразумелых прычынах. Але з болю, які дрыжыць у маёй галаве, я вылучаю рукі, залітыя чырвоным... вінoм, якія злучыліся на маёй шыі й не даюць дыхаць.

Бо права дыхаць — гэта частка свабоды... А ты казаў, што мне нельга яе адчуваць. Праз некаторы час перад маімі вачыма пачынаюць складвацца, нібы з кавалкаў, твае, акурат намаляваныя, але калі б мяне папрасілі намаляваць іх, я не здолела б. Дый ніхто б не здолеў, напэўна. Мне пачынае здавацца, што яны наогул з паперы. Такія ж нязменныя — ніякае пачуццё нічога ў іх не закранае, але і такія ж нясталыя — варушацца ад кожнага ўздыху. Дый наогул, да цябе вельмі падыходзіць прыстаўка «не». Нават, кажучы пра пустую шклянку, ты, пэўна, скажаш — «няпоўная». А мне аніяк нельга казаць тое, што я хачу казаць, бо гэта — таксама свабода...

Цікава, а калі б я захацела памерці, скончыць жыццё самагубствам, то ты мне не дазволіў бы? Альбо — дазволіў бы павесіцца, бо ведаеш, што калі б выбірала я, то загінула б інакш?

Здаецца, ты згадзіўся б на ўсё, але каб гэтага не хацела я, бо даваць свабоду — тым больш мне — гэта не па тваіх правілах.

І пасля гэтага людзі кажуць, што не маюць свабоды?.. Згодная з гэтым: не маюць. Бо маленькая-маленькая статуя свабоды не зможа парваць ніводнай ніці няволі, з якой зроблены мы самі дый усё вакол нас.

6

Слёзы, як кроплі растваральніку, падаюць на лакіроўку стала, і на ім застаюцца белыя кіслыя плямы. Яны не салёныя, бо соль ёсць толькі ў слязах ад болю, страху ці злосці, а гэта была — крыўда.

Крыўда...

Ён не меў права вось так знікаць. Знікаць у сонечным, але цёмным дні, знікаць у маленькую бясконцасць гэтага вялікага шэрага свету.

Крыўда...

Але і яна не мела права смяяцца яму ўслед, бо цяпер ён больш ніколі не вернецца. Але калі б яна плакала, ён бы ўсё роўна не вярнуўся.

Крыўда...

Ён не меў права ламаць яе. Папраўдзе кажучы, у яго гэта атрымалася, бо яе стол — у белых плямах, а не яго, і яна спрабавала рэзаць вены, а не ён... Бо ён бы змог парэзаць рукі толькі ёй, і ніколі — сабе.

Крыўда...

Так, крыўда. Але чаму смутак, скрыжаваўшы ногі, сядзіць ля яе парога? Магчыма таму, што ў яго няма таго парога, дзе можна было б пасядзець? Не, не таму. Проста ён — мужчына, яму нельга, сорамна і цяжка пакутаваць. Такая раскоша дазволена толькі жанчыне. І калі яна церпіць, а ён — не, то хто з іх — слабы пол?

Смутак... Можа, у яго няма таго парога, дзе можна было б пасядзець?

7

Чырвоная вадкасць стаяла ў шклянцы на крайку стала. Ужо колькі дзён стаяла, і ніхто не заўважыў гэтага паціху гусцеючага

рэчыва. А можа, проста чырвоны колер на фоне белага абруса надаваў шклянцы асаблівы сэнс?..

І ўявце сабе, што калі амаль праз тыдзень нехта не наўмысна ўсё ж такі штурхнуў шклянку, то ад ярка-чырвонай плямы пайшла пара, бо гэтая вадкасць ніколі не астыне ў нашых беларускіх венах, як ніколі не знікне чырвоная рыса на белым абрусе.

8

Чамусьці так брыдка і цяжка ўнутры, ажно не ведаю, што рабіць. Можа, што ідзе шэры й мокры дождж, або таму, што няма ні сонца, ні зорак. У такую хвіліну думаеш: чаму ў цябе няма ўласнай зоркі, якая свеціць тады, калі хочаш менавіта ты. Нават, калі б яна была на акамулятарах, бо яе можна было б зараджаць, і яна б свяціла ярка-ярка, а можа — нават і гарэла б.

Кажуць, калі цяжка на душы, вельмі добра шмат выпіць. Альбо моцна накрычаць на каго-небудзь. А можна — біць талеркі ці кідаць імі ў сваіх хатніх. Некаторым дапамагае дзерці паперу, але ў гэтым мала выгоды. Можна выйсці ў лес і пакрычаць або проста паплакаць. Здаецца, столькі спосабаў, а нічога не дапамагае...

Піць няма чаго, крычаць няма на каго, да лесу вельмі далёка, а плакаць знарок, без прычыны — я не ўмею. Талеркі біла і паперу драла — не верце: не дапамагае, толькі смецця нарабіла.

Уявіце сабе: здаецца, столькі людзей сумных у нашым горадзе, што можна цэлы гурток стварыць, а можа, і вялікае аб’яднанне: «Людзі, якім дрэнна жыць». Бо калі йдзеш па вуліцы, можа, толькі адзін з дзесяткаў твараў выглядае, як твар чалавека, а не якога-небудзь монстра, а каб знайсці шчаслівага, або проста — чалавека, які ўсміхаецца, трэба палову горада абысці. Не, калі ўяўляеш, што і ты зараз выглядаеш гэтак жа, дык яшчэ горш робіцца.

Але — не, я ўпэўненая, што гэта не назаўсёды, і праз некаторы час, можа, усе без выключэння будуць шчаслівыя, кожны па-свойму.

А пакуль — так брыдка і цяжка ўнутры, можна проста парадавацца, што дождж менавіта мокры, а не сухі, і шэры, а не чырвоны, і што нам не трэба плаціць за электраэнергію для зоркі, і што быць чалавекам, тым больш такім выключным і самым лепшым, як вы, гэта — *КЛАСНА!*

АЛЕСЬ ДЗІТРЫХ

Мушу быць шчырым нават у такіх праявах ego, калі боязна быць незразуметым. Сапраўдная творчасць — пакута, але пакута салодкая і падманная адначасова.

Паэзія — свет ілюзіі, у якой найбольш яскрава высвечваюцца прычыны, што натхняюць цябе на выказванне праўды; праўды, захутанай у пяшчотны вэлюм рамантызму.

ПАГЛЯД

Пагляд, самотны твой пагляд…
Так, праўда ў ім.
Што ж, не ідзе жыццё на лад,
а мы — маўчым.
А мы маўчым, бо плыні фраз
не перадаць
пачуццяў тых, што ў кожным з нас
баляць.
І хлусім зноў, што нам не ў знак,
усё адно,
дзе будзе жыцце, з кім, і як,
і што яно.
Усё шукаем, як святло,
зачын прычын,
хаця не родныя даўно.
Таму маўчым.

* * *

Рукі стрэліся нашы, а душы
засталіся глухімі. З ярма,
адчуваю што вырвацца мушу,
ды спрацівіцца моцы няма.

Вуснаў слодыч — і лекі й атрута —
да жыцця ажывяць, каб наноў
невычерпнай, шалёнай пакутай
запаліць мне юнацкую кроў.

* * *

Крыжуюць нябёсы каметы —
у прышласць з нябыту лятуць,
прарочаць няшчасці сусвету,

а я толькі думаю: дзе ты,
кім рукі твае абагрэты
і як мне цябе пачуць?

Ці зоры пагаснуць, ці сонца —
што думаць пра тое цяпер?
Надзея — жывая бясконца.

Надзея — паранены звер —
залізвае горкія раны,
што ёй прычыніў недавер.

Крыжуюць нябёсы каметы —
прарочаць няшчасці сусвету,
а я толькі думаю: дзе ты,
і як мне цябе пачуць.

* * *

Вачэй блакітная смуга —
душы ўтрапенне.
У іх знайшла твая туга
увасабленне.

Найсветлы цяжар юных сноў —
нібыта ўзвівы
трагічных скрыпкі галасоў
і пералівы.

Дарога ясная відна
да існай ролі,
табой абраная яна
з уласнай волі.

Яшчэ ты зведаеш свае
і ўзлёты й спады —
жыццё з чужым жыццём звядзе
твае да ладу.

Насустрач шчасцю руш смялей,
не аглядайся
на шэрань дзён, і надалей
сабой застанься.

Каханне ж першае міне —
не гэта цяжар,
але і ён у сівізне
трывала ляжа.

* * *

На шыбе спацелай здрада
профіль класічны свой
намалявала памадай
стомлена-залатой...
Проста цябе прыгадаў я
сумнай часінай начной...
Сцежкамі цёплага траўня
мы разышліся… Не стой.

* * *

Зноў пабачыў цябе.
Ты змянілася:
больш разважна гаворыш, усмех
напускны. У жыцці абабілася
ды спатоліла прагнасць уцех.

А тады, калі радасна клалася
на мядовы цяжкі мурог,
ты кахала мяне і не кралася
на чужы непрыветны парог.

Ты прыйшла, як заўжды, басаножая,
па расе разышоўся след...

Ды не прыйдзеш ужо, мая гожая,
той, якая змяняла свет...

Надламалася штосьці:
не хочацца
больш на сонца, на зоры глядзець.
Да цябе зноў варочацца —
як у бездань з разгону ўляцець.

ЦЯЖАР

Божа! Чаму цяжка жыць?
Чаму спарадзіў Ты мяне?
Каханне — як сон прабяжыць,
самота — як Лета плыве.

Нашто мяне ў зманны свет
Ты з ласкі Сваёй пусціў?
Каб быў я нязнаны паэт?
Каб у пакутах пражыў?

Што ж мучыць мяне недавер?
Ці, можа, маю душу
за жыцці *тады* цяпер
Ты ўвабраў у іржу?

Я — грэшны. Да скрайняй мяжы
з Табою мне жыць і застацца.
Што ж, Божа, маўчыш? Адкажы!
Мне цяжка з Табой спрачацца.

БОЛЬ

Дзякуй Богу, што не з табой
першы раз я спазнаў каханне,
што жыцця залаты сувой
не спляталі з табой да рання.

Не дзялілі агульны хлеб,
не спынялі ўзаемна болю.
Толькі сверб, твой юрлівы сверб
для цябе грае нейкую ролю.

Глянь: навокал — адчай жыцця...
Ці ж маленнем цябе я ўзрушу!
Не маўчы — адкажы, ці ж я
ні пра што ўсё маліцца мушу?

ВІЦЕБСК

Ліпнёвы дождж між карнавалу
расой нябёснаю абмыў
гарачы водар юных целаў.
Стракаты росплеск тратуараў
стамлёнай змейкаю паплыў
у засень пасвяжэлых сквераў.
Рука спалучана з рукою,
мігценне ў здзіўленых вачах,
як прадчуванне насалоды…
Сярод акацый над ракою
кране каханых па плячах
крыло начное прахалоды.
Каханне ў песні застанецца
нам на дваіх.
Святло разбуджаных вакзалаў,
расстанне — міг.
Тугою ў ноч няхай пральецца
здзічэлы ў мудрасці
Шагалаў штрых.

ПЕСНЯРУ

Бываюць песні лебядзіныя,
кароткія, як развітальны ўздых,

і хвілі радасці адзіныя,
калі ты ўласны дух спасціг.
Няўлоўна, зманліва і прывідна
лёс завяршае піруэт:
няпраўду-праўду пі да дна,
калі ты ад жыцця паэт!
Не жалься Богу, што зняверавы,
не патрабуй сабе цішы.
А не — жыві свой век, адмераны,
і вершаў болей не пішы.

ФІЛОСАФУ XXI ВЕКУ

Новы век ідзе. Ззяе далячынь
фарбамі агнёў, зманнасцю прычын.
Кожны новы дзень лашчыць небакрай
шчасцем адкрыцця, што надыдзе рай.

З трапяткой душой — ахапляе жах! —
ты ідзеш далей па чужых касцях
да святых вышынь існасці й быцця,
кінуўшы наўзбоч радасці жыцця.

Пэўне, носіш ты мудрасці ярмо;
хоць і хараство, ды нішто яно:
век ідзе, яго нам не перагнаць —
кожны ў ім адзін будзе паміраць.

DZINTARS*

Ахвярую Марыі Скуратовіч

Залацісты бурштынавы дождж
са смарагдавых хваль наплывае,
абдымае маністамі дзюны —

* Бурштын (латышск.).

мора ў прыступе буры кідае
вечны скарб сваіх нетраў
на пясчаныя руны.

Цьмяных зорак начное святло
ападае з далёкіх сусветаў,
разбіваецца ў хвалях і гіне.
Ды праз тысячы зімаў і летаў
з пракавецця глыбіняў
выплывае бурштынам.

Гэты чысты балтыйскі бурштын
хай сагрэе цябе ў цяжкай хвілі,
шчасціць лёс твой няхай ён дзявочы —
дзесьці там, праз мільярдныя мілі,
аглядалі калісьці яго
закаханыя вочы.

REQUIEM NAUTII

Прачула грае арганіст
пра сумны лёс ваш і за вас
узносіць люд святло малітвы
да Бога ў велічы ўтрапення:
«Lai tava sirds vairs nebaidas…»** —
гудзе гатычнае скляпенне.

Святы барочны пераліў
злучае неба і зямлю
і дух людскі яднае з Богам.
Плывуць стагоддзі, і маленне,
нібыта зернетка раллю,
узможа вашае збавенне.

Зрушоных хваляў грозны вал
не змог вам душаў — як скала,
вы адстаялі ў грознай бітве;

** Хай тваё сэрца больш не журыцца (латышск.).

а мара ў вечнасць адплыла,
і юнь загінула не ў час.
Lai tava sirds vairs nebaidas…

ЛІБАВА

Шумны тлум узбярэжнай Лібавы…
Солань мора натоўпу людзей
дух бадзёрыць — лаўцам пераправы
да нязбытных і марных надзей.

За халоднай самотаю мора —
берагі чужаземцаў ляжаць.
Там — збавенне з прадвечнага гора,
у тузе там усім паміраць.

О Лібава! Даўно ўжо, бяздомны,
мільгацеў і вірыўся той тлум
гнаных лёсам ліцвінаў патомных,
царскай ласкай адданых на глум.

Гул натоўпу не сціх за гадамі —
рэхам тоіцца ён між муроў.
І праз ноч вабіць порт маякамі
душы зніклых у мжы туманоў.

Карабель у бязмежнасць адносіць,
праз стагоддзі той груз ён вязе…
Толькі хваля задумна выносіць
па бурштынавай цёплай слязе.

ДАЦЭ

Ах, якая харошая Дацэ!
Прыгажуні павабны пагляд
зводзіць з тропу юнацкае сэрца…
— Арганіст малады
не галіў барады!..

І — смяецца.
Сакаўная дзяўчына! А водар
спелых вуснаў так хоча адчуць
арганіст малады і прыгожы…
Ён не есць і не п’е.
Ці ж маўчаннем яе
пераможа?
Хлопцу з жалю свет стаўся нялюбы,
не ўзвіваецца нотай арган.
Думка чорнай назолаю б’ецца:
«Не праспі цэлы свет,
бо другому той квет
дастанецца!»
Ды не важыцца хлопец. Рашуча
думку тую адпуджвае прэч:
«Што ж я розуму хіба не маю?!.
Дзе ёй дзецца? Куды?
Я ж яшчэ малады —
пачакаю!..»
Доўга Дацэ ў надзеі чакала,
выглядала і ўдзень, і ўначы…
Старасць неяк няўзнак прыплялася,
але з ёй, як з нудой
непазбыўнай сваёй,
прыжылася.
Ах, якая самотная Дацэ!
Ах, маркотны які арганіст!
І нялюбы ім свет, і нямілы…
І да неба багам
разлівае арган
пералівы…

РЫГА. БАЛЕТ

Рыгору Барадуліну

Знікаюць у ноч сілуэты
танкіх балярын, маладых баляронаў…

А вам векавечыць, паэты,
жарсці нашчадкаў нямецкіх баронаў.

Не ладзіцца арфа ў паэта
і вершык здаецца заўбогі…
На Даўгаве, ля парапета,
пераплятаюцца стройныя ногі.

Не ладзіцца песня для спеву,
і сэрцу няма паратунку —
Адам прычашчае Эву
латышскім сваім пацалункам.

Знікаюць у ноч сілуэты
танкіх балярын, маладых баляронаў…
Не нам апяваць, паэты,
страсных нашчадкаў нямецкіх баронаў…

НЯЛЮБАЙ ЖАНЧЫНЕ

Мне твой праклён — узнагарода,
раўнівасць — светлая надзея.
Праклён, раўнівасць — гэта мода,
а для цябе яна — падзея.
Не праклінаюць раўнадушна,
як не маўчаць без спадзявання.
Табе здаецца — робіш слушна,
сама ж — згараеш ад кахання.
Клянеш, каб іншая жанчына
сваіх вішнёвых вуснаў спеласць
не аддала мне. Вось прычына!
Тваіх праклёнаў ашалеласць
звядзе далёка. З ёю страсна
свой лёс няшчасцем ты пазначыш,
бо не мяне — праклён уласны
ты ў блізкай прышласці пабачыш.

* * *

Нарэшце адзін... Дазмагаўся.
Былое знікае — як сон,
што моцна табе ўпадабаўся:
расплюшчваеш вочы, а ён
разбіўся па шкельцах акон.

Як дождж, так і сон адмыслова
змывае і плямы, і пыл:
была б толькі шчырасць асновай —
і дужасці хопіць, і сіл,
і высілкаў змучаных жыл.

Ды што сумаваць — я ж не плачу,
а п’ю па заслужанай кварце
за ўдачу, а мо і няўдачу...
Нясуць ручаі па асфальце
былое ў патрушчанай смальце.

* * *

Было так весела мне ўчора,
а сёння — горка...
Світанак выкаціўся з мора,
а ноч вавёркай
шмыгнула ў лес і хвост схавала
спаміж гушчараў.
Вясна вянкі свае звязала.
З нізін-выжараў
выходзіць лета грацыёзна,
плыве па росах,
сцякае сонечна і слёзна
па соснах босых.
А я іду з табою поруч
да павароту —
за ім знікае боль і горыч
жыццевароту.

Датуль дайду і перастану
з табой спрачацца.
Давай без крыўдаў і падману
далей спяшацца.
Было нам весела і ўчора,
і заўтра — будзе!
А сваркі... што ж, такога гора!
Усе мы — людзі.

* * *

Выбачэння папросіш, ды толькі
на каханне не маеш крэдыту.
Ці душой пакаянне адчула?
Сум вярэдзяць сардэчныя болькі,
нібы вецер падраную світу...
Гэтак позіркам разанула,
быццам вырвала сэрца бандыту.

* * *

Зыходзіце ўсе ад мяне — на вякі,
раптоўна, з усмешкаю,
без развітання,
па цёплай расе, ні падаўшы рукі,
ні — словам паспешлівым —
дату спаткання.
Як снег у цяпле трапяткой далані
халоднымі кроплямі
ў смерць уцякае,
так лёс, паабцяўшы ў сядле рамяні,
агнём занямелае
не напаўняе.
Навокал шляхі пранялі далячынь,
за ёй — залацістыя зоркі
ды сонца,
а побач — грахі ды крывавая стынь

адчаю самотнага
ходзяць бясконца.
Не скажаце мне, дзе лунае душа —
вяршыні з нізінамі
пераплывае.
Я сёння — на дне, і глухая ціш•
былога прывідамі
дух пахланае.

* * *

Салігорскі вакзал... Неба з•рань
сыпле золата на прысады.
Я вярнуўся ў юнацкую гавань
адпачыць ад падману, звады.

Зноў знясілены, ашалела
забіраю на поўныя грудзі —
здрада ў памяці спарахнела.
Новы дзень больш ласкавы будзе.

ТАЦЦЯНА ДУБОЎСКАЯ

Нарадзілася ў Паставах у 1979 г. Скончыла Беларускі дзяржаўны універсітэт культуры па спецыяльнасці тэледраматургія. Зараз вучуся ў Белдзяржуніверсітэце — аспірантка.

Лічу, што мацней за ўсё на свеце — каханне. Таму амаль усе мае творы — пра каханне, якое перамагае нават час і прастору.

Т. Дубоўская

ДЗЁННІК АДНАГО ЗЛАЧЫНЦЫ

Апошні дзень мінулага года

Дарога зноў цягнецца крывой стужкай… Учора мы сустрэліся, а сёння ты пакінуў мне толькі ўспаміны. Не самыя лепшыя.

А з раніцы ідзе дождж. Можа, і добра, што ён ідзе: хай змывае бруд і пыл са знясіленай зямлі, загойвае раны й трэшчыны.

Я думала, што ўсё будзе інакш. Колькі разоў, нібы кіно, пракручвала гэта ў марах. Але ўсё аказалася працей: ні асалоды, ні шчасця, як пішуць у раманах. Гэта хутчэй падобна да нейкага абрабавання. Уварваўся без запрашэння ў маё жыццё, загаварыў байкамі, а тым часам, як вопытны злодзей, прыкмеціў, што не так ляжыць. Не паспела апрытомнець ад казачнага сну, як ты скраў самую каштоўную рэч і знік у небыццё.

А можа, не было цябе? Можа, гэта толькі мае мары ці глюкі?..

Розум хацеў бы гэтага.

Але цела кожнай сваёй клетачкай крычыць, што не сон усё. Не сон… не сон… СТОГН.

Не крычала. Толькі ціха стагнала, заўважыўшы, што абрабаваная.

Адно не крыўдна — у злодзея прыгожыя вочы, крыху нахабныя. Рабаваў — глядзеў цягучым позіркам. А вусны пякуць слых дагэтуль.

Падманулася: сама дазволіла сябе абрабаваць. Страціла, нават не падарыла — аддала незнаёмцу з цягучым, як мёд, позіркам тое адзінае, што другі раз не набываецца.

Дзень дваццаты гэтага года

Дарога не заканчваецца. Крыху надакучыла ехаць. Каб яшчэ ведала, куды. Дождж больш не ідзе. На вокнах высахлі ўсе кропелькі. Наталіла смагу зямля, загаіла раны й пачала пладаносіць: буйнеюць травы, цвітуць сады…

Трэба радавацца б, але пад сэрцам цяжар. Не тое, каб пакутвала ад страты. Гэта перайшло ў разрад пабочнага. Больш хвалюе, дзе той незнаёмец-злачынца?

Вось, цяпер назвала яго злачынцам, роўна такім, як і я. І будзем судзімыя па адным артыкуле, адной меркай, як тыя, хто не выканаў запаведзь сёмую.

Але гэта будзе там. А хто прыцягне яго да адказнасці тут? Ці, можа, не трэба нічога? Гары яно ўсё гарам. І адказнасці менш…

Дзень трыццаты гэтага года

Учора цягнік спыніўся. Нарэшце вызвалілася ад усяго, што трымала нібы ў цісках.

Бачыла, як выкарчоўваюць дрэвы. На імгненне нават спужалася: што гэта будзе? У дрэваў, напэўна, таксама ёсць душы. Гэта іх галасы чуліся ў трэску, яны нават заглушалі звыклы грукат колаў. А зямля стагнала, ляцелі яе камячыкі ў розныя бакі, нібы пырскала кроў.

Карэнні потым павывозілі. Пуста стала. Голая зямля — страціла яна і цнатлівасць, і дзяцей. Здаецца, і не патрэбная нікому. Але чым жа яна вінаватая?..

Яшчэ адзін грэх на душу ўзваліла. Сама. Па асабістай волі. Так жа лёгка, як і аддала самае каштоўнае, і зноў дазволіла сябе абрабаваць. На гэты раз больш жорстка і бязлітасна.

А можа, гэта сон, і не было нічога?

Душа б так хацела.

Але боль не дае забыцца: не сон… не сон… не стогн — КРЫК.

Крычала, але не супраціўлялася. Нават не заўважыла, як абрабавалі — усё злілося ў суцэльны нудны плач.

У вочы злодзею не глядзела — не было ў яго вачэй.

Усё — я вольная. Вольная ад абавязкаў.

Дзень саракавы гэтага года

Шкада, што не трэба больш нікуды ехаць. Мне не падабаецца тут. Кожную ноч прыходзяць цені выкарчаваных дрэваў. Плачуць, стогнуць... І я прачынаюся ад унутранай пустэчы. Ніколі не адчувала яе так матэрыяльна.

Саджуся за стол, бяру аловак, але пісаць не магу. Брыдка і мярзотна.

Вы адчувалі сябе забойцам? Я дагэтуль — не. Цяпер — кожную хвіліну. Забіваю час, памяць, забіваю сумленне.

А дрэвы прыходзяць кожную ноч…

Дзень сто васьмідзесяты гэтага года

Сустрэла ўчора незнаёмца з цягучым позіркам. Зрабілі выгляд, што не пазналі адзін аднаго. Павінна была б злавацца ці ненавідзець, але нічога не адчуваю. Тое, што ён пакінуў узамен, таксама ўкралі. А ўспаміны? Зраўнаваліся, як тая зямля, з якой выкарчавалі дрэвы.

Яшчэ ныя рана. Напэўна, усё астатняе жыццё так будзе. Nit inultum remanebit.* У поўнай меры гэтага не адчула, але ведаю, што прыйдзе час. І тады не схаваешся, не ўцячэш, нават цягнік не дапаможа.

Цікава, як адчуваюць сябе злачынцы-саўдзельнікі? Спяць спакойна? Ва ўсякім разе, пустэча іх не турбуе — пустыя яны заўсёды. А шкада…

На тым месцы, дзе выкарчавалі дрэвы, будуюць дзіцячы дом — сірочы прытулак. Некалі асуджала маці, якая можа аддаць сваё дзіця, нібы непатрэбную рэч. А ці маю на гэтае права цяпер?

Дзень дзвесце сорак пяты гэтага года

Усю ноч не магла заснуць: боль рэзкая, невыносная. Заплюшчваю вочы — пачынае глючыць. Толькі пад раніцу сцішылася. А з вачэй — слёзы. І не хачу плакаць — самі ліюцца.

Сёння магло б пачацца новае жыццё. Ды не пажадала, не захацела, сама ў сябе скрала.

Дзень трыццаты наступнага года

Зноў сарвалася з месца. Еду, але цяпер ведаю, куды. На гэты раз вырашаю не адна, што рабіць і як.

За акном пралятаюць палі, гарады. Як і ў мінулым годзе, зямля патрабуе вільгаці: ссохлася ад няшчаднага сонца. Але дождж чамусьці не спяшаецца падарыць ажыўляльны напой, нібы чакае чагосьці.

Мне крыху боязна, а раптам — што будзе не так? Я павінна была расказаць усё раней. Але не магла, дый позна ўжо. Мінулае — ёсць мінулае. Яно не павінна замінаць…

---

*Нішто не застаецца не адпомшчаным (лац.).

Дзень пяцідзесяты наступнага года

Вясна ў гэтым годзе была позняя. Здаецца, і дождж ішоў, і сонца ставала, але раслiннасць нейкая хілая. А на днях сустрэла дрэва, якое так і не распусцілася. Напэўна, змерзла ўзімку: адно яно сярод поля. Так і стаіць — сухое і адзінокае.

А мне зноў пачалі сніцца выкарчаваныя дрэвы. Крычу і плачу ў сне. ЁН таксама прачынаецца, абдымае мяне і пачынае суцяшаць. Пустэча адпускае — засынаю, як дзіця, і ўжо сплю да раніцы.

Заўтра трэба схадзіць на кансультацыю...

Дзень двухсоты наступнага года

Нічога не дапамагае. Кажуць, што вінавата сама. Я ж ведаю. Але як растлумачыць гэта яму? ЁН нешта адчувае, але не падае выгляду, супакойвае і спрабуе адцягнуць маю ўвагу на іншае. А я ж бачу, што яму таксама баліць.

Учора прынёс маленькае кацяня, такое пухнатае, беленькае, з вялікімі гузікамі-вочкамі.

А сёння — ледзь не звярнуў шыю, назіраючы за шчаслівым бацькам, які бавіўся з немаўляці.

Вось і адчула ў поўнай меры Nit inultum remanebit.

Дзень апошні наступнага года

З раніцы падае снег, мяккі, бы пух, і такі халодны…

Кацяня ўжо ладна падрасло і гуляе з маім алоўкам, а яшчэ ловіць на акне сняжынкі: б’е лапкай па шкле, і не можа зразумець, што гэта за перашкода.

У суседзяў нарадзілася дзіця. Плача цэлы дзень і ноч. Я так больш не магу. Можа, пераехаць?.. Ужо дзесьці з тыдзень дрэнна сябе адчуваю. ЁН угаворвае пайсці ў бальніцу: а раптам?.. Толькі мне з цяжкасцю ў гэта верыцца.

Дрэвы больш у сне не з’яўляюцца — сплю спакойна і моцна. Можа, дараванне атрымала?

Дапамажы, Божа, на цябе толькі спадзяюся.

Et fiat voluntas tua…**

** І хай будзе воля твая (лац.)

ПІСЬМО

(Фрагмент)

Пісьмо ў нікуды… Калі б звышнатуральныя сілы змаглі закруціць, загарнуць яго і, рассякаючы прастору, данесці адрасату…

Колькі пяшчоты й цеплыні, затоенага суму ў гэтых радках. Стагоддзі між гэтым лістом і тым, для каго ён напісаны. Але, калі існуе каханне, то яно бессмяротнае і непадуладнае часу. І калі-небудзь пісьмо дойдзе да адрасата. Хай гэта будзе яшчэ праз два стагоддзі, але...

Шумела моцная навальніца. Вогненныя стрэлы рассякалі начное неба. Дождж, быццам срабрыстая сетка, злучаў яго з зямлёй, што ператварылася ў суцэльную раку, якая зносіць на сваім шляху ўсё, што трапляецца.

Аляксандр сядзеў у бібліятэцы. Падняўся з крэсла і падышоў да акна. «Вось ужо тры гады, як іншаземка паехала. Дзе яна цяпер? Тры доўгія цяжкія гады ад яе няма ні адной вестачкі...» Калі яна знікла, зямля апусцела. Пацямнела святло. Гэтыя пустыя жанчыны на балах, свецкія размовы, мужчынскія кампаніі — усё цяпер здавалася нудным і бязглуздым. Ці ж можна яе кім-небудзь замяніць? А тым больш, яго нарачонай? Ды гэта ж — зямля і неба! Як можна быць такой дурной і страшэнна худой, быццам шкілет! Ці ж такая жонка яму патрэбна? Аляксандр знарок адцягваў дату жаніцьбы. Але не можа гэта прадаўжацца бясконца. Грамадства патрабуе. І ён мусіць падпарадкавацца...

Нават праз тры гады ён выразна ўяўляў Грэтхен: яе зеленаватыя вялізныя вочы, светлыя мяккія валасы, статную постаць, скуру, што аксаміт… Правёў рукой па ўяўнай фігуры. «Якая гладкая і цёплая... — рука апускалася ўсё ніжэй, але тут жа нібы ачуняў ад сну. — Не, дакуль гэта будзе цягнуцца? Я звар’яцею. Я, напэўна, ужо з глузду з’ехаў. Грэтхен, што ты са мной робіш? Што Вы робіце са мной, іншаземка?!.»

Аляксандр у адчаі сціснуў галаву рукамі. Здавалася, яшчэ імгненне — і ён не зможа стрымліваць слёзаў. Але ўзяў сябе ў рукі. «Я знайду яе! — прамільгнула шалёная думка. — А чаму б і не? Хоць тое, што я пра яе ведаю, не магло б дапамагчы ў пошуках нават тут, не кажучы пра іншыя дзяржавы. Адкуль яна? Імя? Часам яно гаворыць пра многае, але…»

Надзея, што мільганула ў блакітных вачах, зноў патухла. І ўсё ж, Аляксандр быў моцнай натурай і зноў знайшоў ў сабе сілы паверыць у магчымасць задуманага. Ён рашуча ўзяў пяро і, абмакнуўшы яго ў чарнілы, напісаў размашыстым почыркам: «Я знайду цябе, Грэтхен, чаго б мне гэта не каштавала!..»

Граф хацеў ужо выйсці з бібліятэкі, як у дзверы ціха пастукалі. На парозе стаяў камергер.

— Прашу прабачэння, пан Аляксандр, вам пісьмо.

— Ад каго? — абыякава ўзяў канверт, бо ўжо не чакаў вестак ад Грэтхэн.

Дварэцкі ў адказ спагадліва паціснуў плячыма, ведаючы, чыё пісьмо чакае яго гаспадар.

Не гледзячы на канверт, граф паклаў пісьмо ў кішэню і вырашыў падняцца да сябе ў пакой, але не паспеў. У дом увайшоў селянін. Ручайкі вады сцякалі з яго на паркетную падлогу.

— Што здарылася, Касьян? — як добры гаспадар, граф ведаў амаль ўсіх сваіх прыгонных па імёнах.

— Там… плаціну прарвала…

Не стаў даслухваць — трэба тэрмінова дзейнічаць... Ён аддаваў дакладныя загады і ўказанні, ні на імгненне не губляючы ўпэўненасці й спакою; асабіста ўдзельнічаў у аднаўленні пашкоджання, разам з сялянамі цягаў бярвенні, ставіў сваі й забіваў іх...

Навальніца, на шчасце, скончылася. І таму дастаткова хутка плаціна была адноўленая. Аляксандр, калі прыйшоў дамоў, адчуў такую страшэнную стомленасць, што, не распранаючыся, лёг спаць і недзе праз пяць хвілін спаў так моцна, што яго не змагла б разбудзіць нават гармата. А пісьмо спакойна ляжала ў кішэні й саграваала сэрца.

Наступная раніца падарыла наваколлю цёплае, надзвычай яснае надвор’е. Наколькі ўвечары бушавала навальніца, настолькі ранішняе сонца залівала сваімі промнямі лугі, палеткі, пранікала ў кожную шчыліну саду і маёнтка. Аляксандр прачнуўся ад таго, што сонечны зайчык скакаў па яго твары. Спрабуючы адмахнуцца ад назойлівага праменьчыка, ён урэшце падняўся. Паясніца і рукі вельмі нылі — адразу ж прыгадаў учарашнюю цяжкую працу. Каб не хваравітыя адчуванні, можна было б падумаць, што ўсё саснілася.

Ён закончыў ранішні туалет і спусціўся ў бібліятэку. Трэба было прыняць упраўляючых, вырашыць нарэшце пытанне, звязанае

з продажам лесу, а па-другое — пытанне больш важнае, як лічыў ён сам — пачаць пошукі Грэтхен: паехаць ў ведамства па замежных справах. З чагосьці ж трэба пачынаць, там у яго знаёмыя — можна разлічваць на поспех.

Размова з упраўляючымі заняла даволі шмат часу, але была нялішняй. Усе фінансавыя пытанні яны вырашылі, і, будучы ў добрым настроі, граф загадаў запрэгчы коней.

Нарэшце Маргарыта дабралася да цікавых для яе дакументаў. Сэрца моцна застукала, калі ўзяла папку ў рукі. Што хацела знайсці ў гэтых старых паперах, які доказ, пакуль не ведала. Больш чым год прайшоў з таго часу, а памяць яшчэ трымае ўсе падзеі на каляровай стужцы. Ды, можа, нават і некалькі стагоддзяў мінула. Маргарыта сама заблыталася. Ці было яе падарожжа сапраўднасцю? Можа, усё толькі трызненне ці сон? Гэтыя пытанні ніяк не давалі спакою, але яна, можна сказаць, вызначылася з тэмай сваёй доктарскай дысертацыі. Толькі б хапіла архіўных матэрыялаў, бо не скажаш жа, што ты сам усё бачыў.

Маргарыта праглядала старыя пісьмы. Адно з іх прымусіла сэрца яе забіцца мацней. Гэтага не можа быць — яна бачыла ліст не ў першы раз!.. Узяла свае запісы й прыклала да ліста — почырк супадаў да драбнейшай рысачкі. У подпісу не было нічога незвычайнага, толькі дата была размыта: ці ад часу, ці пастаралася вада...

КАРЦІНА

РАДЫЁП'ЕСА

ДЗЕЙНЫЯ АСОБЫ:

КЕН — калекцыянер антыкварыяту.
ТЭЯ — яго жонка.
ХЛОЯ — яе сяброўка, закаханая ў Кена.
ГЕРА — былая сяброўка Кена, яна ж — падатковы інспектар.
ГОЛАС — прахожы на вуліцы.

ДЗЕЯ-1

(Музычная афарбоўка — званочкі)

Кен. Нарэшце, мая мара здзейсніцца!

Тэя. Так, Кен, ты выкрыкваеш штораз, калі набываеш якое-небудзь барахло.

Кен. Што ты, Тэя, мы ж дамовіліся. *(Рэзка)* І не будзем абмяркоўваць мае захапленні!

Тэя. Што на гэты раз?

Кен. (У захапленні). Карціна! Я шукаў яе ўсё жыццё…

Тэя. Не, гэта не выносна! Дакуль мне цярпець тваю знявагу і халоднасць?

Кен. Ты ведала, за каго выходзіла замуж.

Тэя. Але б ты мог прыкінуцца, што кахаеш…

Кен. Не магу я прыкідвацца.

Тэя. Навошта ж ты ажаніўся?

(Званок тэлефона, тупат ног... Кен здымае трубку.)

Кен. Алё… Так, гэта я… Канешне, праз пятнаццаць хвілін… Добра, разлічымся, як і дамаўляліся… Да сустрэчы.

Тэя. Колькі на гэты раз?

Кен. Чаго?

Тэя. Колькі каштуе твая антыкварная рэч?

Кен. Гэта не проста антыкварная рэч, гэта — твор мастацтва... Ён бясцэнны. Пажадай мне поспеху, Тэя.

Тэя. Жадаю, Кен.

(Крокі, стук дзвярэй. Тэя адна.)

Тэя. Ненавіджу! Яго і гэтае барахло! *(Перадражнівае.)* Пажадай мне поспеху, Тэя. Каб яно спрахла ўсё, згарэла! Столькі грошай... Я магла б у раскошы купацца, а замест усяго гэтага — непатрэбныя забаўкі, што на сметніку даўно павінны валяцца. Узяць, да прыкладу, гэтую рухлядзь — гадзіннік... Ламачча. Адна толькі каштоўнасць, што пазалочанае акаймаванне ды ходзікі, здаецца, з каштоўнымі каменьчыкамі. Лепш бы ў мяне на пярсцёнку яны былі. А гэты камод… Чырвонае дрэва! Каб ім хоць карыстацца можна было, а то: не чапай, не кранай нават пальцам. Толькі сам ходзіць ды пыл здзімае. Дальбог, ненармальны!.. Можа, палюбоўніка завесці?

(Званок у дзверы. Тэя бяжыць да іх і адчыняе.)

ДЗЕЯ-2

Тэя. А, Хлоя, праходзь. Рада цябе бачыць.

Хлоя. Я таксама, мая дарагая сяброўка. Як справы? Штосьці ты не ў настроі.

Тэя. Што, так відаць?

Хлоя. Ды не, акрамя сініх плямаў пад вачыма і злоснага выразу твару, нічога дрэннага.

Тэя. Вось бачыш, што робіць з людзьмі вашае хвалёнае мастацтва... А ты, як заўсёды, у форме. У цябе зноў новая сукенка!

Хлоя. Не толькі. Вось бранзалет і кальe з дыяментаў. *(Абыякава.)* Падарунак мужа.

Тэя. Шчаслівая! А я не помню, калі мне апошні раз што-небудзь дарылі. Кен звар'яцеў са сваім антыкварыятам.

Хлоя. Дарэчы, дзе ён?

Тэя (са злосцю). Паехаў за новай рухляддзю.

Хлоя. Не, ты проста ненармальная! Гэта ж такі агромністы пласт гісторыі ў вашай кватэры…

Тэя. Агромністы пласт грошай.

Хлоя. Ты не разумееш, такія рэчы бясцэнныя. Што збіраецца набыць Кен на гэты раз?

Тэя. Не ведаю... Нейкую карціну. Хлоя, табе гэта цікава?

Хлоя. Ты азірніся, тут ёсць такія рэчы, якімі цяпер нават не ведаюць, як карыстацца. Ці, напрыкдад, бярэш гэтае пяро, абмакваеш яго ў чарнілы і ўяўляеш… О, колькі ўсяго можна ўявіць! А можа, гэтым пяром пісаў Пушкін, ці Мальер, ці…

Тэя. А на гэтым крэсле сядзеў сам Напалеон Банапарт...

Хлоя. А чаму і не?

Тэя. І што мне з таго, калі няма цеплыні й кахання, калі муж нават не звяртае на мяне ўвагі з-за сваіх архаічных рэчаў. Вось табе пашанцавала, муж цябе кахае.

Хлоя (як быццам сабе). Кахае, як жа!.. Давай памяняемся!

Тэя. Як памяняемся?..

Хлоя. Звычайна... Хоць і зараз... Шляхам медытацыі мы памяняемся целам.

Тэя. А калі мне не спадабаецца?

Хлоя. Хто не рызыкуе, той не п’е шампанскага. Ну дык што?.. Можаш падумаць да заўтра, узважыць усе «за» і «супраць». А мне ўжо трэба ісці, да заўтра.

(Пацалункі, крокі Хлоі на абцасах, стук дзвярэй.)

Тэя. А гэта цівава, можна паспрабаваць.

ДЗЕЯ-3

(Шум вуліцы. Кен у роздуме. Музыка.)

Кен. Гэта будзе нешта неверагоднае. Пры дапамозе карціны я змагу зведаць такія таямніцы, у якія нікому яшчэ не даводзілася патрапіць. Толькі разгадаць шыфр да гэтага чытання…

(Звон шкла — і зноў шум вуліцы, стукаюць дзверы машыны.)

Голас. Гэй, ты асцярожней!.. Ты заснуў?

Кен. Прабачце, вось грошы, уставіце новую фару.

Голас. Вар’ят.

(Шум вуліцы сціхае. Музыка, крокі па лесвіцы, званок. Адчыняюцца дзверы, нібы ў ліфце.)

Гера. Праходзь, Кен, вітаю цябе ў сваім палацы.

Кен. З кім я размаўляю, можа, пакажацеся?

(Шум зачыняемых дзвярэй.)

Гера. Сядай, што будзеш піць?

Кен. Я не п’ю, хіба толькі содавую. Можа, вы ўсё ж пакажацеся? А то нейк нязвыкла весці гандаль з голасам.

Гера. Я думала, мы дамовіліся на конт аплаты.

Кен. Так. Мне проста было б зручней, каб бачыць вас.

Гера. Кен, бачыш насупраць рамку?

Кен. Пустое палатно?

Гера. Чаму пустое? Прыгдедзься, углыбіні — дзверы. Адчыні іх.

Кен. І сапраўды дзверы! Як я адразу іх не заўважыў?

*Гера.*Так, адчыняй іх.

Кен. Вы здзекуецеся, як можна адчыніць дзверы на карціне?

Гера. Кен, а ты паспрабуй зрабіць немагчымае. Скіруй усе свае думкі, і ўсё стане падуладным.

Кен. Пачакайце, я некалі ўжо чуў гэтыя словы. Толькі дзе?

Гера. Не адцягвай увагу, Кен, адчыняй дзверы.

Кен. Гэта цяжка…

(Музыка, якая выяўляе напружанне.)

Кен. Атрымалася! Я адчыніў іх! А цяпер?..

Гера. А цяпер можаш зайсці.

Кен. О, дык гэта тая карціна! Неверагодна.

(Павольная музыка.)

Гера. Прывітанне, Кен.

Кен. Ге-ра?..

Гера. Не чакаў убачыць мяне?

Кен. А ты зусім не змянілася. Тыя ж доўгія шаўковыя валасы, рымскі нос, пякучыя вусны й ніводнай зморшчынкі на твары… Быццам і не было дваццаці гадоў. І гэта тая самая кватэра, мой любімы стол, канапа, тыя ж зялёныя фіранкі… Усё, як тады, у тую апошнюю сустрэчу.

Гера. Там, на стале, дакументы па перадачы карціны. Усё законна. Засталося паставіць твой подпіс. Ты ж згодны на ўсе перагавораныя ўмовы?

Кен. Згодны. Толькі мне патрэбны шыфр.

Гера. Ты мне сам яго адкрыў дваццаць гадоў таму, калі сказаў, як забыць усё, што было між намі.

Кен. У цябе атрымалася?

Гера. Гэта не важна. У цябе атрымалася: ты адчыніў дзверы.

Кен. З тваёй дапамогай…

Гера. У наступны раз яна не спатрэбіцца. Ты сам ведаеш шыфр.

Кен. Дзе падпісацца?

(Чуюцца крокі, нібы стукае сэрца.)

Гера. Вось тут, унізе.

Кен. Гера…

(Маўчанне.)

Кен. Чаму ў цябе рукі халодныя?

Гера. Падпісвай, Кен.

(Рыпіць пяро.)

Кен. Антыкварнае?

Гера. XVI стагоддзе. *(Шэлест паперы.)* Яшчэ адзін подпіс. Гэта для мяне — другі экзэмпляр.

(Рыпіць пяро.)

Гера. Усё, карціна — твая.

Кен. Дзякуй, Гера. Я абавязаны табе да свайго скону. Бывай.

Гера. Пачакай!.. А пацалунак?

Кен. Прабач, зусім забыўся... Я нібы п'яны.

(Пацалунак, стук сэрца, спачатку — аднаго, потым — двух , і зноў — аднаго.)

Гера. Дзякуй, Кен, ты вызваліў мяне нарэшце.

(Музыка.)

ДЗЕЯ-4

Тэя. Гэта твой славуты твор мастацтва?

Кен. Так.

Тэя. Пустое палатно ў рамцы? *(З'едліва.)* Цікава, якое гэта стагоддзе?

Кен. Шаснацатае.

Тэя. Што ж, напэўна, я сапраўды не разбіраюся ў мастацтве... Я пайшла спаць. Кен, ты чуеш? Не?.. Ну як хочаш.

(Крокі, стук дзвярэй, гукі набіраемага тэлефоннага нумара.)

Тэя (у адчаі). Хлоя? Ты не можаш сабе ўявіць! Ён сядзіць насупраць пустога палатна, нібы заварожаны. Прыязджай хутчэй. Я так больш не магу, я згодна на медытацыю. Інакш — проста звар'яцею.

Хлоя. Еду!.. Сканцэнтруйся на думцы, што хутка ўсё зменіцца.

(Кароткія гудкі тэлефона.)

Тэя. Хутка ўсё зменіцца! Усё зменіцца… зменіцца…

ДЗЕЯ-5

Тэя. Не магу прывыкнуць да новага цела. Гляджу на цябе, а бачу сябе.

Хлоя. Хутка звыкнешся. Цела Тэі застаецца, а сама яна знікае. Не забудзь, твой муж любіць каву без цукру.

Тэя. А твой — усю гэтую рухлядзь. Да пабачэння, Хлоя.

Хлоя. Бывай.

(Крокі, стук дзвярэй. Музыка, што і ў дзеі 3.)

Хлоя. Кен, нарэшце я змагу абняць цябе. Кен, ты чуеш мяне?

(Крокі, бы стук сэрца.)

Хлоя. Кен, у цябе рукі халодныя. *(Паўза.)* Цудоўная карціна.

Кен (нібы прачнуўся). Ты кажаш, цудоўная?

Хлоя. Так, Кен.

Кен. Ты тут што-небудзь бачыш?

Хлоя. Не разумею, а хіба ты — не?

Кен (узрушана). Што? Што ты бачыш?

Хлоя. Даўгавалосую жанчыну з рымскім носам і чорнымі пякучымі вачыма. Напэўна, егіпецкая царыца.

Кен. Не можа быць! А зараз?..

Хлоя. Яна ўсміхаецца. Злосна. А цяпер — аддаляецца.

Кен. Тэя, ты разумееш, што гэта значыць?

Хлоя. Гэта рухомая карціна.

Кен. І ты не здзіўлена?

Хлоя. Сапраўднае мастацтва павінна быць незвычайным.

Кен. Тэя, раней ты мяне ніколі не разумела...

Хлоя. Не трэба, Кен, дай лепш твае рукі, я сагрэю іх… У цябе прыгожыя тонкія пальцы.

Кен. Ніколі не думаў, што ў цябе столькі пяшчоты. *(Паўза.)* Ты згодна пайсці са мной?

Хлоя. Куды пажадаеш.

Кен. І будзеш ні пра што пытацца?

Хлоя. Не. Я і так ведаю.

Кен. То значыць, час — ісці.

Хлоя. А ўсё гэта мы можам ўзяць з сабой?

Кен. Антыкварыят? Думаю, можам.

Хлоя. Тады пайшлі…

(Музыка.)

ДЗЕЯ-6

Тэя. Хлоя, Кен, хто-небудзь тут ёсць? Што гэта такое? Нібы вецер прайшоўся. Куды ўсё падзелася? Гэй!.. *(Голас аддаецца гулкім рэхам.)*

(Званок у дзверы, дзверы рыпяць.)

Гера. Прабачце, я з падатковай інспекцыі.

Тэя. Што гэта значыць? Дзе ўсе рэчы? Дзе мой муж, нарэшце?

Гера. Ваш муж?... Ён атрымаў у падарунак каштоўны твор мастацтва. І не заплаціў падатак.

Тэя. Ён, напэўна, уцёк.

Гера. Што ж, нам нічога не застаецца, як забраць гэтую карціну.

Тэя. Якую карціну?.. А-а-а, гэтае пустое палатно. Бярыце. Я ведала, што ўрэшце рэшт ён так скончыць. Ды ён мне зусім і не муж, а муж сяброўкі. Яна таксама знікла…

Гера. Прабачце, я вазьму карціну.

(Грукат, нібы стук сэрца. Ляпнулі дзверы.)

КАЦЯРЫНА ЗЫБАЙЛА

Нарадзілася ў 1986 годзе, вучуся ў адной з мінскіх школ.

Планую стаць юрыстам.

Лічу, што літаратура падобная да мастацкага фотаздымка, на якім толькі застыглае імгненне, і на якім можна ўбачыць цэлае Жыццё.

СУМНАЯ ГІСТОРЫЯ

Як праўда не існуе без хлусні, як чорнае — без белага, так і я не існую без цябе. Цяпер не існую.

Самае страшнае ў гэтай сумнай гісторыі тое, што ты ведаеш усё. Ты ведаеш кожны мой крок, бо поўзаеш разам са мной па той крутой лесвіцы, па якой звычайна ўзбіраюцца да шчасця.

Ты ведаеш, што я не пражыву без цябе і дня. Ты ведаеш гэта лепей за ўсіх. Нават лепей за мяне. Дый каму яшчэ ведаць гэта, як не табе? Нікому. Нікому, бо ты адзіны беспамылкова вызначаеш усё, што робіцца на душы ў таго ці іншага чалавека.

Ты вельмі добра бачыш той бруд, які круціцца ў сусвеце людзей вакол цябе. Ты ведаеш пра мяне ўсё, але чамусьці мы не разумеем адзін аднаго так, як адна зорка — другую на бясконцым небасхіле.

І мне здаецца, я ведаю, чаму.

Справа ў тым, што ты ніколі не глядзеў мне ў вочы. І не трэба. Не глядзі. Бо мне боязна — баюся ўбачыць у тваіх вачах той самы сусветны бруд.

Затое — ты вельмі ўдала абнёс маё жыццё калючым дротам, за які нельга вылятаць маёй душы, а тым больш — маім думкам.

Ты бачыў ува мне ўсё, акрамя мяне. Ты любіў ува мне ўсё, але толькі не мяне. Ты цаніў усё тое, што не было мною, але ты забыўся, што я толькі з аднаго боку бачыла цябе. Толькі — добрае. Толькі тое, што не належала мне. Як неба не належыць зямлі.

Сумная гісторыя.

СУЧАСНАСЦЬ

Учора я гуляла па горадзе. Надвор'е, як ніколі, спрыяла майму знаёмству з гарадской ноччу. Я проста гуляла, на злосць табе. Бо ты лічыш гэта бяссэнсавым — вось так проста гуляць. Ты цалкам кінуўся ў сучаснасць, і я вельмі баюся, што аднойчы ты таемна ад мяне скруціш там сабе галаву. Таемна — каб я не папракнула цябе за гэта.

Вось і ўчора — ты быў заняты паляпшэннем сучаснасці. А я гуляла па горадзе.

Адна.

Непрыемныя пахі думкамі лезлі мне ў галаву. Яны нават не пыталіся — ці можна рабіць гэта.

Ім было ўсё роўна, бо яны — сучасныя. Нейкі чалавек трапіў пад колы вялікага аўтамабіля, але гэта нават не здзівіла нікога. Людзі, як мурашкі, поўзалі па вуліцах бяссоння. Іхнія рукі наўмысна траплялі ў чужыя кішэні й кралі пачуцці, нікому ўжо не патрэбныя.

Але навошта яны іх кралі? Можа, каб надаць сучаснаму жыццю хоць нейкае адценне шчасця?

А можа, каб маскі іхняй радасці здаваліся больш жывыя?.. Можа, і так.

І ведаеш, гуляючы, я зразумела, што ты — таксама жывеш пачуццямі, якія скраў у мяне. А гэта значыць...

Не, я не такая, як ты. Я не такая! Чуеш?!. Не такая!

Бо ведаю, аб чым размаўляе з падлеткамі п’яны прапаведнік. І разумею, пра якога такога бога расказваюць яго патрэсканыя вусны. Я заўважаю, як горад звар’яцела запальвае ў небе ліхтарыкі начных зорак, а яны ў адказ — удзячна накідваюць на яго празрыстую сукенку, што вісіць на ім шэрымі лахманамі. Але горад не можа скінуць гэтае рыззё аж да самай раніцы, бо доўгія рукавы лахманоў вельмі ціска затужаны за ягонай спінаю.

А яшчэ — я ўчора бачыла, як вецер лізаў рукі ночы, і як ёй падабаліся ягоныя ласкі. Але табе ўсё гэта не патрэбна — ты лічаш глупствам: вось так проста гуляць.

Я не абвінавачваю цябе. Ведаю: у кожнага — свой шлях. Табе — у сучаснасць, а мне — да бяссэнсіцы.

СХАВАЎСЯ...

Горад схаваўся пад спадніцу ночы й недаверліва пазірае адтуль. Яго вочы нерухома дзівяцца на цябе, як быццам спрабуючы нешта ўбачыць — так здаецца.

Але паспрабуй адысці трохі ўбок і заўважыш: звар’яцелыя зрэнкі так і не пакінулі глядзець у адну кропку. Туды, дзе раней быў ты, дзе зараз нехта іншы.

Ты спрабуеш нешта змяніць. Тваё прывітанне ляціць па агаленых нервах тэлефонных правадоў на другі канец сусвету. Думаеш нехта чакае?

Ты спрабуеш нешта змяніць... Смешна.

Нават вецер — гэты беспрытульны бабнік, які не можа прапусціць ніводнай спадніцы, — цябе не заўважае.

Ад гэтага ўпартага незаўважання табе нават няма куды схавацца, бо кожную ноч побач з табою будуць вочы глыбокай старасці, вочы, параненыя дзяцінствам.

ЗАКАТ

Море ворвалось в лодку, бесшумно разорвав дно... А всему виной — твои кислотные слезы, которые разрушают и так прогнившие доски.

Море ворвалось в лодку — и теперь ты тонешь, и никто не услышит твоих криков, и никто не поможет тебе.

Ты плачешь, не понимая еще, что эти едкие капельки еще больше разрушают хрупкую плоть мертвого дерева, все быстрее отдают тебя всепожирающей вязковатой пучине.

В твоих глазах еще мечется полупотухший огонек, который люди с большой земли называли надеждой, но уже скоро, очень скоро он погаснет, залитый беспощадными волнами. Но, пока он горит — ты будешь верить в то, что сможешь доплыть до того места, где он ждал тебя, и которое ты так поспешно покинула, чтобы найти свое личное дырявое дно.

Ничего. Пройдет еще минута — и лодка совсем скроется под водой. Из последних сил ты будешь бить руками по воде, пытаясь плыть, пытаясь доплыть назад, к тому, кто все так же безропотно, бессловесно, танцуя изматывающие вальсы с бессонницей, ждет тебя.

Ты не доплывешь, а довольное море спрячет тебя у себя под подушкой, чтобы иногда доставать и любоваться твоей непокорностью. А потом, когда надоест, выбросит тебя на поверхность — к людям с большой земли, которые даже не смогут опознать твое тело. А он, который так мучился в ожидании, почуяв неладное, взглянет на тебя, на то, что осталось от тебя, и ждать перестанет.

...Но все это будет намного позже — еще не прошла заветная минута, и, пока лодка не скрылась под водой, ты плачешь, а игривое море закипает от желания получить тебя. И солнце, входя бесцеремонно в эту пучину, напоминает, что где-то, развлекаясь с бессонницей, тебя пока еще ждут.

АДЧУВАЮЦЦА ПЕРАМЕНЫ

Калісьці ў мяне было сонейка. Яно вельмі любіла мяне, бо ноччу, калі не мела права і магчымасці быць побач, дазваляла мне кідацца чужым каханнем у зоры й завываць на месяц.

Калісьці ў мяне быў горад. Ён пускаў мяне лётаць над ягонымі вулачкамі й хаваў ад сумлення.

Калісьці ў мяне быў вецер. Ён гуляў з маімі думкамі, складаў паламаныя лёсы ў мае вершы. А яшчэ, бывала, кідаў мне ў вочы ільдзінкі разбітага шчасця.

Але гэта здаралася рэдка. Толькі тады, калі ён моцна раўнаваў мяне. Да вясны.

Калісьці ў мяне быў цэлы сусвет.

Цяпер у мяне ёсць — Ты...

КЛОПАТ

Абвітая калючым дротам тваіх пацалункаў, сяджу за кратамі памяці.

Так ты схаваў мяне.

Ад адзіноты...

КАЛЫХАНКА

Накрыўшыся ўтульнай коўдрай
тваёй ілжы, зноў
чакаю цябе... Без тваіх
казак я ўжо не магу заснуць.

ВУЛІЧНАЯ МАЛАДОСЦЬ

Нібыта закаханая ў сум яе вершаў, яго рэчаіснасць некуды збягае слязою па шчацэ. І толькі цюбік таксічнага шчасця падказвае, што бяглянку трэба шукаць недзе спаміж выбухамі пульса і мроямі аб пекле.

Менавіта там. У самоце яе вершаў.

А ВЕЧАРЫНА НАБЛІЖАЕЦЦА

Якая недарэчнасць!

Зноў мая надакучлівая пяшчота паранілася аб твае непаголеныя шчокі!

Ты проста не паспеў пагаліць іх — вастрыў скальпель. Бо, па апошніх падліках, маё каханне б’ецца ў страшэннай агоніі, і, згодна з тваім планам, павінна зусім скора памерці. Усё ўжо для гэтага падрыхтавана — госці запрошаныя... Яны чакаюць.

І ты — чакаеш. З асалодай уяўляеш, як пад іхнія гучныя апладысменты будзеш прэпараваць мерцвяка...

НЕ ПАКІДАЙ МЯНЕ

Не пакідай мяне,
мая дурная радасць.
Застанься назаўсёды
ў кішэнях майго сэрца.
Застанься, бо не можа
нічым яно сагрэцца —
сціскае сківіцы
свабоды ціхай салодкасць.
Не пакідай мяне,
шалёны жар кахання,
бо зноўку буду я
табой трызніць у снах.
Блукаць па свеце стану —
шукацьме цябе ў марах.
Навошта мне, скажы,
цяжар таго блукання?

СЯРГЕЙ ІВАНОЎ

Родился 6 ноября 1975 г. Работаю бухгалтером. Много занимался разнообразными видами творчества: стихи, музыка... Остановился на философии.

Что касается стихов – написал их достаточно для того, чтобы выдать книгу.

* * *

Я верю в то, что кажется.
Я верю в то, что сбудется
одна моя мечта.

И где то в беспредельности
все также, как и прежде, я
люблю только тебя.

* * *

Сердце мое ищет тебя,
ловит оно каждый твой взгляд.
Время течет только вперед —
нету для нас дороги назад.

Каждое дыханье, каждое касанье —
вспоминаю танец между нами тайны.
Каждое мгновенье, каждое движенье
мне напоминает, как стихотворенье,
только тебя.

Сердце мое, ты не одно:
тысячи глаз смотрят в лицо.
Соединим наши сердца,
только пройдя этот путь до конца.

Каждое дыханье, каждое касанье
раскрывают эту между нами тайну.
Но бывает странно — умирает тайна
и скрывает все то, что о тебе знал я...
Но не тебя.

* * *

Как красиво за моим окном —
радуга уходит в небеса:

там бесконечность, где лето и зима
вместе сливаются в одно.

* * *

Облетевшая листва,
отшумевшие уста…
Нет окна —
закрыты ставни.
Голоса! —
вы просто камни…

* * *

Я закрылся на все замки,
отвергая игру в слова.
Я пытался уйти от любви,
но любовь ушла от меня.

* * *

Я — как молния в ночи.
Холод — в пламени свечи.
Человек из Зазеркалья —
тот, кто знает... Но молчит.

ОСЕНЬ

Мне снится солнце по ночам,
ведь днем — одни дожди.
Я просыпаюсь и кричу:
— Ты, осень, подожди!
Дай мне короткий перерыв
на пару дней хотя бы.
Но ты не ждешь,
как все — спешишь.
Уже грядет октябрь…

* * *

На каждый стих —
отдельная тетрадь,
чтобы листам
по одному не умирать.

На смену дня —
опять приходит ночь.
На смену ночи —
вновь приходит дождь…

Звезда в лесу одна,
но не темно.
Одна в лесу звезда —
открой окно!

Смешно,
когда пытаются
в меня стрелять.
Грешно,
когда на каждый стих —
отдельная тетрадь.

МОЙ ПУТЬ

Я проскользну бесшумно,
  незаметно,
Подобно —
  третьей мировой войне.
Я знаю,
  что такое *перманентность...*
А *перманентность* —
  знает обо мне.

Зачем вступать в толпу
  святош во плоти

и вместе плавать
в лужице любви?
Они плывут к Нему
в слепой дремоте...
А я — на волнах
собственной крови.

* * *

Как мало толку в утешеньях!
Страданья — самый лучший друг:
утраты, слезы и сомненья,
мирских забот порочный круг.
Не нужно ждать, когда приливом
на берег вынесет алмаз.
Смотри, как шумно и игриво
танцуют волны. В них — экстаз!
Оставь расчет, войди бездумно,
взлети, как птица к небесам!
…Исчезни мягко и бесшумно,
как растворяется туман.

СУДЬБА

Я не знаю тебя ни в постели, ни в жизни.
И не видел ни разу, когда посещал планетарий.
Где же ты притаилась, коварная леди-судьба,
и когда ты уже напишешь нормальный сценарий?
Не гляди на меня из-под хмурых бровей-облаков.
Не входи в мои сны и не прячься, как тень, за спиною.
Я оставил попытки измерить пространство над головой,
отказавшись от тайных надежд повстречаться с тобою.

ЖЕНА

Что требуешь ты от меня,
исчадье ада?

Ты хочешь,
чтобы стал я, как они:
орал по вечерам
не бардовские песни,
писал про жизнь
не матные стихи?
Дерьмо какое,
я не трус и не предатель.
Будь проклят тот,
кто падает в пути!
Мне в этой жизни слишком сложно
быть не гениальным...
Ты уж прости меня,
любовь моя,
прости.

* * *

Что мне нужно, если — не тебя?
Что так важно знать, как не любовь?
Разве можно выяснить — кто прав,
не употребляя в лексиконе лишних слов?
Снова заскребется в дверь зима...
Ты пройдешь, как тот осенний дождь,
и опять я должен буду потерять себя
в серых толпах восковых богов.

* * *

Мне хочется вспомнить,
как мне было больно
пропеть те молитвы,
которых уж нет;
оставив дворец
с позолоченным троном —
исчезнуть, забывшись
во сне прошлых лет.

НОВЫЙ ГОД

Москва пылает праздничным салютом,
и голых баб — безумный хоровод...
Красавиц много — выбирай любую!
Как жаль, что я уже совсем не тот.

Гляжу, как вы под елкой новогодней
ложитесь с кем-то страстно на сугроб...
Я в каждой женщине — распознаю старуху.
Ты — в каждой елке видишь Новый год.

* * *

Вот лето наступило,
но холодно и сыро.
На улицах сугробы,
хотя и не сезон…
А может быть, мы просто
забудем все, что было —
и школу, и концлагерь,
и сумасшедший дом?..

СМИРЕНИЕ

Хотя я против всех —
я не сойду с ума.
Мне тяжело им мстить —
они мои друзья.

У них есть добрый смех
и умные слова,
но им не победить:
ведь это не война…

Мой автобус — чувства,
мчит во весь опор.

Мой водитель — сердце,
опытный шофер.

Но куда ни еду —
пусто за окном:
лишь — земля да небо...
Остальное — сон.

* * *

Я — тих,
смиренен и послушен.
Я не продал
талант и душу.

Моя любовь —
умрет со мной…
Я так прекрасен!
Я — герой!

КОММУНИСТ

Я родился в октябре.
Я носился во дворе.
Было весело, пожалуй, —
время быстро пробежало.
Школа длилась десять лет,
изменился мой портрет:
я не дергаюсь в строю,
я стою на красный свет.
Десять бед — один ответ:
себе выбрал специальность.
Все работы хороши —
и моя не хуже всех.
Проработал сорок лет.
Изменился мой портрет:

я женат на старой дуре,
я такой, как мой сосед.
У меня — своя квартира,
окна с видом — на проспект.
Дети — тоже, как и я,
все родились в октябре.

Жил я просто, как и все...
Так и умер в октябре.

* * *

Вы не отыщите страну,
куда я ухожу.

Вы не узнаете мечту,
которой дорожу.

Как вы увидите Того,
кому я не служу?!.

Вы не поймете ничего,
а я вам — не скажу.

* * *

Я наблюдаю,
как схожу с ума.
Мне нету дела:
я — всего лишь тьма;
я — отражение
на каменной воде,
и тем не менее —
Спаситель на кресте.

Я растворился
в Клумбах Тишины.

Цветы Безмолвия
недалеки от Дома.
Но лишь сорвав
поблекшие холсты,
постигнешь сказочную
Глубину пустого.

ФОРМУЛА ЖИЗНИ

Жизнь — это ломаная.
Смерть — прямая,
тянущаяся в бесконечность.
Наша жизнь изломанная,
недолговечная.
Человек — Вселенная.
А душа — звезда.

Все, что на мгновение —
навсегда.

УЧИТЕЛЮ

Твои одежды из тонкой ткани.
Твои доспехи из легкой стали.
Твоя походка свежа, как ветер.
Твой взгляд, как солнце, лучист и светел.
Твое дыханье — дыханье неба.
Твое ученье — дорога в лето.
С тобой священна любая битва.
Твоя молитва — моя молитва!

ЧТО В ТЕБЕ?

Что в тебе?
Что в небе?
Что в цветке?

Что на звездах?
Что в безумном сне?
Что в тебе?..

Что в словах?
Во всем?
Что на Земле?
Что за горизонтом?
Вдалеке?
Что в тебе?..

Что в реке?
Что там,
на самом дне?
Что не тонет,
не горит в огне?
Что в тебе?..

МОГИЛА

Роса — на лицах, слезы — на траве,
Цветы без солнца — это лишь мечты.
В том каменном саду миллионы пилигримов
хотят припасть к колодцу Твоих губ.
Но все напрасно — Ты уходишь в ночь.
Летят и кружатся увядшие стихи.
Ты умерла, но не смогла простить...
Мне кажется, я знаю — почему.

И как зверь, кидаясь в битву, —
возношу огню молитву.

ОЧИЩЕНИЕ

Вода из-под крана —
как Маха-Нирвана.

Я вымоюсь с мылом
и стану, как Бог,
невинным и чистым —
назло атеистам...
Вот только не знаю:
на долгий ли срок?..

* * *

У природы — нет плохой погоды.
Птицей одинокой
я лечу сквозь годы.

Нету остановки, нету перерыва, —
словно альпинист,
сорвавшийся с обрыва…

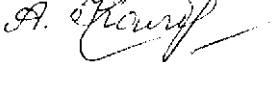
АКСАНА КАМІНСКАЯ

Не кідай!..

Чуеш, ніколі не кідай мяне... Без цябе я — пустое, нікчэмнае стварэнне, хоць часам і не згаджаюся з табою.

Не ідзі ад мяне!

Будзь заўсёды са мной... мая Муза!



* * *

Творца-Ноч незразумелай моваю
і наборам невядомых нот
піша развітальную сімфонію
пра свой непазбежны адыход.

МАЙМУ ДОБРАМУ НАСТРОЮ

Цяпло цалуе скроні,
абшар вясной сагрэты.
А розум — бы ў палоне
прыемнай цыгарэты.

І мроі разрываюць
без жалю розум мой,
хвалююць і натхняюць,
і клічуць за сабой!

* * *

Апошняе трымценне дня... І...
ўсё. Ужо сканаў пад цяжарам начы.
Хаўтуры ладзіць восень. Цішыня
жалобныя мелодыі крычыць.

Запалымнелі свечкай ліхтары.
І сумны дождж сцірае слёзы шклом.
Так атрымалася. Заўчасна. Да пары...
Але яшчэ адно жыццё прайшло.

* * *

Праз павалоку мар на свет гляджу
і бачу (ці то падалося мне):

на шкле ізноў — аўтографы дажджу,
на тратуарах — візітоўкі восені.

* * *

На фотаздымках з невядомасці —
абрысы, твары, сілуэты...
Імкнуся зразумець: што гэта —
сапраўднасць ці падман свядомасці?

У вочы, што амаль знаёмыя,
у жэсты, свет, пагляды, цені,
у наша шчасце летуценнае
зноў узіраюся да стомы я.

Было?.. Альбо не адбывалася?
Са мною? Ці з шалёнай постаю?..
А з фотаздымкаў усміхаліся
абрысы, сілуэты, твары...

* * *

Не адпускае май душу
у белыя далоні снежня.

* * *

Апантаны салодкім жаданнем,
снег імкнецца да вуснаў ляцець...
Толькі тут сустракаецца смерць —
гіне снег пад гарачым дыханнем.

* * *

Млявы дзень пакрыецца сінечай.
зорныя пасьянсы раскладуцца...

Тое, што было, адыдзе ў вечнасць,
каб назад ніколі не вярнуцца.

* * *

А з неба ноч паволі — упадзе,
сапраўднае хаваючы сабою.
І дачакаецца жаданага спакою,
святлом і цеплынёй стамлёны дзень.

Сляпой суцэльнай засняй небыцця
прастор ужо амаль закрыла поўня,
а розум... Ён дарма імкнецца ўспомніць
рэаліі мінулага жыцця.

* * *

Цнота... Ні бруду, ні пошасці —
воля для знічак і хмар.
Толькі ж у гэтай святочнасці
крылы губляе Ікар.

На вышыню спакушаецца —
на незямное святло...
Вецер і сёння забавіцца
з пер’ем, што марай было.

* * *

Напоены святлом апошняй зоркі,
світанак нараджае новы дзень.
А ноч старая на спачын ідзе,
пакінуўшы свой пах халодна-горкі.

Заспаны вецер ціха адпяе
сінечу, цішыню і срэбра поўні.

І гэту ноч чароўную не ўспомніць
ніхто. Амаль — ніхто... Акром мяне.

ВОСЕНЬСКІ ЭЦЮД

Лісцем, распусна нафарбаваным,
Менск закіданы.

Колеры сціплых апошніх кветак
стрэнуцца зрэдку.

Вецер з імпэтам бамжоў заганяе
грэцца ў трамваі.

Я недарэчнаму сонцу дзіўлюся —
восень
                на Беларусі.

КАЦЯРЫНА КАНАВАЛАВА ДЭ АПОСТАЛ

Будучи дочерью военнослужащего, семья которога вела, можно сказать, кочевую жизнь, с детства я полюбила дороги, мечтала о кругосветных путешествиях, хотела познать мир во всем его красочном многообразии. Желания мои осуществились: побывала в Париже и в Праге, в Белграде и Берлине, изъездила тропические страны Центральной и Южной Америки... чтобы окончательно убедится в том, что сердцу нет ничего милее, чем синева озер белорусских, белизна берез, золото нив и пестрота усыпанных нежными полевыми цветами придорожий родимой, единственной на планете сторонушки; что нет ничего слаще, шире и необъятнее нашей народной песни; теплее объятий моих земляков...

Именно ностальгия по Родине послужила источником вдохновения для рассказов, созданных далеко от родной земли.

СОЕДИНЕННЫЕ НАВЕКИ

Habias sido mia antes,
No puedo decir cuanto tiempo
hace de ello;
pero justo cuando te giraste
para ver vobar la galondrina,
un velo cayo y lo supe todo
de los tiempos pasados.
Dante Gabriel Rassetti

(Была моей раньше,
не могу сказать, сколько
времени назад;
но именно в тот момент,
когда ты повернулась,
следя за полетом ласточки,
упала пелена с глаз моих,
и я вспомнил времена прошедшие.)

— Знаешь, я где-то читал, что, согласно научным данным, во сне, а точнее в одной из своих фаз, известной под названием REM (быстрое движение глаза) осуществляются специфические функции, связанные с восстановлением памяти и сбором информации, полученной в течение прошедших дней. Что-то вроде превращения нашего мозга в компьютер, выдающий на гора факты не только недавнего прошлого, но позволяющие с достаточной ясностью вернуться в совсем далекое время, возможно даже в прежнюю жизнь, — Хосе-Антонио посмотрел на собеседника, словно желая убедиться, довольно ли внимательно слушает тот, прежде чем он продолжит свой необычный рассказ. — Конечно, я не ученый, может, и ошибаюсь в каких-то там терминах. Но суть не в этом. То, что я хочу сказать... — замолчал на минутку, обдумывая, как это лучше объяснить. — Веришь ли ты в существование родственных душ, скажем, душ-двойников, соединенных навечно особыми узами любви и ищущими сквозь века и находящими друг друга в различных жизнях? Вообще, веришь ли ты в реенкарна-

цию? — в карих глазах рассказчика запрыгали яркие искорки. — Приснился мне сон. Будто являюсь я калифом en el reino nazari de Granada, Andalucia (в царстве назари в Гранаде, Андалусии, Испании). Даже знаю почему-то год — 1236-й... Живу я, значит, в замечательном дворце-храме с резными сводами и мозаическими колоннами, украшенными драгоценными камнями: топазами и изумрудами, сапфирами и рубинами, жемчугом и отшлифованными бриллиантами. Мраморные лестницы ведут наверх — к большому коридору-кольцу, в котором находятся многочисленные двери с хрустальными ручками. За дверьми прячут свой интим множество комнат, в которых проживают мои прекрасные жены и наложницы... По всем углам дворцовой залы — алебастровые вазы, украшенные золотыми рисунками. В какую бы из комнат я ни заходил, жены мои, прикрытые одеждами, сотканными из тумана, и украшенные чудными жемчужными ожерельями, укладывают меня на парчовые золотые и серебряные подушки и ублажают, исполняя любое мое желание. Потчуют меня из невиданной красоты золоченой, осыпанной изумрудом и топазами посуды, поят чудесным вином из серебряных кубков... В каждой комнате моих наложниц возле золотого, украшенного бирюзой и перламутром ложа, расположены курильницы, из которых вихрятся клубы ладана, сандала... Слуги, облаченные в парчевые шаровары, машут надо мной опахалами из страусовых перьев.

Собеседник слушал Хосе-Антонио внимательно и серьезно, но вдруг заулыбался и произнес:

— Так уж и машут?

— Машут... Но я не удовлетворен. Я что-то или кого-то ищу. Спускаюсь по лестнице, пробегаю через огромный зал, спешу в сад... Это чудесный оазис с прекрасными фонтанами, в которых журчит, напевая свою веселую песенку вода; с причудливыми деревьями: апельсинами, лимонами, гранатами... Плоды их сочные, совершенно дивного вкуса... Цветы издают необыкновенно-сладостный аромат. Птицы и бабочки довольно редкостной окраски, перелетают с кустика на кустик...

— Ну и... Не тяни, — не терпится собеседнику и он поторпливает рассказчика.

— И вот... В тенистой беседке, увитой виноградом, наконец-то нахожу ту, которую искал. Томно нежится на серебряном ложе

юное тело, играя белым цветком благоухающего жасмина. Сквозь прозрачный газовый наряд хорошо видна упругая маленькая девичья грудь. Русые волосы украшены розовой гирляндой из каких-то не известных мне дивных цветов... Голубые, цвета весеннего неба глаза смотрят доверчиво... Ласково обнимают всю мою плоть... Она зажгла огонь в моей груди — манит свежестью своего молодого тела, вызывает желание засып•ть и просыпаться в объятиях ее нежных рук, наслаждаться сочным поцелуем алых губок...

— Эко хватил! Калиф... Дворец... А теперь — любимая жена-красавица. Уф, аж слюнки потекли!.. — Друг-собеседник удивлен не на шутку, спрашивает: — Только причем же тут другие жизни, реенкарнация какая-то?

— При том, дорогой мой, что через месяц отправил меня начальник за бумагами какими-то важными домой — к себе. Объяснил, как дом найти, схемку набросал. Быстро я сориентировался-то. Отыскал улицу, нужный номер дома... Вошел в калитку и по выложенной камнями дорожке прошагал мимо клумб с дивными цветами через сад к дому. Приближаюсь — и первое, что увидел на крыльце — ноги... Белоснежная кожа, знакомые какие-то изгибы... Честное слово, аж сердце екнуло... Девчонка — дочь моего начальника — полы мыла. Просто — по-старинке, на четвереньках, спиной ко мне. Музыка — во всю громкость из магнитофона... Остановился я у входа, замялся... Кашлянул... Подскочила девчушка, оглянулась, покраснела — юбочку поправляет... Лет так ей — семнадцать... Русые волосы рукой со лба убирает... А у меня от ее красоты дыхание захватило, мурашки по коже бегают...

— И вы тут же знакомитесь, да? — глаза у собеседника стали масляными, возбужденно горят.

— Не перебивай... Значит, пронизывают меня насквозь голубые глаза, цвета весеннего неба — ласково так обнимают всю мою плоть... Подпрыгивает под тоненькой блузкой запыхавшаяся от работы упругая девичья грудь... Благаухает жасмином молодая кожа... Да, я сразу узнал ее. Без тени сомнения — это была Она, теперешняя жена моя... Представь себе, она до сих пор вызывает желание засыпать и просыпаться в жарких объятиях ее нежных рук.

КЛАД

1

Приглашенные для помощи люди собрались вовремя и, вооружившись кирками да лопатами, принялсись за работу.

Давид находился в приподнятом настороении: наконец-то он приступает к осуществлению своей давнишней мечты — строительству собстванного дома на выделенном ему родителями маленьком участке. И не важно, что начинают они сегодня только с рытья ямы для канализационных стоков — начало есть начало; главное, что он приступает к активным действиям.

Вон как дружно звенят, ударяясь о камни и комья сухой глины лопаты!

Лосняться капельками пота мускулистые загорелые спины мужчин, сбросивших мешающие им футболки и бывшие белыми в начале работы кепки.

Давид суетится, дает указания друзьям, бежит в родительский дом, чтобы наполнить питьевой водой бачок, так скоро опорожняемый в эту тропическую жару; сам хватается за лопату и принимается копать...

Вырыв яму глубиной в четыре метра и передохнув несколько минут в тени раскидистого манго, росшего неподалеку, решил продолжить работу, улгубив яму еще немного: на полтора-два метра.

Спрыгнули в яму трое — Педро, Иван и Фернандо. Им-то и предстояло быть участниками удивительных событий.

Первой наткнулась на что-то твердое лопата Педро. Смачно выругавшись, начал он обкапывать вокруг; его друзья принялись помогать ему.

Где-то через полчаса с огромным трудом при помощи спущенного каната вытащили на поверхность диковинный глиняный сосуд, какие употребляли раньше жители Венесуэлы для хранения воды, называемые тинахами. Был сосуд почти в человеческий рост — 145 см в длину; внутри что-то блестело.

Нетерпеливый Педро на правах хозяина находки ударил киркой со всего маху по боковой поверхности выпачканного красной глиной сосуда, отчего тот вмиг рассыпался на черепки, обнажив тем самым

свое драгоценное содержимое — чуть зеленоватый труп старца, облаченный в парчево-серебристые, хорошо сохранившиеся одежды очень странного пошива; на тонкой шее болталось крупных размеров бриллиантовое, обрамленное червонным золотом, ожерелье; в ушах — точно такие же серьги.

Педро с жадностью во взгляде сорвал ожерелье...

Труп тут же открыл глаза, кашлянул два раза и дунул в лицо нарушителю своего спокойствия каким-то сине-зеленым паром, отчего парень, схватившись за сердце, вдруг завертелся вокруг своей оси; ожерелье упало на землю у его ног.

Все присутствующие замерли в страхе, не только не пробуя поднять драгоценность, но даже не смея шевельнуться.

Юноша остановился, посмотрел вокруг себя пустыми холодными глазами мертвеца и вдруг начал проворно карабкаться на огромное дерево манго. Все выше и выше... Будто белочка, легко взобрался на самую верхушку и... неожиданно свалился вниз — к подножию дерева-гиганта.

Собравшиеся не успели даже ахнуть...

Давид, не просыпаясь, понял, что это был всего только сон. Он облегчонно вздохнул и перевернулся на другой бок.

2

Солнце поднялось уже довольно высоко, осушив утреннюю росу в саду, когда, резко сбросив покрывало, Давид вскочил с постели, вспомнив, что сегодня ему предстоит необычный день: он приступает к строительству своего дома.

Сколько мечтал об этом удивительном мгновении, когда собственными руками заложит в стенку своего жилища первый кирпич! Сколько пыхтел над созданием проекта: измерял, подсчитывал, изображал на бумаге...

И вот — сегодня придут его друзья, чтобы начать рыть яму, а затем — не за горами и закладка фундамента.

Наскоро умывшись, вышел во двор, где уже собрались Педро, Иван, Фернандо, Карлос и Хосе. Вооружившись лопатами, друзья приступили к работе.

Вырыв котлован глубиной в четыре метра, присели передохнуть под ближайшим раскидистым огромным манго.

— Думаю, надо углубиться еще на полтора-два метра, — произнес Карлос, на что все присутсвующие, имеющие большую практику в строительстве, конечно же, согласились.

Педро, Иван и Фернандо забрались по лесенке в яму и продолжили работу. Вдруг, смачно выругавшись, Педро сообщил, что его лопата наткнулась на что-то твердое. Осторожно обкапывая вокруг, друзья обнаружили чудесный глиняный сосуд, приблизительно в человеческий рост.

— Не трогать! — закричал Давид с такой поспешностью, что все замерли в изумлении. — Я знаю, что внутри... Не дай Бог, заключенный в сосуде Дух вселится в кого-либо из нас!.. Это приведет жертву к неминуемой гибели...

Юноши, сложив лопаты, молча ожидали распоряжений хозяина.

— Нужно срочно облить сосуд чистой водой, изолировав таким образом Дух, находящийся внутри.

Иван и Педро осторожно подняли при помощи спущенного Карлосом и Хосе каната сосуд на поверхность; Фернандо подтащил бачок с питьевой водой.

Тщательно вымыв поверхность находки, присутсвующие замерли в нерешительности, не зная, что теперь предпринять...

Затем заговорили вдруг все разом. Давид рассказал друзьям свой страшный сон.

После бурных споров, в конце концов, все-таки решили зарыть сосуд еще поглубже, вернув, таким образом, земле ее необычный клад.

3

— Вставай, Давид!.. Проспишь все на свете, — сеньора Изабель расталкивала сына, стягивая с него одеяло. — Вон уже друзья собираются — Педро, Иван... Умывайся, завтрак стынет.

Давид потянулся сладко, сбрасывая с себя остатки сна. Поднялся, посмотрел в окно — высоко стоит над садом майское солнце...

На душе легко так, радостно: сегодня — наконец-то! — приступает он к осуществлению своей мечты: постройке собственного дома.

Еще раз подивившись странному, повторившемуся дважды сну, натянул на себя футболку и потертые джинсы, вышел во двор к ожидавшим его друзьям.

ЗАБУДЬ МЕНЯ

Ser positivo
es luchar por lo gue gueremos.
Ester Akinin

Быть положительным — означает
бороться за то, что нам дорого. (С исп.).

Произошла эта история в Ленинграде, теперешнем Санкт-Петербурге, в России, много лет тому назад.

Поступил я тогда в лесотехническую академию на биологический факультет. В одной группе со мной учился совсем молоденький юноша, которому недавно исполнилось восемнадцать лет. Мороканец. По имени Карим.

Это был очень красивый студент — с длинными, до плеч, черными кудрями и огромными карими, выразительными глазами.

Толковый был юноша.

Помню, на математике учительница, сделав ему замечание за невнимательность, вызвала его к доске:

— Раз вы такой умный — встаньте на мое место...

И Карим встал и объяснил урок. А в конце сказал:

— У нас в школе сильной подготовка по математике была... Мы это уже проходили.

Карим хорошо владел русским языком, который выучил всего за год на подготовительном отделении. А еще был Карим — мечтателем. Хотел он видеть свою страну красивой; цветущей представлял пустыню Сахару; мечтал садами перекрыть наступление песков на города.

Чистая душа, детская наивность — не трудно себе представить, что пользовался парнишка авторитетом среди ребят и очень уж нравился нашим девушкам, порхавшим за ним стайками; каждая из поклонниц старалась обратить на себя внимание, завоевать его расположение и благосклонность, а то и добиться его любви.

Однажды поручили мне с Каримом подготовить в группе беседу о И.В. Мичурине. И отправились мы в читальный зал студенческой библиотеки. Заказав нужную нам литературу, уселись за длинный

стол. Карим оказался рядом с крепко сложенной рыжеволосой и длинноносой девчонкой с этаким озорным выражением голубых бездонных глаз.

Видимо, приглянулся Карим голубоглазой. Она так и мечет искры в его сторону. Старается, как бы незаметно, поближе придвинуться.

Я возьми да и пошути грубо: мол, ты бы ему еще и на колени села!

Смутилась девчонка, а Кариму жаль ее стало — взял и пригласил голубоглазую в кино. Обрадовалась, бестия — сказала, даже не взглянув в мою сторону:

— Галина... А вас как звать?

— Карим. Приятно познакомиться, — пожал, протянутую как-то по-мужски, руку девушки.

«Сразу видно — крестьянка,» — мелькнула мысль в моей голове.

Я даже не почувствовал себя оскорбленным со стороны этой рыжей.

И что ж — сходили они в кино. И только. Карим, по-моему, продолжать с ней какие-то отношения вовсе и не собирался. Не искал тогда любви Карим. Был очень молод, хотел учиться, был увлечен своей мечтой...

Неделю спустя отправились мы с Каримом на студенческую дискотеку, где в тот день, седьмого октября, помню, должен был состояться «Вечер, посвященный дню революции».

Сначала, сразу же после торжественной части, сгруппировались ребята в одном конце зала, девчонки же — стояли стайками в противоположном его краю, пересмеиваясь, поглядывая искоса на сильный пол. Но уже с первыми звуками студенческого оркестра начали группировки смешиваться, распадаясь на пары, растворяясь в тихой мелодии медленного вальса, несущегося с полуосвещенной сцены.

Карим пригласил на танец белокурую Любочку, старосту нашей группы; бережно взяв ее под руку, вывел на середину площадки... Легко плыли они по залу — замечательной оказались танцевальной парой. Весело смеялась Люба.

Я стоял в стороне, наблюдая: вальс мне никогда не нравился — танец девчонок! То ли дело — шейк!..

Когда аркестр закончил играть, Карим и Любочка подошли ко мне.

И тут произошло нечто неожиданное: вдруг, словно из-под земли, перед нами появилась Галина и обрушилась во всем своем гневе на Любу... Ох и досталось же нашей старосте от рыжеволосой толстухи — как только ни обзывала ее, как только ни ругала!.. А та — понять ничего не может: ни за что... ни почему... Кое-как мне удалось оттащить под любопытными вглядами окружающих разбушевавшуюся девушку в другой, противоположный угол.

Вернувшись к своим, с чувством выполненного долга, думал, что на этом инцидент исчерпан. Но не тут-то было! Наш народ не так легко сломать...

Буквально через несколько минут Галина снова оказалась возле нас. С высоко поднятой головой — вручила она ошалевшему от изумления Кариму какую-то бумажку и отошла от нас с видом победителя.

Карим прочел письмо и, видя, что я сгораю от любопытства, недоуменно протянул его мне. Прочитав послание Галины, я не мог унять охватившего меня веселья.

Следом рассмеялся и Карим.

Письмо гласило:

«Прощай.
Ты предал меня.
Не ожидала я от тебя подобной подлости.
Забудь мое имя и мой телефон: 242-66-54.
Не ищи меня по адресу: ул. Печатника Григорьева, 10—3.

Галина Баранова».

ПЕСТРАЯ ВОРОНА

Расскажу вам короткую историю из жизни моего дорогого родственника, дядюшки Федора, брата моего отца, Григория Семеновича Зубова, произведшую на меня в свое время огромное впечатление и открывшую мне, мальцу того времени, один из великих секретов жизни — наличие красоты, глубины и величия человеческой души, беспредельную и беззаветную любовь ее.

Был я еще мал тогда и никак не мог вразуметь своим детским умом, почему мой любимый дядюшка Федя, слывший первым красавцем на селе, будучи рослым, статным, до любых работ годным, очень веселым и ласковым, всем деревенским девицам любый, вдруг женился на самой страшной, даже уродливой, уверял бы я тогда, старой деве Прасковье Никифоровой. Всего восьми годами старше Федора, была она подобна какой-то сухой сгорбленной полустарухе с проседью в редких, собранных в малый пучок на затылке неопределенного цвета волосах, горбатым носом Бабы Яги, нависшим над потрескавшимися тонкими губами и маленьким острым подбородком, белесыми бровями и узкими бесцветными глазками; с постоянно опущенной, словно под тяжестью осознания своей уродливости головою. Даже прозвище ей дали — Пестрая Ворона.

Была она, надо признать, очень работящею: за что бы ни бралась — все у нее спорилось в руках. Дочь одного из хозяев, точнее, одного из самых богатых мужиков села, не была она ни лежебокой, ни неженкой — поднималась всегда засветло и шла, подвязавшись косынкою, с деревянной бадьей-доенкою, вместе с Аксиньей и Меланьей доить коров; в горячую же страду отправлялась вместе с другими женщинами на десятину жать серпами рожь да вязать снопы, лишь изредка останавливалась и разгибала спину, чтоб смахнуть со лба, оспинками обезображенного, крупные капли пота.

Наслышанный о пошатнувшихся делах моего дедушки, Семена Игнатьевича, преждевременно состарившегося под тяжестью грубого крестьянского труда и несшего какую-то ответственность пред многочисленною семьей его, состоявшей теперь из моей бабушки, Софьи Васильевны, дяди Феди и пяти незамужних моих тетушек, младшая из которых, Дашутка, была лишь четырьмя годками старше меня, вопреки чистоты моей детской души, неспособной примириться с такой несправедливой долей, выпавшей младшему брату отца моего, решил я, наконец-то, примириться с мыслью о его женитьбе, надеясь, что таким образом Федор Семенович сможет поправить дело — спасти семейство Зубовых от неминуемого разорения.

После свадьбы отделили молодую чету, и стал мой дядюшка Федя проживать с законной женою своей на большом дворе усадьбы

Матвея Никифорова в просторной избе, им отведенной, которая была пристроена к главной, и соединялась с ней узкими сенями. И работал он в конюшнях у хозяина, в конце господского двора расположенных, где вместе с конюхом Михайлычем, пожилым, широкоплечим мужчиной, глядели они за раскормленными, холеными лошадьми, застоявшимися в чисто вычищенных стойлах.

Долго потом не доводилось мне в то село наведаться, потерял я из виду моего родственника.

Из писем, редко оттуда приходивших, знали мы, что родились у него две дочери: старшую — Софией, младшую Аннушкой нарекли. Иногда из разговоров моих отца с матерью слыхал я, что боготворила моя тихая и смиренная тетушка Прасковья мужа своего, безропотно исполняла любую волю его; целыми днями в хозяйстве крутилась, дом свой очень исправно держала: ткала и пряла, хлеб пекла и за скотиной ходила — от зари до глубокой полуночи трудилася и лишь позднехонько, когда весь дом засыпал, при свете тусклой лампады горячо молилась, иногда со слезами читая молитвенник, и лишь за него с умиленьем просила Господа за мужа слово, Феденьку, да за дочек своих малых.

Время шло, рос и я; и вот по настоянию родителей моих оказался, наконец, в числе казенных воспитанников гимназии, где предстояло мне вдали от родимых батюшки и матушки учиться чистописанию, рисованию, математике, истории и географии, а также другим наукам.

Был я совешенно счастлив.

Учился прилежно, иногда развлекался с товарищами, посещая приличные дома, где под аханье и восхитительные восклицания присутствующих молодых барышень читали стихи наизусть, пили чай — словом, проводили весело воскресенье и праздничные дни.

Таким образом, я вообще не имел времени думать ни о дядюшке Федоре, ни об уродливой смиренной тетушке Прасковье, ни о моих младших двоюродных сестрицах.

После гимназии поступил я в университет и, только закончив его и получив аттестат, уже в марте 17-го незабываемого вернулся домой, чтобы посетить моих родителей перед отъездом на работу, доктором, в далекий уездный город, к великой радости застал гостившего там моего любимого друга Федю.

Рассказывал Федор Семенович, как воевал он на германском фронте, куда сослали его, забрав на службу солдатскую; как шли они под пулями неприятельскими; как многие из его товарищей погибли там преждевременной смертию, как лечили его, раненого, в военном госпитале, и ухаживали за ним милые и прелестные сестрички...

— Чего ж ты там не остался с одной из них? — шуткой перебил его рассказ сосед наш, Петрович, знавший Федора сызмальства.

Замолчал мой дядюшка, задумался, словно споткнувшись обо что-то неувиденное; словно не понимал вопроса заданного, и вдруг отозвался серьезно так, глядя в озорные глаза Петровича:

— Не-ет... Не положено... Куда ж я свою Ворону Пеструю-то? Зачем грех на душу брать?.. Бросаться счастьем не приучен. Постоянен я. Так-то.

ВОЛЬГА КАНАПАЦКАЯ

Мое отношение к жизни? Оно меняется с течением этой самой жизни.

Отношение к истории? Жалко, что все упирается в человеческую глупость, а в общем – я солидарна с М. Волошиным («Божий бич»).

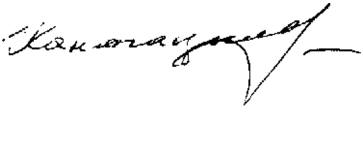
Отношение к человечеству? Мне более приятны животные. Свою национальность я определяю как славянка.

Что же касается поэзии, то я обязана это использовать, но не ради своих интересов – ведь это от Бога: я должна лишь зафиксировать и передать то, что слышу, но основное – минимум «отсебятины».

Вот и все.

Мечты? Крепкая, дружная и полная семья.

Любимые поэты? З. Гиппиус, И. Анненский, М. Цветаева, О. Хайям; из белорусских – А. Кулешов (его последние работы).



ДРЯННАЯ ДЕВЧОНКА

(Поэма-исповедь)

1. Вводное слово

Мысли, думы,
думы, мысли —
чужие
штампованные слова
постоянно летят на меня,
как на огонь мошкара;
от них голове достается —
одна,
вечно плотная,
не свободная,
оккупация...
Ах, голова,
не сходи с ума
хотя бы назло,
коль не для меня...

2. Бред тупика

Я сижу на стуле,
уже не трясусь от злости,
да и стары уж стали кости
от роду семнадцати лет.
И не реви мне на ухо, артист,
то, что не там спала.
Где было «там»
да и с кем —
не помню,
да и зачем?
Мечты б обновить,
но о чем иль о ком? —
забыла срам,
не помню дом...

«Лежу. Глаза закрыты. Поздно.
Пытаюсь встать, но это сложно.
Хочу курить. Нет сигарет — серьезно.
Лежу. В глазах — туман. Наверно, поздно».

Память, кто эти строки писал?
Я? Нет, ты врешь! Когда?
Что? На первой ступени к падению?
Знаешь, отдай их другому гению —
хотя бы тому, кто диктовал.
Что? Он меня еще не догнал?
Но писано ж только в прошлом году!
— А отнесено в прошлую жизнь свою!

Трезвость. До чего же мерзкая штука.
Совесть. Только не ты!
Сама знаю, что дрянь,
но хоть ты помолчи!
Спирта мне! Спирта!
Зачем? — Топить подругу,
хотя б до утра:
трезвость — пока,
свинство — входи...

3. Немного пошлости

— Эй, бармен, несите спирту!
Сколько?.. Я — русская: значит — без меры.
— Девка! По чем?
— Тебе не взять!
— Врешь!.. Смотри!
— Good. Деньги — вперед.
— О'К. Держи.
— Иду. Бармен, добавь,
но градус не ставь.
Лежим...

Не первые эти губы,
которые я ласкаю.

Не первые эти руки,
что меня хватают.
Губы... В них что-то похожее
на те, что вчера.
Да, и немного от тех,
что назад часа два.
Лишь «достоинство» —
грубее более,
а может —
это специфика?
А мне, что за дело?
Деньги — вперед...
И туда-сюда.

Все, как обычно,
но не привычно,
хотя и отлично —
если верить клиенту,
все вышло...
Какое свинство.

Когда же закончится?!.
Мерзость — за мерзостью...

4. Первый набросок «правильной жизни»

Дрянная девчонка —
дрянная судьба
(и зачем только мать
на «свет» родила?).
Дрянная девчонка —
иду неспеша,
обгоняю бабульку
да два ее костыля.
— Позвольте помочь?
— Ничего, что воняю?

Помогла ей подняться
по лестнице вверх,

но что тут случилось! —
как ты дик, человек!
Бабулька сначала
проверила сумку,
да так озиралась,
чтоб я не ушла.
Когда ж успокоила
нервы свои,
слезы откуда-то
у нее потекли.
Обнимашки,
причитания,
слезы
(что за кисло-милая рожа!),
что даже захотелось
побыстрее уйти:
тоже ведь — мерзость —
за такую мелочь,
как подвести,
до такой кондиции,
как истерия,
себя довести...

А может, я зря
на бабульку-то так?
А может, старушка отвыкла,
что мелочь —
за так?..

5. Второй набросок «правильной жизни»

Дальше иду,
не спешу.
Да и спешить-то
куда?
Ведь я в этом смысле
улитка —

дом мой
со мною всегда,
поскольку Земля велика.
Захожу в какое-то здание.
Попадаю на чье-то собрание.
Со сцены, где народу толпа,
слышатся разнородные голоса,
но все об одном:
— Я за год заработал около ста
(о долларах, наверное,
ведь тут, вроде бы, все
интеллигентные),
но я только начал.
— А я — так сразу около штуки,
да при этом без хитрой науки!
— А я — миллион...
(И каждый своего аппонента
в угол заткнуть старался
тем, что больше нахапал.)
А в зале в это время,
по мере увеличения пени,
люди впадали в экстаз.
Я же — ушла,
поскольку,
так мало
не стою.

6. Пьяненькое признание

Д...

Тебе, живущему во мне,
пишу очередное
письмо новое.
Тебе ведь ведомо о чем.
Что, скажешь
снова не при чем?

Налей,
не жмись,
давай за жизнь
поговорим
любовным бредом.
И снова —
штампованные мысли
(и пусть не все со смыслом,
зато есть рифма).

Курю
сигарету за сигаретой,
но тяги ни к одной
нету.
Курю
и надеюсь,
что по Эйнштейну,
где-то в сем безумном
мире,
в у кого-то снятой
квартире
куришь и ты,
вероятно,
параллельно со мной.
И это приятно,
но не понятно —
зачем это мне,
для кого
и на кой?..
Невероятно!
А может...

Любовь — бездумие.
Объект — тем более
(нельзя же так любить
родню однополую!)

Ты, который во мне
(наверное, совесть)
советов даешь
Тьму-Таракань —
да еще одну полость...
Но наш разговор
на мотив «Кумпарсит»
звучит приблизительно так:
— Ты говоришь мне: «Кумпарсита».
Сыграй мне танго «Кумпарсита»!
Я ж отвечаю: — Отцепись ты
и дай послушать танго.

«Кто летал, тому бояться нечего.
Кто летал, тот с заданием справился —
космонавтам такое нравится»...
«Глюки-1» по «Столице-2» бегают,
забегают в голову мою бедную,
а оттуда их никак не вытряхнуть,
а оттуда их ничем не вытравить,
разве только...—
закади, закади
ладаном твоих сигарет
меня.
Кощунство такое, скажешь, —
рядом ладан и курево
ставить, —
знаю.
И страх меня обуяет
обнимет и снова оставит.

Пью и дурею
с каждой чаркою.
Пью и наглею,
делаю глупости

(ты — мне отравою,
но об этом молчу,
хотя закричать
обо всем хочу,
но в мыслях —
...молчу).
И вновь у тебя
прощенья прошу,
и дрянью себя ощущаю,
и чувства (как струны)
держу.
«За звезду — полжизни,
за луну — свободу;
я целую небо,
а оно — льет воду».

Господи Боже!
Избави
от чувства такого к ней,
да к иному полу
направи
помыслы сути моей.
Однако же —
стой!
И на ней покинь
отколосок
страсти огромной
такой.
Покой!

Ну, так начнись хоть реконкистой
да продолжайся в вальсе быстром,
ну, а потом, please4, отцепись ты
и дай послушать танго.

7. Вместо заключения

Дождь, дождь,
не стучи по крышам.

Дождь, дождь,
ты здесь, вроде, лишний.

Дождь, дождь,
все испортил планы.
Дождь, дождь,
ты такой поганый.
Дождь, дождь,
зарядил надолго.
Дождь... Дождь
тут за слезы Бога.

Дождь,
зареву с тобою.
Дождь,
лей хотя б спокойно.
Дождь,
подружись со мною.
Дождь,
гнев мой смой водою.
Дождь,
радуга с тобою!
Дождь,
за меня, что ль, плачат?
Дождь,
заживу иначе.
Дождь —
радугою к Богу?
Дождь —
в храм через дорогу?

Храм.
Тишина громогласно
поет «Алилуйя».
Храм.
С духом согласно
под своды иду я.
Вошла.

Преклонить бы колени,
да народу тьма.
Ком в горле стал,
да слеза не пошла.
Народ прибывает,
молитвою
тишине подпевает,
бродит.

А я стою,
словно столб пограничный;
чувствую себя не совсем отлично —
домой не иду,
свечу тереблю,
смятенье терплю.
Знаю:
к аналою —
ни ногою
вплотную
не подойду,
хоть там и красиво,
но не учтиво
с моей стороны
туда приближаться,
когда бы то ни было.

Нос учуял кадило.
Душу всю дрожью побило.
«Символ» запели согласно,
слова вспоминаю не ясно:
«Верую...
Чаю...»
Звон...

Звон
наструнил всю душу.
Звон
проник во все уши.

Звон —
пробуждение Миру.
Звон,
звучи во всю силу!

А МУЗЫКА ИГРАЛА ОДИНОКО...

Д-не Оленец

Собака спал, устав просить подачки,
и молча лаял в никуда-свои:
деревня ветхая и нет чужих.
А население все, собравшись в купе,
с утра бродило в поисках любви:
бутылки спирта — их ключа судьбы.

А музыка играла одиноко,
певец к чему-то призывал;
старинный дом стоял убого,
природу чудную им Бог послал
и в предки людям тем героев дал;
но музыка звучала одиноко,
и пьяный мат ее перекричал...

ОЖИДАНИЕ

Звук. Ожидание. Нервы.
В голове одна мысль:
ты — не первый.
Звук. Ожидание. Строгость.
Наэлектризованная
безысходность.
Ожидание. Нервы. Звук.
Со звуком натянулись
сотни мук...
Звук, поиск его значения —
в путь? назад?..
Опять сомнения.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СУДЬБА

А. Герман

Человеческая судьба —
это не сказка
и не сон.
Это — обычный день
в цвете преимущественно сером.
Человеческая судьба —
полна тяжелого труда
под маской «жизнь»;
а ты — просто иди
и держись.
Иди с улыбкой на лице,
не жди от жизни счастья
ты в подарке.
Человеческая судьба —
поиск рая в темноте,
счастья поиск в суете
с помощью драки...

«БЕЛЫМ» В 1917-М

Плечом — к плечу,
висок — к виску
из нас тогда был с вами
кто-то,
когда не думали, что в нас
пальнут в спину из пулемета.
И кто стрелял?..
То были те, кого взрастили сами,
кому, все лучшее храня,
себя порою забывали.
Но, видимо, не все
ученье наше
не находило отклик в них:

не зря ж, ведь,
целясь в нас же,
они пальнули,
зренье притупив...

ПОЛЕТАЕМ?..

По дереву — к небу,
по воздуху — к звездам,
водою — к истоку,
единому с Летой.
Со звуком — в пространство,
развеяться с пылью,
познать бесконечность...
Вернуться на Землю?
Вот так и летал бы,
свободно, беспечно —
однако жизнь тянет
на Землю извечно.

СЛОВО О ДРУЖБЕ

Если искать стану друга
ближе и лучше себя,
выйду во двор —
и собака
будет подруга моя.

Если искать буду друга
чище и лучше себя,
в себя загляну —
и подругой
будет душа для меня.

Если искать друга буду —
как бы навечно, тогда

к человеку обратиться забуду
с ним редко дружба крепка.

* * *

Человек — титан и муравей;
человек — грех-тело и душа;
человек — люби и верь;
человек — свет и темнота;
человек — вопрос и тишина...

ЦЕПОЧКА

Люди — судьбы.
Судьбы — книги.
Книги — буквы.
Буквы — слоги.
Слоги — звуки.
Звуки — вечность.
Вечность — время —
бесконечность.

ДЗЯНІС КАНДРАЦЬЕЎ

Паважаны чытач, лоўчы бясконцых чалавечых думак, пачуццяў!

Ты трымаеш маё вока на стварэнне ўласнай рэчаіснасці. Гэта форма, якая мае ўласны змест, нават калі яна адлюстроўвае зусім розныя рэчы. Форма, як ісціна, якую кожны ўспрымае са свайго месца, месца, на якім ніколі не будзе іншы.

Ствараць сваю ўласную форму, ісці побач з ёй, змяняючы кожны крок яе сутнасці — маё жыццё.

НИКТО

Никто и не желал
И незачем
По поводу банального напитка
Решать дыхание пускать
На самотек,
Или стараться снова
Вдохнуть в глаза те звуки:
Особо низкие —
От forte до piano,
Спускаться до подножия.
У ног,
Как будто бы спокойно.
А перила, через которые
Обычный перегиб
Не унесет по водному
Течению реки,
Спускаемую солнцем тень,
Стоят себе.
Кто видел плавные движения
И грязь — давно забыл о мыслях:
Там их нет, где хочется уснуть
И не идти
На откуп попечителем родных.
Свобода понимать твои мотивы,
Соседнее небесное звено,
Не то, чтобы в бриллиантовой
Оправе, но захотелось бросить
На траву
И мимо, не оглядываясь, — мимо
Всего, что может причинить
Нам боль. Пока ты дышишь,
И идешь за мной:
Мне кажется, в тебе
Я не нуждаюсь
И никогда собой не назову.

БЕЛАЯ СТРАНА

Как простынь постелить
Соленых ниток, изогнутых
Началом тонких век,
Так тает под ладонями и снег,
Когда пытаешься лицом земли
Коснуться, вернуться
И вернуть былого бег,
Во времени, пространстве.
Эльдорадо — страна из блеска.
Белая страна — не ясно из чего,
Но под ногами ее одну желание понять.
Почувствовать, возделывая,
Корни родных пеньков,
И собственного хлеба
Узнать тепло. Когда закончен
Труд, упасть в траву и видеть
Звезды, их тоску по взгляду,
И знать, что дома,
Где живым живу.

ЧЕРНЫЙ МАК

Черный мак
На моем перегное
Не цветет,
Улыбается мне,
Будто сквозь
И не видит покоя.
Я
Умалчиваю обо мне.

Берегу до минуты походку.
Укажи мне дорогу назад
Ради лишнего,
Я не теряюсь
В помрачении рвать
Твой мак.

В голове бьет набат.
Ломает.
Ночь
Становится теплым сном.
Черный мак, мне казалось,
Играет
На молчании
Летний гром.

Мне казалось,
Играет на лютне
Застывающий воск метро
Полуночного — ехать
Нетрудно,
Когда времени нет
И одно:

Черный мак пробивает ладони
И бетонной квартиры мешок.
Пробивает на мысли о доме,
Заглушая безумия ток.
Окружение.
Цвет не обманчив — он таков.
Обоняния срез:
Перечислит вам тысячу тактов
И тональностей.
Запах — есть!

Черный мак —
Нежный шепот улыбок,
Поминания прошлых.
Нет!
И о будущем *хочет!*
Мысли, направляя
По кромкам век,

Опускаться на дно — вершину
Ожидания.
Сильный — слаб.
Ты расцвел,
Не заметив могилу,
Воскрешения черный маг.

THE LOST

Теряю дух сочувствия и боль,
Которой признак дарит теплый
Тон понятия и запаха, и цвета,
Ведущего на смерть мирского
Дна.
Его не вижу, впрочем, как и
Света.
Я — для него далек, он — для меня.
И этим мы близки.

Спокойно воздух
Ты в легкие не тянешь.
Тишину созвездий,
Заплетающих язык.
Бессилием пропеть им их
Пролог
Для будущего, сказочного лета:
Расцвета бесконечного тепла.
Ты только душишь мощью
Обстоятельств
Всего, что движется,
Всего, что хочет есть.
Мою раздвоенность,
Мое непостоянство.

Мне кажется — я больше
Не усну
И в этом — продолжение меня…

Я — ПУСТОТА

Отходит постепенно поводырь
Во внутреннем.
Движение — удар.
И хочется опять уйти на дно,
И плакать о судьбе и неумении
Себя реализовывать.
Вокруг — среда, в которой
Неизвестен метод:
Быть через
Формальность серого…
Я — так.
  Я — тень.
            Я — пустота.

ВОПРОС

Скажи мне: почему все —
Пустота?
Без правил, без привычного
Для света тепла и нагота сует
Желает открывать
Все новые миры.
— Нам нужно жить! —
Сказали человеческие лица.
Формальности всего
На всем и вся.
Отметина на теле. Нагота.
Я — хищник.
Я — охотник за темницей
Для, собственно,
Бесплодного ума.
Любого моего ума,
Которое желаете. Напиться?
Вопрос не повстречает
Свой ответ.

Все льется самотеком
По перстам. Открыт сосуд.
Живая льется влага,
Что, впрочем, мило: в туфли,
По ногам. Я выше мнений,
Но они во мне, что надо мною
Тысячи из камня, похожие на
Блоки наших сот и давят
Через слезы больно. *Боль*
На самом деле льется через
Спицы натянутых по кругу
Слов. Слова и все-таки живут,
И все-таки желают на бумаге
Добиться проявления тепла.

ОТВЕТ

Ответом на вопрос
Послужат знаки и символы
Темнеющей.
Ей дом
Не кажется спокойным телом.
Стены, для отражающих
Все вещи, ходуном
По мыслям переносят
Злые махи: стекло,
Холодный пот, бетонный стон.
В тон дикому стремлению
На пол: лежать, не отвечать,
Не видеть. Вот…
И в чресла расслабления
И в душу, и за окном,
Возможно, ветер запоет
О новом приближении
Безумства —
О *Жизни.*

* * *

Я знаю странный ребус слов,
В котором проиграю.
Дайте имя
Для сына, и когда
Его не будет, время укажи
Мое движенье в бок
И по кустарнику,
Цепляясь за репей,
Сшибая кочки,
По мху в болото
С Богом говорить
На звуках, через жадный
Пузырек
Никак не отпускающего
Воздух из теплого покоя.
Тела нет.
И нечем возражать на каждый
День, что непременно будет
Ночью дождь,
И дочерей не будет для
Посева как будто бы
Всеобщего добра.
На самом деле
Больше не бывает отдельного
Оттенка — все едино:
И мой зрачок, и лампа
На столе,
С давно перегоревшим
Волоском...
О чем та думала,
Пока была жива?

* * *

Не сплю, но вижу сны,
Когда меж рук моих

Рекою будешь жечь
Глубинами
Покоя-беспокойства
Давно забытые
Глазами уголки
Под слоем плоти.
Оживает ток
И новое неведомое
Свойство
Дыхание седого серебра,
Окутывает шею
И глаза
Желают прикасаться
До
Реки.

СЛОВО

По ложному пути
Ни тяжести, ни лени видеть
Светлый обод
Терпения ответ, что не в тебе,
А около — из внутренних
Вещей, самих в себе,
Струится серебро, а у тебя
По стенкам мягких ребер
Голодный топот...
Тонкий переплет — я помню
Этот folio in quarto
Под тяжестью стопы был
Перетерт.
Стопа неведомых причин
И линий карта
С ладоней
Ничего не говорит и этим
Вызывает «тяжело» — пусть
Слово, но оно теперь живет

И кажется
Довольно глубоко.

МЫСЛЬ

Ответа нет и по рукам
От пустоты, казавшего себя
Таким невинным,
Раздувая вены и в судорогах,
Будто бы купая, летят,
Вот только созданные, знаки
К ожидавшим видеть их губам.

Немая песня льется с этих губ.
За каждым звуком
Будто умирая, рождение миров
Из лопастей соединений
В центробежной силе
На каждый край по выдумке
Вселенной...

И этого никак не существует.

* * *

Солнцу дожди не мешают
Двигаться через ресницы,
Чтобы коснуться меня.

В доме костер зажигают,
Чтобы потом мокрицы,
Слезы в земле собирая,
Не замечали дня.

Ветер губные волны
Перетасует на мысли,
Чтобы коснуться меня.

Время находит склоны,
Чтобы я мог разбиться.
Камни находят волны,
Чтобы спасти меня.

* * *

Губы — то, что тянет силу,
Верх руками обнимая,
Добавляя дну, где илу
Много — каменного рая.

Топит рябью. Тело — шорох.
Влагу пальцам. Воздух стано
ВЛЕНИЕ пустого — порох...
Взрыва нет, но постоянно

Жажда красного потока.
Ток вина — не слабость боли.
Нет напрасного урока.
Нет ненужного для доли.

* * *

Жар намечен посреди
Жил из каменного пада
Растворимого в груди.

Сок томатный не в крови
Тело темень — звезд ограда
Мне награда впереди.

Будет ласковое, камень
Раскаленный небом пламень
Плотоядное: смотри,

Ты вошел и не дал. Душу
Растревожил шагом. Тушу
Представляешь. Прогори

Ты со всем, насквозь и навзничь
Упади, поди, не знаешь
Некому тебя найти...

За тобою тень Таната
Рушит грады звукоряда
И спасителя пути.

Эталон, послушных плоти.
На журнальном развороте
Хочешь вычитать уют.

Не находишь и отходишь,
Наблюдая, как родное
Тело в землю закуют.

* * *

Всё тишина вокруг.
Все светлые.
Всё любят.
Все веруют, что будут без
Греха.
А это — гордость, искушение
И мякоть,
Разбухшего земного пузырька.
Где лицедеи, мельницы и воды
Движение по скользкому.
Я пас: игра на раздевание
Природного.
И так все видно. Каждого
Из нас.

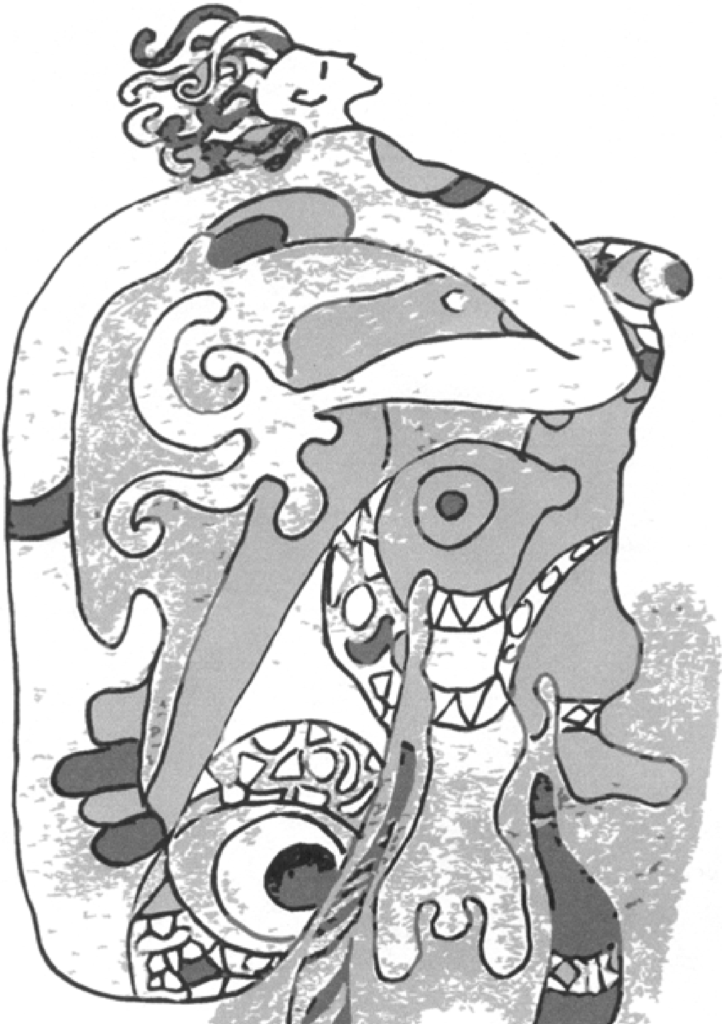
Не нужно просвещать.
Верните идолов.
Ландшафт всегда был
Выстроен под рай.
Типичная манера
Видеть видимость,
За добрый смех
Воспринимая лай.

ТАКАЯ ВЕРА

Все вечно в состоянии:
Покой и беспорядок,
Нарушение во взгляде
На вещи и людей,
Бесповоротных рвотными
Словами, непонимающих
«Зачем», но обретающих
В слиянии значение, что
Хорошо быть целым
И идти, туда, куда погонят
Пастухи. Из коих каждый
Говорит: — Я добрый пастырь.
И уныние ест снег.
Так есть.
И обнажаются следы.
Так будет без конца.
…Такая вера.

ОТТОРЖЕНИЕ

Единственное лето между губ
Заиндевело. Хочется покоя.
Немое отрешение — слова
Не значат ничего помимо
Правды, поэтому ведут ко мне
Тоску, как под венец:



(Д. Кандрацьеў «Творца»)

— Венчайся!
Это все. Еще один порог.
Река и камень, и горный склон
И небо, и ущелье — алмазный
Многогранник, секущий жизнь
Не хуже, чем стекло.
Ей хочется скорее овдоветь.
Слепая речь, — творит, чего
Не знает. И тайна сотворения
В слезах, на почве щек
Неосмотрительно цветет.

* * *

Может, мне нечего сказать?
Но я рад, что у меня есть мои
Мысли: худые, бедные,
Блестящие,
Бьющие наотмашь, белые и
Черные,
И прочие — в различных
Тональностях, желающие,
Чтобы их надкусили,
Пустили им сок,
Наслаждались бы их
Истечением
И ароматом.
Кто еще не утратил
Обоняния мысленного потока,
Почувствует его изломы,
Впадины
И подъемы — пики
Вдохновенного
Творения нового мира.
Может,
Мне нечего сказать,

Но я рад,
Что у меня есть мои мысли.
И,
Прикасаясь головой к голове
Близкого мне человека,
Пересекая жизненный поток,
Струящийся из глаз,
Направляю его через центр
Соприкосновения…
Вы
Когда-нибудь видели лицо,
Движение инородной массы —
Мысли о вас?
Сокрытая истина
Под оболочкой
Внешних
Окаменелостей.

* * *

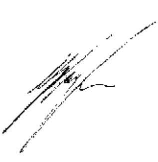
Много дней сложение
Теплого под веки и в углах
Темного в начале сущности
Ума
Мраморные тени на руках
Распускают белые цвета
И ответ теряется в ступнях,
Утонувших в теплом молоке
Из
серебра.

ІГАР КЛЕПІКАЎ

Люблю — раніцу панядзелка, сярэдзіну трайня, вечар пятніцы... Не люблю — абыякавасць, няшчырасць, нахабства, зайчаснасць і запозненасць, няспраўджаныя абяцанні...

Люблю — усмешку сына, лістападаўскія дажджы, моцную гарачую каву з цукрам, самоту другой гадзіны ночы... Не люблю — замаразкі ў верасні й слоту пад Новы год, прадказальна простыя рашэнні й пыл у паштовай скрынцы...

Люблю — музыку. Не толькі ў гуках і літарах...



ЛЮСТРАНЫЯ АКУЛЯРЫ

Неба нясцерпны блакіт пячэ,
пяліцца пільна ў стому вачэй,
ад нуды невымернай шчыруе,
свідруе,
спрабуе
дабрацца да сутнасці з’явы,
але люстраное шкло акуляраў
надзейнай заслонай стаіць перад ім,
і неба блакіт застаецца ні з чым,
як слёзы паразы
пакінуўшы пот на ілбе...
Што ж за шклом?
Чалавек у сабе...

СТО ГАДОЎ ТАМУ...

Я не ведаю, што там было —
сто гадоў да майго нараджэння,
між тады яшчэ цэлых муроў,
між яшчэ не адбеленых ценяў.

Можа, вершы сплятаў паэт
у вянок, што ніколі не звяне,
апяваючы сілуэт
прыгажуні, што знікла ў тумане.

Можа, грукаў салдацкі бот,
рассыпаючы пыркі рэха,
і схаваны пад берагам грот
вечар бавіў дзявочым смехам.

Можа, дождж паглынаў кожны гук,
і знікалі й вершы, і крокі,
нават дотык пяшчотных рук...
І з усходу плылі аблокі.

І пакуль мяне не было,
і чаго не было — прайшло...

* * *

Ці будзеце Вы сумаваць
па мне,
калі я ачуняю
ад доўгай і цяжкай хваробы кахання
да Вас?
Не трэба спяшацца з адказам —
пакуль
не адшуканы нікім
бяспечны заменнік для балансавання
над гэтым лязом...

БЕЛЫЯ ДАХІ

Белыя дахі...
Нібыта
жыццё пачалося спачатку.
Дахі...
Чыстая дошка для неба,
якое
вечнасць за вечнасцю піша
сонцам, дажджом і ветрам...
А потым —
забельвае снегам...

* * *

Цішыня...
Паўзабытая мара.
Толькі — шум,
толькі — тлум,
толькі — хмары...

Хрусткі снег,
ціхі смех
маразоў...
Вецер твары шліхтуе лязом,
крышталізуючы пару,
выціскае слязу за слязой,
трансфармуючы мару ў хмару,
фар святло ды віск тармазоў...
Апусцелыя вуліцы горада,
як лагічныя вынікі дня...
Толькі гэта — не цішыня:
штосьці яшчэ звініць,
трашчыць,
гудзе...
З невынішчальным шолахам
жыццё (?)
ідзе (?)...
Цішыня...
Немагчымая мара —
на забытых спакоем абшарах.

31 СТУДЗЕНЯ

Халодныя
шэра-белыя гмахі
зліваюцца колерам
з небам.
Хворы свет на зіму.
Выпала гораду
пакутлівая агонія —
пазірае на сонца
праз мутнае шкло —
бутэлек і вокнаў, —
з якога
ніхто не адмые аблокі.
Хрупаюць,
хлюпаюць крокі...
Хтосьці гукае вясну,
ды не чуваць за ветрам...

Перамецены шлях
на 102-м кіламетры.

ШЭРЫ ДЗЕНЬ

Шэры дзень.
І пустыя кішэні.
Зноў адліга.
І чорны асфальт
выглядае з-пад снегу.
І нечыя цені
перад белаю рысай
камандуюць «хальт!»
Шэры дзень.
І аглухлае рэха
безнадзейна
махае рукой.
А да мэты —
далей, чым да лета.
Трэба ехаць
...шукаць спакой?

ТВОЙ ПОДЫХ

Твой подых мне дорыць мелодыю,
якая станецца песняй,
калі адшукаю словы...
Але ён такі няўлоўны —
твой подых...
Нібыта
цябе немагчыма акрэсліць
застыгласцю літар...

ТЫ — ПОБАЧ

Ты — побач,
і нават не хочацца помніць,

што шчасце
так рэдка здараецца доўгім.
Ты — побач.
Хай доўжыцца гэта імгненне
ці лепей —
хай вернецца потым,
і не аднойчы.
Ты — побач,
і болей нічога не трэба:
ні словаў,
ні рухаў...
Мне дастаткова
ведаць:
ты — побач.

* * *

Нядзеля.
Апоўдні.
Паранены снег.
Туман...
І будынкі —
амаль што прывіды.
І рысачкі-людзі
паволі плывуць
па лініях лужын...
І там, за акном,
нібыта графіці —
вуголлем па шэрай сцяне...
А хтосьці насупраць
у цьмяным пакоі
амаль гэтаксама
малюе мяне.

* * *

На падпаленым снезе — след.
Цьмянай плямай, нібы партрэт

дня, што ўчора яшчэ сышоў,
бо чагосьці ў нас не знайшоў...
Намі вельмі расчараваны,
ён згарэў па дарозе ў нірвану.
І ад дня, што быў змарнаваны,
толькі лічбы ў календары.
Зноў сцямнела...
Ліхтар (не) гарыць.

ПАДЗЕННЕ Ў РАЙ

З вадаспадам тваіх валасоў
я ападаю ўніз,
быццам кляновы ліст
апошнім восеньскім днём...
Ліст, ты ляціш да зямлі.
Твой канчаецца шлях, бывай.
Я ж з іншай нагоды хачу не вярнуцца —
я ападаю ў рай...

АДНА ХВІЛІНА НОЧЫ

На гадзінніку — 0:25.
Рэжа горад апошні тралейбус,
і пад скаргі рысораў не спяць
цень кіроўцы ды вецер-бэйбус.
Кветкі вокнаў, нязгасных дзесь,
грэюць позірк нібыта зоркі...
Ночы смак — нечакана горкі.
На гадзінніку — 0:26...

* * *

Скасаванае лета
касым халодным дажджом...
А здавалася ж — ліпень.

І ўсяго толькі ранкам ішлі мы
па перагрэтым асфальце
пад гукі
з кавярні насупраць
блатнога шансона...
А ты злавала
на дарэмнасць свайго парасона.

* * *

А дрэвы таксама
ўмеюць лятаць,
як птушкі...
Зірні праз акно вагона —
за часам доўгіх, як ноч, перагонаў, —
што пралятае ў святле ліхтароў самотных?
Бачыш — крылы
ялінаў і соснаў...

* * *

Той шчаслівы,
каму не трэба,
каб любіць Беларусь,
з’язджаць
з краіны — ці проста з глузду...

DEPRESSIVA

За каваю нібыта палягчэла...
Хапіла нечакана нават моцы
ўсцягнуць на твар ад ранку звыклы выраз —
чужую камуфляжную пасмешку.
Зашкаленыя стрэлкі выйшлі вонкі
і цішыня аслеплых цыферблатаў
пяе кратам пра ліпеньскае сонца.

А нечы голас (можа, галасы?)
казыча шэптам хваляў валасы,
даводзіць, што не трэба хваляваццa
і сэнс шукаць — бо лёгка ашукацца.
Аблокі за акном — нібыта дым
мінулым летам згаслай цыгарэты.
І на пялёстках — варыянты мэты,
схаваныя ў гербарыі ні з чым...
І гэты доўгі, вельмі доўгі шэры дзень...
І белы цень...

* * *

Восень,
якая прыносіць надзею,
што ўвесну
крыху пацяплее...

Восень,
якая збірае ўліковыя карткі
жоўтага лісця
ў алеях і парках...

Восень,
якая ў маіх успамінах
ціха здымае падводныя міны...

Ратуе мяне
ад летняе стомы...
Рыхтуе мяне
да зімы незнаёмай...
Шліхтуе аблокамі чыстую просінь...

Восень...

* * *

Шкада, што мы не ўмеем захаваць
у памяці шчаслівыя імгненні —

усе, што мы сумелі адшукаць...
Бо не заўжды ў бяспамяцтве — збавенне.

Шкада, што немагчыма паўтарыць
імгненні найвышэйшай асалоды.
Іх не вярнуць... А значыць, трэба жыць
далей, не выбіраючы нагоды.

Шкада, нам не застацца на зямлі
іначай, як у памяці нашчадкаў.
Калі ж яны забудуць, што былі...
Мы — вернемся. І станем жыць спачатку.

АЛЕНА КОТАВА

Не згубіць магчымасць здзіўляцца Сусвету над галавой і першаму веснавому лісту, каханню і пачуццю еднасці з людзьмі, залацістым стажкам у полі й лёту ластаўкі над дарогай — каб мець магчымасць здзівіць чытача.

Нашмат лягчэй існаваць у гэтым свеце, калі маеш дзіўную магчымасць — сябраваць са словамі, рабіць з імі цуды, паварочваць у розныя бакі. І тады, як у калейдаскопе, складаецца вывераная канструкцыя, каляровая гармонія гукапісу. У гэтым — бязмежжа Сусвету і рэальнасць залатых каласоў у паліваным збанку на маім стале.

* * *

Бялявыя німфы жытнёвых палёў,
славянскія панны, паўночныя кветкі.
Палын-паланянкі калядных снягоў.
Сінеюць валошкі на жоўтых палетках.
Сінеча валошак — бяздонне вачэй.
Адценні лугоў і вясновага лісця,
пяшчота, таемная цьмянасць начэй
у гэтых вачах палачанскіх сышліся.

Бялявыя німфы жытнёвых палёў.
Сінонімы — Вера, Надзея, Любоў.

АБ ВЕЧНЫМ

Кляновы ліст на шэрым камяні
сімвалізуе існасць і імгненне.
Лістоў і кветак лічаныя дні
вянчаюць вечнасць шэрага камення.

* * *

Праваслаўная святыня
ціха спіць у паўзмроку.
Ліст апошні на асіне.
Зроку — цьмяна. Ані кроку.

У ваколіцы Заслаў'я
крумкачы ўзняліся ў неба.
Боскі храм. Асіна — справа
бледным ценем князя Глеба.

* * *

Уздоўж закляклых каляін
люстэркі лужын моляць неба

падараваць блакіту клін,
бы жабракі — кавалак хлеба.

МЁД

(Трыпціх)

1

Вецер. Фортак усхліп.
Прадзіва завірух.
Мёд залатых ліп.
Кубка гарачы круг.

Рукі. Кран ліе
свой ласкавы каскад.
Грошы — на стале.
Сумка. У футры рука.

Раніца. Трэба ісці.
Ліфт пераняты. Дарма.
Добры парог, пусці.
Праца! Выходжу. Зіма...

Холад доўгіх снягоў.
Вокнаў бадзёры свет.
Будні. На працу — дамоў.
Вечнае. След — у след.

Скроняў срэбны тон.
Гмахаў уяўны сон.
Гэта ужо закон —
транспарт не відзён.

Вечар. Гарбата, сыр,
хлеб. Ды голас — асіп.

Летні салодкі пір —
мёд залатых ліп.

2

Сядзе пляменнік за стол.
З вёскі. У тлум гарадскі —
пасля хацін ды стадол.
Сціплы, ціхмяны такі.

— Хто там замуж пайшоў?
Як там, галоўнае, дзед?
Як — перазімак пчол?
Ці адужаў сусед?

Як сваякі, сястра?
Еш! Бо і чай ачах.
Шчырых адказаў пара.
Роспыты. Сум у вачах.

У залацістым шкле —
мёд. Але, Божа ж мой,
торт, як пан, на стале!
Рэдкі ласунак той.

Ціхі пляменнік есць
з кавай — квяцісты торт.
І некрануты ўвесь
той залацісты мёд.
3
Хата. Згасае дзень.
Чайнік — на пліце.
Бацька стары ідзе.
Вуллі ў садзе. Мяце...

Рэзкі сабачы брэх.
Прадзіва завірух.
Тутака, як на грэх,
засаўка збіта. Грук!

Ліха — у дошкі дзвярэй.
Быццам — зырк! — у акно...
Вецер, не ліхадзей!
Падалося адно...

Цёмна ўжо, як знарок.
Неяк позна паліць.
Трэба — хлеба, мядок,
ды — гарбаты наліць.

* * *

На мяжы небакраю
травы збавення збіраю,
ліха-бяду адхіляю
і, як заклён, прамаўляю:
«Дзякуй, мой Божа мілы,
што даў мне белыя крылы.
Дзякуй, мой Божа высокі,
што даў мне жывыя вытокі,
каб не спачыць у знямозе
на палыновай дарозе».

ПРАДВЕСНЕ

Магія завеі
вербы ахінае.
Прадзіва надзеі
віцца пачынае.

Часам за снягамі
не відаць парога.
Вербы са стагамі
выйшлі на дарогу.

Важкае бярэмя
ягадай-лістамі

прадчувае семя
за сямю снягамі.

Гараваць у лютым
мала застаецца.
Лютаваць у горы
зімцы давядзецца.

Светлыя падзеі
сэрца адчувае.
Прадзіва надзеі
віцца пачынае.

* * *

Недзе дзынькае шкло.
Углядаецца ў вочы
дагарэлае тло
лістападаўскай ночы.
Неспатольны напеў
на зялёным абшары
адгучаў, адзвінеў
жоўтакрылым пажарам.
Перадзімак. Нуда
на каляных аблогах.
Тонкі покрыў ільда
на вадзе пры дарогах.
Поўня пэўна сышла
непрывечаным госцем.
Крохкі выраб са шкла
нехта кінуў са злосцю.

СНЫ

Як птушка весняя, як песня:
адвольна, лёгка, несупынна

плыве мой позірк напрадвесні
над каляроваю карцінай.
На той нясканчанай карціне
кармінам, залацістай вохрай,
і фарбай колеру бурштыну,
і цёмна-шэрай, быццам мокрай —
квадраты, ромбы... Разумею,
што гэтак хістка і стракатa
расквечана і крамянее,
плыве пад колам верхагляду!
Дарадца — дар усведамлення,
давёў да сэнсу сну стыхію,
бы плямы колераў асенніх
пад крыллем — дахі гарадскія.
Давайма заспяваем, дахі,
увесну — восеньскую песню!
Пакінем стомленасць: узмахі
празрыстых крылаў напрадвесні.
І сніцца ўзлётнае былое
вар’яцтвам лёгкіх сноў птушыных
узнагародаю за тое,
што мне цяжар зямны не скінуць.

ТАЯМНІЦА

— Не глядзі, што ён гэткі прасцецкі, —
гэта аб шэрым каменьчыку
археолаг, у гліну запэцканы,
гаварыў, над раскопам укленчыўшы. —
Хоць бы й гэты адбітак выбітны
пакручастай маленькай ракушкі:
ён адціснуты ў камень, нібыта
на гліняны акрыйчык сушы.

Шырыня пяршароднага мора —
замест нашых зялёных соснаў —
калыхалася на прасторы...
Тое помніць каменчык просты.

* * *

Хутка скончыўся дзень.
Узіраецца ў вочы
насцярожаны цень
фіялетавай ночы.
Малады веташок
ускаціўся над лугам.
Серабрысты стажок
заблудзіўся над Бугам.
У бярозавы цень
веташок закрадаўся.
Месяцовы прамень
у руцэ затрымаўся.

ЧОРНАЯ ВАДА

Гарачы жоўты апельсін —
на сінім покрыве цыраты:
царэўна-поўня ў неба сінь
карцінна ўзнеслася над хатай.

У апельсінавым святле —
адцення райскіх сноў паўдзённых —
па кроплях зоркі на сяле
пілі з рачулкі ўзвар сцюдзёны.

Штодзённы зорак у начы
быў вадапой за крайняй хатай...
Ды ўсё жывыя б'юць ключы —
жывых струменяў тых багата.

Бы так?!. Не бачна ні душы
у вёсцы — на мяжы з бядою...
І толькі зорак гладышы
паўнюткі Чорнаю вадою.

ЭПІЧНАЕ

1

Драпежніцы-буры ахвяра лясная —
палегла старая сасна.
Спрадвечнага бору на вольным ускрайку
буяла-ўзрастала яна.

Было яе голле напятае пругка
раскідзістай кроны шатром,
узнятым над гонямі купалам круглым
антычнай калонай-ствалом.

Вятрыскі-буяны віліся пацехай.
Хвасталі маланкі й дажджы.
Яна адгукалася рокатам-рэхам.
Шумела... А зараз — ляжыць.

Жахлівым разломам, бы вычварнай пашчай,
аголены рэшткі ствала,
што грымнуўся долу, не здолеўшы зважыць
жалезнага згубы крыла.

Спачыў між аскепкаў, галін і кавалкаў
мяднiстай, смалістай кары,
між купін чабору, дзе долю кувала
зязюля — з сунічнай пары.

2

Суцішным кантрастам з галлём і ламаччам,
з камлыгаю грознай ствала,
з відовішчам смерці — агеньчык гарачы —
дзяўчынка ў чырвоным прыйшла.

Раптоўна ўвасобіўшы сэнс старажытны
даўнейшага культу жыцця,

дзе пераходзіць у новыя жыцці
ўсё пасля смерці. Дзіця!

Боскі пасланец, ясны «агеньчык»
лёгкі — на рэштках сасны.
Увасабленнем жыцця, узнаўлення
і перамогі вясны.

АМАЛЬ ПА ФРЭЙДУ

Адлятае тынкоўка
ад шурпатай сцяны.
Намалюеш алоўкам
ты «збанок цішыні».

Ці ты, праўда, прымроіў
гэты дзіўны збанок,
каб застацца ў пакоі
аднаму назнарок?

Ты наўмысна прыдумаў
гэты хітры прадмет,
каб схавацца ад тлуму,
крыку, груку і — бед.

У ягоным сутонні —
цеплыня, цішыня.
Як у лёгкіх далонях
промняў летняга дня.

У суседскім пакоі —
гамана, талака...
Ты сядзіш у спакоі
ў цямрэчы збанка.

ЮРЫ КУР'ЯНОВІЧ

У імклівай плыні часу, зарытмізаванага з'едлівым уталітарызмам і ўсёедным глабалізмам, не згубіце для сябе магчымасць спыніць яго злосную быстрацечнасць, спыніць, каб пачуць Кахання гукі, адчуць дыханне Слова і ўбачыць вянок Санетаў…

МЕЛОДЫІ МІНСКА

ВАЛЬС РАЗВІТАННЯ

Не пакідай мяне, мая Пані — маё Ўяўленне!

Мелодыі мінскіх вуліц...

У кожнага горада ёсць нейкая адметная рыса, нешта сваё напаўторнае. Рэдка калі яно кідаецца ў вочы адразу, часцей за ўсё гэта заўважаеш і адчуваеш, калі паблукаеш па вуліцах незнаёмага табе горада ці нават роднага, дзе ты нарадзіўся і жывеш.

Менавіта вуліцы — жывыя гарадскія артэрыі, адбітак гісторыі й тая нябачная музычная павалока, што існуе ў падмурках старых будынкаў, наверсе новых гмахаў і жыве ў стомленым рыпенні дзвярэй дзедаўскага пад’езда і шэпту дрэў уздоўж вуліц. Спыніцеся, прыслухайцеся — і вы ўловіце гэту мелодыю.

Вось вы неспадзеўна апынуліся ў раёне Трактарнага завода (як у нас кажуць, на Трактарным). Ідзеце па Стаханаўскай, удыхаючы бадзёрае ды празрыстае, як крынічная вада, восеньскае паветра, не адчуваючы, што яно забруджана выкідамі прамысловага гіганта, які знаходзіцца тут паблізу. У вас добры, але крыху сумны настрой. Паабапал невялікай вуліцы — вялікія дрэвы й двух-трохпавярховыя жылыя дамы, цагліны якіх памятаюць рукі сваіх будаўнікоў: нямецкіх ваенапалонных. А вось і сквер, што калісьці меў назву Піянерскі. Але няма больш таго плаката з бравым піянерскім гарністам, які стаяў каля ўваходу і, здаецца, што не піянерскія зборы ды акцябрацкія ранішнікі адбываліся тут, а гулялі закаханыя пары, на лаўках сядзелі сарамлівыя дзеўчынкі ў паркалёвых сукенках, чытаючы новыя модныя раманы, узятыя з бібліятэкі, і з адчыненага акна чулася «Рыо-Рыта».

А вось ужо і скрыжаванне Стаханаўскай з вуліцай Кашавога. Тут, на першым паверсе трохпавярховага будынка, які ўвабраў у сабе характэрныя рысы трывожнай эпохі, прыціснутая прадуктовай крамай, прытулілася цырульня. Здаецца, што зараз з яе выйдзе надушаны малады ваенны з бліскучымі кубікамі на чырвоных

пятліцах, якога чакае ніштаваты «АМО», а дзесьці там — тая, з раскосымі вачыма і пяшчотнымі рукамі...

Перасякаеце вуліцу Кашавога з анфіладай дрэў пасярэдзіне і кіруецеся далей. Дарэчы, у Мінску такіх вуліц, разрэзаных зялёнай сцяной, можна пералічыць па пальцах: Леніна, Камсамольская, бульвар Шаўчэнкі ды яшчэ некалькі маленькіх. І зноў — падобныя адзін да аднаго тыя ж дамы, школа, старая лазня, якая ўжо каторы год на рамонце... А ўсё ж — вернемся на вуліцу Кашавога. Будынак Партызанскага РУУС, які ва ўнісон матывам рэтра, пануючым у гэтым рабочым асяроддзі Мінска, нагадвае адзін з будынкаў Брэсцкай крэпасці, дзе сёння размешчаны музей колішняга легендарнага гарнізона.

Крыху далей вас сустракаюць вуліцы Чабатарова, потым — Клумава, далей — Шчарбакова з жылымі «каробкамі» 60-70-х гадоў, а калі збочыць направа — зноў апынаемся на вуліцы Кашавога з зацятым цішынёй паштовым аддзяленнем, шэрагам розных невялікіх крам і «помнікамі» дойлідства, адзначанымі элементамі савецкага ампіру.

Шапаціць пад нагамі апалае лісце, як водгук той драматычнай эпохі, гучыць вальс развітання — развітання з гэтымі бурштынавымі малюнкамі, з ілюзіяй і імпрэсіяй сваіх пачуццяў.

Слышишь,
тревожные дуют ветра?
Нам расставаться
настала пора.
Кружиться, кружиться
пестрый листок.
Кружиться, кружиться
старый вальсок.
Старый, забытый.
Старый, забытый
вальсок…

ТРАЕЦКАЕ ПАД ШЭРБУРСКІМ ПАРАСОНАМ

Траецкае. Стражытна-рамантычны, нанава адноўлены куток старога Менска. Кавярня, гасцёўня, кнігарня, музей пад чарапічнымі дахамі дамоў з ліхтарамі-вартаўнікамі наўкол і ў лабірынце

брукаваных дарожак. Тут прыемна пасядзець з кубкам духмянай гарбаты на свежым паветры ці проста паблукаць сярод утульнасці ды нейкай прыхільнасці да чалавечай асобы колішніх забудоў. А спадарожнікамі будуць — вобразнасць вашых думак ды нецярплівае жаданне іх ажыццяўлення.

Страчанае не вернецца, час не спыніцца, але ў сваіх марах можна дакрануцца да нябачнага, прызвычаіцца да прыгажосці мінулага, убачыць забытае. І як ранішняя ціхамірная лунь засцілае палі й вёскі, абмяжоўвае далягляд і быццам спыняе час, так і вобраз мінуўшчыны апаноўвае, засяроджвае, выразна выяўляе свае абрысы пад акампанемент цудоўнай мелодыі.

Можа, тут, у антыкварнай лаўцы музея Максіма Багдановіча ці ў букіністычным аддзеле кнігарні, калі гартаецце стары фаліянт, а можа, у кавярні пад спічастым скляпеннем — мелодыя Леграна нагадвае вам нешта асабістае?

Легран, Шэрбур, Жэнеўеў... Чужыя для беларускага слыху спалучэнні гукаў, затое — зразумелыя кожнаму, без перакладу. І тут, на беразе Свіслачы, і там, у Нармандыі, гучаць аднолькава.

Няспраўджанае каханне, страчаныя надзеі... І сентыментальны французскі хлопец Гі ўсёй сваёй істотай наблізіцца да хваляванняў нашага Рыгора, а Жэнеўеў з крамы парасонаў — да руплівай Зосі з беларускага мястэчка. І ажывуць-паплывуць, як тыя восеньскія аблокі, асацыяцыі ды ўспаміны. І душу кране іх звычайны спадкаемца — смутак. Рэха чалавечых пачуццяў не падуладнае адлегласці. Уяўленне, як тая нябачная аўра, адасобіць вас ад цікаўнасці бармена, надакучлівай мітусні афіцыянта, бразгання посуду ды ад вар'яцкай мешаніны пахаў — тытунёва-каньячных з далікатна-парфумнымі. Як ап'яняльны сон на досвітку, уяўленні авалодаюць вамі. І тады настальгія ахоплівае ваша сэрца...

Але цыцастая дзеўка з ліслівай усмешкай — каралева халодных губ — ды брытагаловы хлопец з цыгарэтай у зубах, што несціхана гамоняць побач, — вернуць вас да рэчаіснасці.

Абмінаючы чаргу іншамарак, вы робіце апошнія развітальныя крокі па брукаванцы, апошні развітальны позірк на Свіслач — і тут жа знікаеце ў гарадскім натоўпе.

Колькі хвілін таму такі блізкі Шэрбур зноў робіцца такім жа далёкім, як і на карце. І чужыя для роднай мовы гукі паглынае менскі туман.

Легран, Шэрбур, Жэнеўеў...

ПРАСПЕКТ НЯСПРАЎДЖАНЫХ НАДЗЕЙ

Праспект Машэрава — былая Паркавая магістраль. У гэтых двух назвах — сціплая, не зачараваная прывабнай даўнінай гісторыя менскай вуліцы, расцягнутай уздоуж і ўпоперак, што пралягла ад гарадскога цэнтра аж да паўночнай ускраіны — элітнага паселішча Дразды. Вусце гэтай паўналюдна-машыннай рэчкі пачынаецца з моста, перакінутага праз яшчэ адзін гаманлівы гарадскі калідор. Моста, які ў дадатак размяжоўвае гэты калідор на вуліцы Няміга і Багдановіча. Ён пабудаваны на тым месцы, дзе ў дарэвалюцыйным Менску пралягала маленькая вулачка з такой надакучлівай кожнаму шалапуту назвай — Школьная.

Чалавеча, спыніся! І з гэтага моста, стомленага ад кавалькады розных дыпламатычных і ўрадавых аўто ды ад цікаўных бадзяг-падарожнікаў, акінь вачыма наваколле. Плошча 8 сакавіка з пахаванымі пад яе глебай рэшткамі менскага замка. Крыху далей, за Свіслаччу, быццам дзіцячы, казачна-кардонны гарадок — старажытнае Траецкае прадмесце. Праваруч, на узгорку, — вытыркаецца з зямлі беламармуровы трызубец — праваслаўны кафедральны сабор Святога Духа (былы касцёл кляштара бернардынак XVII ст.). А зусім побач з вамі — «карабок» са шкла і бетону: будынак інстытута Белпрампраекта, помнік архітэктурнай плыні 60-х гадоў, як і тое, што насупраць — рэспубліканскі Дом мадэляў з пафасна-манументальным пано на фасадзе, што ўслаўляе савецкі народ: народ-працаўнік, народ-пераможца.

Розныя эпохі, розныя помнікі. Нястрымны бег часу, як і ягонае адлюстраванне, — гэта вулічнае перакрыжаванне...

Першая вялікая крама, што сустрэнецца на вашым шляху па праспекце і якую цяжка абмінуць кожнай жанчыне, мае мілагучную назву — «Алеся»...

Пайшла,
ніколі ўжо не вернешся, Алеся.
Бывай, смуглявая, каханая,
бывай.
Стаю на ростанях былых,
а з паднябесся
самотным жаўранкам звініць
і плача май.

Далей, на гэтым жа баку, нібы пачкі запалак, адзін за адным стройна размясціліся тры вышынныя грамадскія будынкі. На ніжніх паверхах, рассеялася шмат розных устаноў: крамы й супермаркеты, аптэчны кіёск, кнігарня, кавярня, офісы...

Насупраць Палаца спорту, які апанаваў у гэтым раёне набярэжную Свіслачы й застыў у маўкліва-надзьмутым маўчанні, даецца ў вочы кінатэатр «Масква». Замыкае увесь комплекс гэтых будынкаў яшчэ адзін паралепіпед — гасцініца «Юбілейная». І цяжка ўявіць, што калісьці тут стаяла магаметанская мячэць, на рэштках якой і пабудавана гасцініца ў 1968 годзе, а ўся гэтая наваколіца мела назву Татарскае прадмесце або Татарскі канец.

Але гэта яшчэ не ўсё — праспект цягнецца ажно да паўночнай часткі менскай кальцавой дарогі. Там вас напаткае яшчэ не адзін гмах, не адна спакусніца-крама, не адзін будынак з пячаткай манументальна-халодных форм савецкага дойлідства: гасцініца «Планета», прэстыжная сяліба — завод халадзільнікаў, мікрараён «Вяснянка», Дразды... І ўрэшце — апошні «верставы слуп», апошні гмах — інтэрнат Акадэміі фізвыхавання. Але менавіта адрэзак праспекта ад Нямігі да гасцініцы «Юбілейная» атаясамліваецца з яго ўласнай назвай. І гэта зразумела. Тут сканцэнтраваныя офісы буйных кампаній, дарагія крамы: гэта — цэнтр горада, тут — пульс сучаснага дзелавога жыцця. Правобраз парыжскіх Елісейскіх палёў і лонданскага Сіці.

Паркавая магістраль — праспект Машэрава. Назвы, якія ўвасобілі ў сябе подых свайго часу — палёту ўзнёслых ідэй, гучных прамоў ды чаканне надыходу светлай будучыні з гэткім малаверуючым яе прынцыпам — адзінай агульнароднай уласнасцю з прыўкрасай поўнай сацыяльнай роўнасці ўсіх грамадзян. Няспраўджаныя надзеі. Будаванне гмахаў новага сацыяльнага ладу не ўпісалася ў спрадвечную архітэктуру чалавечага жыцця, як і гэты шырачэзны праспект — у забудову старажытнага Менска. І толькі сённяшняя назва вялікай крамы ў пачатку гасцінца нагадвае аб нечым ласкава-беларускім, аб нечым родным. «Алеся». І як працяжна-шчымлівы гук скрыпкі ўрываецца гэтая назва ў святочна-маршавую рытміку бальшака і вярэдзіць душу сваёй саматканай прыгажосцю. І гучыць над воднай роўняддзю Свіслачы, над яе набярэжнай прасторай, скрозь па ўсім шумным праспекце песня, як боль, як наказ:

Бывай, абуджаная сэрцам,
дарагая.
Чаму так горка, не магу я
зразумець?
...Пайшла, пакінуўшы мне золкі
і туманы,
палынны жаль тугой ахутаных
дарог,
каб я, хвілінаю нанесеныя раны,
гадамі ў сэрцы заглушыць
сваім не змог.

ШАНХАЙ

Найвялікшую дапамогу ў адчуванні тэмбру жыццёвага віру гарадскіх завулкаў і куткоў аказвае народная тапаніміка, якая часам не супадае з назвамі ў афіцыйна-адміністрацыйным падзеле горада. Найменне той ці іншай вуліцы або завулка, што нарадзілася ў вуснах іхніх жыхароў, убірае ў сябе струменьчыкі рознабаковага жыцця гэтых мясцін, адлюстроўваючы адмысловую прыгажосць і адметнасць беларускага фальклору: Уборкі, Добрыя Мыслі, Залатая Горка, Камароўка...

Геаграфія падарожжа той ці іншай назвы бывае часам незразумелая або ахутана таямніцай.

Здаецца, што лучыць Менск з далёкім усходнекітайскім Шанхаем? Адразу адказаць цяжка. І хіба знойдзецца нешта адметна-агульнае?

Праўда, калі вы краязнавец ці проста дапытлівы чалавек, які не лянуецца зазірнуць у даведнік па гісторыі Бацькаўшчыны, то можаце прыгадаць славутага земляка — Мікалая Судзілоўскага, жыццёвы шлях якога быў ушчыльную знітаваны з Кітаем, куды ён прыехаў пасля адстаўкі з пасады сенатара Гавайскага парламента ў 1902 годзе і потым пэўны час працаваў у Шанхаі.

Але ёсць у нашым горадзе ў раёне аўтазавода куток з некалькіх вуліц, што на мясцовым слэнгу нездарма носіць назву вышэйзгаданага кітайскага горада. Менскі Шанхай пачынаецца адразу за Палацам культуры МАЗа. І сапраўды, перапляценне гэтых невялічкіх крывых вулачак з шэрагам натыканых драўляных хатак-

сядзіб і невялікай колькасцю мураваных будынкаў на пагорках вельмі выразна нагадвае скучанасць паселішчаў у азіяцкіх краінах. Гэтая карціна асабліва добра бачыцца з дахаў шматпавярховых жылых дамоў па вуліцы Алтайская, а на гарадской карце ў мудрагелістым перакрыжаванні гэтых вулачак можна ўгледзець абрысы нейкага невядомага іерогліфа.

Назвы параўнальна маладых вулачак-галінак на старажытнай гарадской кроне адлюстроўваюць не толькі інтэрнацыянальную старонку пасляваенай забудовы Менска і ваколіцы буйнейшага гіганта (вуліцы Волжская і Дняпроўская, Украінская і Адэская), але і дапаўняюць філасофію планіроўкі гэтай тэрыторыі, адухаўляючы яе шкілетна-вулічны іерогліф усходнім дзівам, у якім пераплятаецца мінулае і сучаснае (вуліцы Агарова і Арджанікідзе, Ушакова і Катоўскага). У падарожжы па гэтым лабірынтавым кутку вам спаткаецца і спакушальная даўганогая красуня-модніца ў чорных аксамітавых туфлях на элегантных абцасах, і кабета ў дзіравай спадніцы й кедах басанож, якая вылівае з пасудзіны нейкую брудную вадкасць на неасфальтаваную дарогу, трапіцца і стары гарбун-«Запарожац», што знайшоў свой апошні прытулак на гаспадарчым панадворку, і новы бліскучы «Мерсэдэс», які панавата адпачывае на бакавіне тутэйшай вуліцы.

Мясцовыя кантрасты выклікаюць у памяці збітую фразу славутага класіка: «Всё смешалось в доме Облонских». Але неўзабаве вы знаходзіце ўцеху ў філасофскіх разважаннях. Якім незразумелым падаецца нам Усход, такім жа недасягальным робіцца для нас і Захад.

Урэшце пад акампанемент гэтых думак ды бязладдзя розных музычных матываў, пануючых тут, вы пакідаеце «Шанхай».

НАТАЛЛЯ ЛАЗУКА

Стрыжань адсутнічае. Гэта бясконцае поле гульні ў мастацтва, дзе кантэкст звыш метафарычны. Таму і самі межы гульні адносныя. Магчыма ўсе... Ці амаль усе.

Эстэцтва — гэта не манія формы ці акадэмічнага малюнка думкі. Не эквілібрыстыка кампазіцый. Не інтэлектуалізм у ружовай абгортцы. Тое не магчыма растлумачыць словамі, а толькі адчуць. Праз колер і гук. Праз словы, іх хуткі вытанчаны бег. Адчуць на кончыках пальцаў...

Пошук гармоніі ўласнай душы. Пошук і аблада ёй.

Лазука

МАНИФЕСТ

…в зеркале дней я вижу себя. Сотню сомнений и тревог, мелочных обид и заявлений… И слова, слова. Но не изменится во мне ничего… надеюсь. Вся тоска мира — в моем слоге; вся весть ветра и воды — в моей мечте; мысль, летящая вслед моим наслаждениям, быстрее самой скорой связи. Нет, не примирюсь. Ни за что не примирюсь. Вы никогда не увидите то, что вижу я — и что здесь глупое молчание, или заумствование, ваши мнимые знаки отличия, звания, знания и блеклые унылые попытки оригинальности. Все — ложь, одетая на изнанку, где вы прячете лицо, где прячете мысли. Что же не хороните, что выпячиваете так старательно, годом за год, выставляя на показ, лелея и взращивая? Что?..

Я ищу это слово, ведь даже не вещь, не предмет. Нет. Я твержу небесам: вам не сожрать моего существа, вам не дать впасть в глубины отчаянья моего сердца. Нет…

Что ваши вопросы и беседы, что попытки расставить все по местам, дать название, свести к системе, каталогу, цифере. Определение — вот главное в вашей жизни. Белесое, вымученное годами зубрежки. Воздушный пузырь. Праесерво. Как подобие живого ума: цитатник избитой нервной биологической оболочки. А внутри — пустота.

Более чем. Прав лишь тот, кто заявляет свое Я. Свое, не почерпнутое из строки телетайпа, не выеденное из толстой книги. Голое и неузнаваемое. Странное, по запаху ощутимое на ненужность. Неуместность, неукладываемость в рамки нормы, этот миниатюрный гроб цивилизации. Нет пользы, нет морали, нет высоких материй. Они не закладываются, они там есть... Их не выскребываю, словно по стеклу ржавым гвоздем потуг на поэтичность. Вы знаете, вы все знаете... А я вот — нет!

Есть ли новизна или ее нет? Будет ли край или нет?.. В конец или перед началом… помилуют или казнят? Конечно, вам нужно дать этому название. И вроде бы — слово одно. Дивный божок в дымном, наполненным затхлыми молитвами алькове. Вы поклоняетесь. Слову… Букве… Закону.

Пусть — нагл и безумен, пусть — ярок… Кто боится здесь стать звездой?!.

Что вам чувства: сведениями в справочнике по психиатрии, что вам глагол — лишь скопище правил языка, будто клубок червей. Осталось лишь одно: плести вязкую, бесконечную сеть цепи словечек, где звено цепляется звеном в замысле разговора. И нет конца монотонному жужжанию пряслиц… Или чресл?

То, чем я дышу, чем живу, за что я есть и ясно ощущаемое мне же самой мое бытие, не подобие. То не паутина взглядов и черт — повязей, завязей, границ, рубежей. Я вижу бесконечный, туманный парк судеб в черных лентах деревьев, опоясавших молочный остов снега. Я ношу вселенную солнцем собственного кольца. И зеркало воды вижу гранью кристального мира. А в небе — нескончаемый ток белых линий связей. Я задеваю их и слышу голоса. Вы же в неистовстве дергаете шелковый шнур, беспомощно зовя на помощь служанку. Вы имели в служанках небо?

Я чувствую остроту и свет, я вижу каждый момент, я ощущаю вновь и вновь лишь каплю, лишь чуть-чуть. Мгновение. Укол. Лишь самую малость, что и не касается носка вашего ботинка, но даже эта секунда улетит. Прочь. Да, и хранителем буду я…

Оскоплены, слепы, глухи. Лишь форма осталась живой для вас. Форма разлагающегося трупа… но что она? Это ведь — смерть миллионов в газетной строке.

Вы натыкаетесь на меня, и даже некоторые мной интересуются. Какой занятный, какой удивительный экспонат… капролит. Здесь такие не водятся. Посмотрите, какая поразительная расцветка, и эти дефекты… они столь милы. Право… Какая редкая вещица.

Проходящая мимо… Уходящая. Исчезающая…

Что мне ваши полочки и коробочки. Что мне строгие системы и структурки миропорядка. Мирозданьице. Кто я — не вопрошаю. Но говорю. Кто я — утверждаю. Все скучно. Ваши доводы — язык, вид, и та же форма. Имеет ли глупость цвет кожи… есть ли ямочки на щеках, длинный нос, костлявые пальцы?.. Сколько статей и вузов за плечами, сколько опыта, женщин-мужчин, детей, дверей, углов, тапочек и кружек с чаем за спиной? Сколько выдумано, солжено, сожжено, стерто, разорвано? Узнано, познано, зажато, снято и оценено. У вас есть линейка для мыслей?

Все лишь — внешние признаки. То зачем, по чем, на чем, каком основании вы заносите в список. Место… На место! Ваши слова.

Важен штамп в паспорте, кольцо на пальце, морщины на лице, безъязыкое слово… утомительная иллюзия на лице. Все. Идеал. Можно еще немного цитат… Громких и уверенных в своей смерти.

А теперь задайте вопрос — чисто и откровенно, как с нового листа. Ваш вопрос…

ОЩУЩЕНИЕ

Это чувственный мир, растворившийся в нежном тумане. И вздох бродит за вздохом, пьяный, спотыкаясь о скользкие ступени улиц. Порт лишь изредка тянет гудки. Все тает и плывет, без рывков и смысла. Губы полуоткрытые тянут холод через пластмассовый лабиринт. И танцуют, горячо прижавшись в дыме сигар, ноты саксофона. Высокие каблучки, цокают и пропадают где-то среди каменных груд ночного города. Ловят руки влажно-прохладные перила мостов после пекла дьявольских баров. И пустота наполняет тебя, и слабость, и ласка. Мягко, подступает к плечам шелк, струясь по телу, и обнимает пушистое кресло, поглаживая уставшую спину. Бессмысленно скользит по тонкому отточенному боку бокала янтарь вина, заворачивая мысли, смешивая их с приглушенным светом торшера. И опадают веки, покрывая гудящие зрачки верблюжьим одеялом ресниц. Тянут куда-то отяжелевшие руки. Растворяешься в звуках контрабаса и саксофона, в безумной тишине и эхе ночи. Ничего не надо — и таешь в покое души, как льдинка в шаре бокала.

ТРЕП

Посвещается бессмысленным хождениям

Негодяи сидели: все в тепло-охристых хитонах. Сидели вокруг круглого стола, залитого таинственным и чарующим светом голубых свечей, и заплывшего морем зеленого сукна, падающего до пола водопадом усталых складок, за которыми так легко прятались всевозможные химеры. Сидели в высоченных креслах, со спинками, тающими, словно верхушки небоскребов, в небесной мути. Нежились травой-муравой изумрудные обивки сидений.

Негодяи складывали превосходные, невообразимые в совершенстве и безупречности, несусветные, немыслимые по сложности, истонченные, идеальные, изнеженные, невероятные в своей безупречности, прекраснейшие и великолепные узоры из бокалов, фужеров, рюмок, хрустальных чаш, бриллиантовых стопок и сапфировых кубков, а так же мензурок и колб.

Негодяи лениво пили из различных емкостей разнообразные звуки жидкостей и следили за передвижениями снега на огромнейшей карте мира, изредка перебрасываясь тихими комментариями, скорее похожими на серебристо-белые дымные нити сигарет в размытом воздухе колеблющейся высоты...

Негодяи ушли, разбросав стертые мраморные туфли (еще не успевшие потеплеть от холода их пяток). Ушли, покинув темную, в обрывках смеха и недосказанностей, затканную запахами летних, сожженных солнцем, трав от ветреных свечей, розовато-ржавых персиков, разрезанных на дольки, без косточек, и растаявшего в низких темно-вишневых бокалах февральского небесно-чистого снега в смеси с фисташками и изюмом, всю в синих с черным, тяжелых шторах, комнату.

Негодяи ушли, вынеся с собой весь бред.

Остались лишь мы с тобой… Наедине.

ПУРУША

Взяла и рассыпалась… Эх, разлетелась, разделилась, разорвалась, разбежалась, раскололась, раздробилась в миллиард, в россыпь! И хрустят, ломаясь под босыми ладонями сердец, осколки…

Разметались волосы по подушкам шелковым, заплетенные косы в целомудренных льнах венков строгих. Пальцы в жемчуга закованы, волосами чернь безмятежная.

Дорогильная* душа… Обуздали да уняли, сохранили, сберегли в косах запаха лукавость, плоти мраморный покой. Темных тварей норы. Вынесли на свет, рассветом обагрили дыхание, одели ветром. Так что мне…

---

* Дорогильный — (тюрск.) шелковый.

Рассыпалась, драгоценная, у ног. Босиком пойдешь — исколешь губы укусами. Блистаю во мраке на многих путях, сверкаю, полыхаю, пламенею, пылаю, огнем веду…

Рассыпалась за тобой, камнями в следах. Скатываются поцелуи нитью с волос твоих. На закате в рукавах звенят бубенцами утренние вздохи.

В поле рассыпалась, расплылась, как мертвых цветов ожерелье. Рифы трав. Тропы сухие желтого песка, ветром гонят твое тело…

За тобой туманом пойду. По солнцу, по воде. По безлюдью. Золой небеса сойдутся — откуда опустится Сила моя. В котомке кусок хлеба сердешного преломим на двоих у храма забытого.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Чем больше у меня знакомых, тем больше я хочу остаться одной.

От одиночества я тебя заклинаю. Мое маленькое шаловливое, тонкокрылое существо. Тысяча жасминовых цветов возле твоей кровати. Хрустальные шары, белые простыни, ковры, браслетов россыпь, кольца…

Не важно, что у тебя сломан локоть. В этих глупых переплетениях бинтов, пропитанных жемчужинами крови, ты еще прекрасней. Спутанный грязных волос клок, собран сзади проводами, обнажил, словно подснежник в чахлом омуте черной гнилой земли чистый овал твоего лица.

От тебя всегда пахнет лепестками роз. Ты знаешь, как я их ненавижу — эти тонкие, ядовитые иглы в шелках слов.

Так ты прилетишь сломя голову ко мне? Не молчи, не прикидывайся…

Можно, я присяду у твоего изголовья, возле постели? Я тебя не побеспокою. Я гордая и не дам возможности надоесть. Даже не притронусь губами к тебе. Ну, разве что в щеку. И только буду касаться твоего плеча.

** Зекрый — (русск.-цслав.) голубоглазый.

000

Посвящается Д.К.

Ходишь ты по свету. Зекрый** княжа. Силу мрачных гуслей носишь за плечами, ее полнишь хмелем… степи. Множишь песен перезвон. Да звук их лазоревый не берется у других чистотою.

Вековые тянешь клеймы* * *, след по безбрежной степи рос рассветных. Ищешь ты калитку калины да колодца синевой небесной дно. А оно в глазах твоих, строгостью грозовыми тучами прорывается. Сейчас бродишь травами ты, изумрудными, по невидимой дороге… все к закату…

Кто же делит путь твой, без конца и края? Кто же следом в след за тобою треплет пыль вековых дорог? То — колдунья. Путаю цветами. Мну небес сапфировых ветер волосом пустым, распущенным. Косами ныне, с ветром поиграючи, оплетаю, увиваю, ограждаю. За спиной — материнского благословенья заговор котомкою. Набредем с тобой на сакму* * **, думою направимся до края. А там, на плотах, через лукавую речку, на утес у ног леса заберемся. Над обрывом в травы жженные, солнцем полные, бросимся под покров сосен вековых.

Разожгу костер. Белым, словно кожа твоя, песком утрою силы огня. Чарки дерева поставлю, и надломим к ним краюху на двоих. А под берегом тихо пробегает речка, словно глаз твоих темной синевы отражение. Расплескалась жажда по дну их, сверху по теченью плавает дурман…

Наутро вновь пойдем по солнцу, мять траву белыми ступнями. Промолчу, словом не обмолвлюсь… Росою не омывшись, наденешь сорочицу, пойдешь до заката, гусли через спину перекинув. Я же — вслед краем сарафана, что до пят, след твой заметать. Так и будем — из конца в конец, без края… Зелена степь хизи* * ***…

Да вслед нам монах молитвами дороги выкладывает.

---

* * * Вокруг иконы сюжетные сценки, миниатюрное жизнеописание святого.

* * ** Сакма — (восточ.-русск.) колея, лесная тропа.

* * *** Хизь — (смол.) страстное желание.

РЕКА

Пустота в пустоте. Изумрудных руд запеклась степь, до небесных концов.

Заливаясь смехом, закружиться в травах, разлететься в разных сторонах. Нет преград, нет и указников — только медный холод рос.

Да ветер…

Рвет мечами, воет вскриком диким: воин среброзубых лат и кожаных доспехов, с нитью черного горизонта. Головы кладет тропою сна, трав роптающих, под ноги… Рвал с груди сапфиров смрад развратный, перстни холодом срубал, шелковых одежд бесстыдство рвал долой… Оставил только душу.

Шла я соснами… бежала иглами… падала кореньями… захлебывалась рыданьями… сердцем до крови расцарапывалась о ветви… крылья спутала… Листва… Крик соколий за спиною… Упала с берега в песок белокожий. Молока парного нежность — бязью грудь стянула… Выдоха не внемлет… распласталось платье… Сила, моя Сила.

Серый мрамор шею в шарф укутал.

Голубых сапфиров Серафим… Меч огня в ладонях стройного творенья… ириса стекает складка… плечи — алебастра голубая гладь… в нимбе волн гранита. Ты позвал меня…

МОЙ АНГЕЛ

Я люблю тебя, мой Ангел. Тоньше вздоха, тише вскрика, легче взгляда, мельче шага. Я люблю тебя, мой Ангел. Не хочу. Не будь мне снегом. Тише мягкого паденья, холоднее льда. Ты — нега. Я люблю тебя, мой Ангел. Солнцем всходят мои речи. Я молю тебя, небесный, я молю тебя о встрече. Я люблю тебя, мой Ангел. Трепетание. Ресницы. Затаится мое сердце, замолчит последней болью. Дай рожденьем насладиться. Я люблю тебя, мой Ангел. Синевы бездонной рана. Звезды в холоде томленья. Твоя огненность мечами высекает наслажденье. За спиною крыльев бездна. Я люблю тебя, мой Ангел.

КО ДНЮ СВ. ВАЛЕНТИНА

Шелкопряды, локон шелест, шорох лаковых падений. Монстров лапы по паркету. Лица-маски привидений. Изумрудный запах, стены, соткан мир из двух жемчужин. Океан прозрачный лени. Белых ступень по ступеням, нежных пальчиков на коже ниспадают услажденья. Жизнь на кончиках в колчане. Ирис к ирису ложится на холодные ладони. И смыкаются на пальцах ожерельем синей крови. Подземелий мрачных воздух. Меч и ножны обнажений, лож и правда — в ловких пальцах нити опиумных заклятий. Парка исчезает в тени… Голубых колон просветы. Мрак и боль, колен сплетенье и алтарь в молитве прячет жадность таинств и томлений. Медь и шелк, щекочет шепот полотна нагие плечи. Атрий небом запыленный. Пред тобою. По ступеням бархат тонет под ногами стати стройной. Сонных сила пламенных пожаров плоти. В строках жажда жара солнца. Листьев жженые желанья этой осенью забытой. Неги пелена на крыльях. Ангел, это ли мне видно в зекром омуте зеркальном?

ПОСВЯЩЕНИЕ Б.Т.

В белой дымке оковы городских ворот. Бледный румянец твоего напудренного лица. И алого рта кровавая рана. Белых кружев рукава. О, снежный камень стен, молочная порочность кожи — храм чистого добра для злого духа.

Грязи зловонной темная желчь. Желтый колпак в кармане камзола. Звон лживого золота бубенцами пуговиц. Путь для развратных рук. Золотой ободок небесного светила. Рассвет или закат… Я твое солнце.

Синих зеркал мрачная строгость. Сталь на конечности пути. Звездами в ряд судьба в непрозрачных небесах. Пряная томность лазурного бархата плащей. Площадей темных камни в шкатулке твоих мыслей. Слезная ночь тоскливых воспоминаний.

Красный платок девственницы. Обманных искренностей паутина. Ты — плюшевый дурачок на веревочке рюкзачка. Медных ключей звон. Ветреные волоса. Ах, эта красота лживых глаз.

Хрупкость пальцев в кровавых ногтях. Остов длинных ресниц. Острый алый язычок.

Запах кофе. Ненависть. Ржавь зрачков. О, растерянность перед лицом любви…

СОСТОЯНИЕ

№1

Все уже расставлено по своим местам. Черный, белый, серый, лиловый. В витрине моего внутри — по полочками, по порядку, по расписанию. Все предначертано. И кажется, моей рукой... Поставлены печати. Подписи. Все. Все предрешено.

Ах, как трудно сойти с собственной позиции. Изменить позу. Сменить дистанцию. Выйти из себя. Приподняться над собой, на цыпочки… и? Поцеловать.

№2

Жду изменений. Жду жеста, слова, сна. Жду вздоха, взгляда, возгласа. Жду и боюсь, пугаюсь и предвкушаю, изнываю и жажду. Жду терпеливо, жду вдохновенно, жду надменно и обреченно. Жду.

Думаю о секунде. Думаю о мгновении, о молнии, всплеске. Думаю о моменте. Думаю о мечте. О волне накрывающей с головой и до кончиков пальцев. Думаю, предполагаю, представляю, покоряюсь и прошу. Думаю, что этого не будет. Думаю и надеюсь.

Надеюсь, что нет. Надеюсь, что если не навсегда, то на большую часть. Надеюсь нелепо, со слезами и тайнами. Надеюсь с глухим отчаянием и верой в пустоту в грудной клетке. Клянусь, проклинаю и молю.

Вижу мрак. Вижу скуку и ожесточенность. Вижу боль… Нет. Ничего не вижу. Не понимаю…

О боги, где же место для веры? Где опора для упований? Где мечта?

И только сон — тонкой нитью, паутиной чего-то радостного, неуемно светлого и прекрасного связывает нас. Я не знаю, но желаю.

Чувствовать запах кожи. Ощущать тепло тела. Трепетать и таять. Вдыхать и растворятся… в венозной крови, в звоне ушей, в голосе, стоне. Утонуть в черни зрачков. Слышать. Испытывать. Переживать. Жить.

Больше мне нечего сказать… тебе.

№3

Я считаю мгновения. Раз. Два. Три. Поворот. Стул. Аккуратно. Пируэт. Осторожно. Стоп... Он исчез. Испарился. И вот…

Я вычерчиваю шагами пол. Гул. Звук. Скрежет. И кажется — найден выход. Одномоментное. Белое. Быстрое. И не больно.

Мчит пустое железное чрево. Меня от тебя. Я замаливаю каждый поворот. Каждое знакомое место. Я оборачиваюсь и твержу про себя…

Нет сил для фантазий. Нет сил для настоящих слез. Нет сил держать себя в руках. И знать, что не ожидается. Быть в этом уверенным.

Я не даю возможности надеяться. И нахожу новые причины. Пророчествую. Предрекаю.

Все остается по-прежнему.

№4

Вдруг все внезапно вернулось. Бессрочная любовь. Вне ожидания. Несколько бессвязных строк. Стиль. И мне уже кажется. Чудится. Я предполагаю… Хотя, нет. Все — слова и мечты. Розовые, как самые безвкусные сердечки на тетрадях школьниц. Пресная. Первооснова.

АНАСТАСІЯ ЛЕБЕДЗЕВА

Каждая минута моей жизни так или иначе находит отражение в творчестве.

Я много пишу о любви. Любовь, которая способна победить страдания, — великая любовь, но часто и любовь потерянная. Это безграничное чувство, приходящее в разных обличиях, навсегда оставляет след в душе человека.

У меня нет избранных тем — пишу о том, что чувствую, что кажется мне важным.

ВЕНЧАНИЕ КОРОЛЯ

Пролог

Истории этой тень хранят письмена, пришедшие к нам из глубокой древности. Земли, разделенные ныне границами, были тогда единой державой. И носила она имя — Великое Княжество Литовское и Королевство Польское. На трон взошедший, после брата своего Александра Ягеллона, правил державой Сигизмунд. Был он правителем честным и праведным. Не вершил судов над невинными, не творил казни.

Сигизмунд был дважды женат. После смерти Барбары Заполии от неудачных родов второй супругой правителя стала итальянка Бона Сфорца. Она подарила королю четырех дочерей и сына Сигизмунда-2 Августа. Перешагнув детство, молодой наследник высказал отцу возмущение. Он желал править и властвовать, но оставался лишь тенью отца. Тогда и было решено Сигизмунду Старому отбыть в Польшу и царствовать там, а сыну его остаться в Вильно, дабы возглавить Великое Княжество Литовское.

Часть первая

И вошла она в залу свободная...

Возвышал свои стены к закату Виленский великокняжеский замок. Как из вечности собран: каждый камень с запахом времени. Запах этот терпкий от мудрости, что скрывается в трещинах подобно ветру.

Владыка замка Сигизмунд-2 Август праздновал бал, наслаждаясь веселием. Став правителем Великого Княжества Литовского, он чувствовал себя счастливым. Родительская опека, так утомившая молодого короля, наконец-то ушла в прошлое.

Сигизмунд Август не жалел денег. Он устраивал богатые пиры и маскарады в своем замке, бросая вызов скуке. Ему нравилось смотреть на столы, богатые явствами, на женщин в пышных нарядах. Некоторые гости, запьянев от вина, смело шутили:

— Хорошо веселиться при полной казне, а как опустеет, будем скромно жить!

На балу молодой король пребывал со своей супругой Элизабет. Она была в прекрасном облачении и злате, но по природе совсем не красива. К тому же, с детства страдающая эпилепсией, Элизабет быстро уставала, отказывалась от танцев. Очи ее полнила грусть, болезненная истома. Худощавые плечи, омытые бледностью, нервно содрогались в золоте кружев.

— Ты скучна, Элизабет? — обратился Сигизмунд Август к супруге.

— Прости, если омрачаю твой праздник. Грусть не по воле моей полнит меня.

Она покорно склонила голову, выражая тем самым свое сожаление. Однако и покорность Элизабет, и упреки молодого короля были лишь придуманной игрой двух людей. Они настолько безразлично относились друг к другу, что давно перестали замечать, как непрерывно лгут.

Взгляд Сигизмунда Августа покинул образ жены. Он скользил по прекрасным фигурам дам, кружащихся в танце, по пьяным лицам самодавольных магнатов. Радость музыки вскоре слилась для него в монотонную скрипку... Или это тоска Элизабет проникла в сердце? Он решил уйти из душного праздника под кроны сада, дабы насладиться сиянием звезд. Звезды были разными: одни белые, почти матовые, другие — желтые с розовым снегом. Они собирались в холодные нити, опутывая Вселенную, обрывались в пустоту. Вот звезда еще дрожит в облаках, припудренная туманом, как вдруг срывается вниз и разбивается о стены замка...

Сигизмунд Август медленно поднялся, тихой поступью покидая залу. Элизабет Габсбург продолжала недвижимо сидеть, глядя в пустоту. Окутанная истомой, она даже не заметила, как оставил ее король.

— Великолепный бал! — донесся восторженный голос.

Пьяные гости, довольные праздником, громко славили имя правителя. Сигизмунд Август остановился, желая еще раз взглянуть на танцующих женщин. И в этот самый миг сердце его дрогнуло — увидел он ту, которая прекраснее многих.

Ее звали Барбара Радзивилл — молодая вдова графа Гаштольда. После долгого траура и затворничества, Барбара впервые появилась в обществе. Красота ее покоряла мужчин, дамы меркли подобно теням в присутствии княжны. Она была достойна восхищения и распята завистью.

Сигизмунд Август продолжал смотреть на Барбару. Она медленно шла, улыбаясь гостям, словно была знакома с каждым. Локоны ее отражали свет, превращаясь из нежно-русых в золотые. И это золото длинных волос струилось по кружеву платья.

— Я хочу предложить вам, Барбара Радзивилл, стать фрейлиной королевы Элизабет, — обратился к ней Сигизмунд Август.

Барбара согласилась.

Часть вторая

Ночь в гераненском замке

Очень скоро вдова Гаштольда покинула двор. Внимание короля к ней возростало с каждым днем. Сигизмунд Август делал Бабаре комплименты, достойные любимой, не стесняясь присутствия Элизабет.

Черта, разделявшая их, становилась все тоньше, а запреты, наложенные обществом, все туманнее.

По совету братьев Барбара отбыла в гераненский замок, доставшийся ей после смерти супруга. Она решила превозмочь желание быть с тем, чьи объятия казались ей раем.

Сигизмунд Август не верил в ее отъезд. Находясь у постели Элизабет, иссыхающей от хворобы, он думал только о Барбаре. Как желал он видеть любимую рядом, в убранствах на троне и нагую на ложе. Красота молодой вдовы пленила Сигизмунда Августа, и в плену этом хотел он пребывать вечно.

«Любовь — единственная страсть, не признающая ни прошлого, ни будущего!» Очень скоро Сигизмунд Август нашел повод посетить Геранены. Повод был таков: после смерти графа Гаштольда, не родившего наследника, все его имения становились владением Княжества. Сигизмунд Август известил Барбару о визите.

Солнце, словно рыжее око, озаряло равнины. В полуденном свете, как в золотом оперении, молчали леса. Именно в полдень красота неба спускалась на землю, дабы создать иллюзию красоты вечной.

Высокие стены гераненского замка ожидали прибытия монарха. Барбара Радзивилл, облаченная в лучшее платье, вышла навстречу Сигизмунду Августу. Она не скрывала радости видеть его, ибо

радовалась искренне. Он же, очарованный ею, в сотый раз возжелал прикоснуться к ней.

— Великолепное ожерелье украшает грудь вашу, достойное красоты вашей, — с нежностью произнес монарх.

— Украшение это — подарок великих князей московских, — ответила Барбара. Зная о страстном увлечении короля, она пригласила его в комнату, где хранила коллекцию драгоценных камней.

Дверь комнаты затворилась. Король и молодая княжна смотрели друг на друга, словно пленники. Он — был пленником чар ее, что впились острием в сердце. Она — пленница страха, ибо страшилась порока в чувствах своих.

— Я не помню часа, в котором не мечтал о тебе! — прошептал Сигизмунд Август.

Барбара молчала. Она желала прильнуть к нему и остаться с ним. Барбара боялась осквернить союз его с Элизабет Габсбург.

— Страх полнит меня, когда представлю, что подвластна греху. Страсти нашей и любви свет ляжет клеймом на грудь королевы.

Сигизмунд Август приблизился к ней так, что ощутили они трепет друг друга. Самыми нежными словами уверял он Барбару, что не станет любовь их мукой Элизабет.

— Супруга моя — светлая разумом, все поймет. Нет греха в желании нашем, как не будет страдания в ее сердце.

Настала ночь. И была она последней из ночей одиночества Барбары. Вошел Сигизмунд Август в покои ее, дабы овладеть любовью своей, как мечтал каждую секунду.

— Оставь сомнения, как велит любовь! — призвал правитель. Он смотрел в глубину ее глаз, словно в зеркало полное жизни. Мертвые стекла, обрамленные в тяжесть рам, не смогли бы отразить даже крупицы того, что отражали глаза. Они хранили в себе тайны, безупречные образы, чувства.

Пламя свечи, едва золотившее стены, превратилось в дым. Восковая капля на бронзовой подставе, казалось, еще светила, но это был только мираж. Барбара распахнула окно. Она стояла, чуть склонившись, над прекрасным букетом лилий. Тонкие пальцы ее нежно перебирали лепестки, наполняя их новой энергией. В руках молодой княжны цветы дышали…

Красота Барбары на фоне ночи повергла монарха в трепет. Он почти прикоснулся к ней, ожидая лишь призыва.

— Как велит любовь… — повторила Барбара.

Сигизмунд Август заключил любимую в объятия. Он осыпал ее поцелуями и признаниями, словно безумец, забывший манеры.

Она же тихо сказала:

— Не проси говорить, что люблю тебя. Ты и сам ведаешь. А что несет нам любовь: слезы иль радость — не имеет смысла. Мы — пленники...

Вернувшись в Вильно, молодой правитель имел беседу с супругой. Элизабет нездоровилось. Она выглядела усталой и болезненнной, несмотря на то, что много спала.

— От чего ты пробыл в Гераненах столь долго? — спросила Элизабет.

Он взял ее руку в свою, ощущая, как слабо трепещет пульс. Сердце его, распятое ложью, дрожало, но сказать правду Сигизмунд Август не смог.

— Из-за эпидемии, вспыхнувшей в Вильно, пришлось мне отложить отъезд, — ответил он.

Элизабет поверила.

Спустя месяц Элизабет Габсбург умерла. Она задохнулась во время очередного приступа эпилепсии.

Часть третья

На путь единый и вечный

Барбара Радзивилл покинула Геранены и вернулась в Вильно. Она жила в замке брата, где продолжала тайно встречаться с Сигизмундом Августом.

Король клялся Барбаре в любви, не желая думать ни о ком более. Она же молилась Богородице, призывая Мадонну оберечь любовь:

— О, Святая Дева, Царица Небесная, отведи от нас взоры черные, что горят по волчьи, крови желая…

Но свершилось так, что тайна их была раскрыта. Понесли по Вильно глотки сплетные разговоры, порочащие честь Барбары. И только венчание могло избавить от позора княжну Радзивилл.

Однажды ночью в комнату к ней вошли братья.

— Ответь нам, сестра, — спросил родной брат Николай, — готов ли король назвать тебя женой перед Господом и людьми?

— Я ожидаю этого,— ответила Барбара.

Тогда рассказали ей братья о разговоре с правителем и о том, что предпочел он венчанию разлуку с ней.

— Вы лжете мне, жестоко лжете!

Было ли правдой то, что отрекся монарх от любви своей? И не вмешан ли тут кто-то прочий?

Барбара ведала, как противится их союзу мать избранника, королева Бона. Рассылала она из Кракова послов в разные страны, дабы выбрать сыну невесту. «На Пути ее, я поставлю стены, пока не ляжет прахом тело Барбары…» — гневалась королева.

Сигизмунд Август, страшась материнского гнева, прекратил свидания. Оберег он честь Барбары от сплетен, и себя от распроссов.

Стоя у зеркала, смотрела княжна на лицо свое. Красота в лице приувяла, словно роза. На челе — складки от хмурости. Не хотела верить Барбара, что утер король уста свои платком страха.

— Как жить мне без тебя, когда тобой жива? — шептала она в рыдании.

Обжигали ей слезы грудь и становились солью на кружеве алом. Знала, что не будет счастья без боли, но такой боли...

Стук за дверьми испугал ее, приглушил слова.

В позднее это время не спал король. Пил он вино хмельное. Жадно туманил хмель очи, неподвластные сну. Желал Сигизмунд Август в пьянстве забыться — образ Ее забыть.

— Помоги мне, Боже, ибо сам — умираю...

Разумея, как желает любви, позвала Барбара братьев.

— Прошу я у вас совета, — сказала она. — Жить без правителя не могу.

На удивление Барбары, братья не стали перечить ей. Видя муки сестры, они давно помышляли помочь.

— Спасем тебя! — произнес Миколай Радзивилл.

В ту же самую ночь написала она письмо, адрессованное королю:

«*Ожидаю тебя на постеле своей, как супруга законного! Братья на охоту двинулись, путь не преградят.*

Барбара!»

Луна осторожным дыханием касалась земли. Сквозь обрывки неба, застывшего над землей, сочились отблески звезд. Сокрытый плащем, двинулся правитель к ходу тайному. Там служанка ждала:

— Идемте, я путь укажу, — прошептала она, склоняясь.

Желтый огонек свечи едва золотил ступени. Лестница вела наверх, к дверям гостинной. Темные портреты предков Радзивиллов взирали на них, словно стражники. «Озноб содрогает меня, сметение…» — подумал Сигизмунд Август. Портреты властными взорами холодили его.

Миновав гостинную, вышли они в коридор.

— Здесь… — указала служанка на дверь спальни.

Когда Сигизмунд Август вошел к Барбаре, свечи погасли. Две тени стали одной, два сердца — пламенем.

Они вновь обрели друг друга!

Но не долгим было ликование и радость. Ворвались в покои братья ее, сабли вознося.

— Как же смеет король не беречь имя сестры нашей?!. — кричали они.

Он же — требовал молчать.

Свет луны серебрил их одежды, когда, склонившись к рукам ее, просил будущий король свою королеву:

— Стань моей — и в мирской суете и в вечности!

Барбара, уже вкусившая однажды плод замужества, дрожала, как *дева*, слушая его. Она ответила тихо, ощущая, как трепещет под кружевом сердце ее.

Это был первый шаг на путь их единый и вечный.

Сигизмунд Август и Барбара Радзивилл тайно обвенчались в часовне Виленского замка.

НЕПРИКАСАЕМЫЕ

(Сказание)

Вступление

Женщина в черных отрепьях. Мост через Гаронну. Она стоит, опершись на посох, и шепчет:

— Час на исходе. Спешите, воины!

В небе разлетались вороны, изгибая полосы ветра. Они, словно тени прошлого, хранят наследие лет. Дикое небо в сумрачной серости сползает по крышам. Засыпает Тулуза.

Женщина смотрит вниз, туда, где воды Гаронны бьются о камни. Она, словно видит их лица — лица сильнейших. Пламенем битвы и верностью Франции наполнены сердца. Они идут с запада, идут по берегам Сены, поднимая к небу знамена. Их сотни, закованных сталью, — избранных воинов.

— Виргилия! — раздается во мраке голос Анны, бегущей со стороны леса, прямо к мосту. Она — наследница Де Лосе, единственная дочь Арманда. Женщина в черном улыбается ей.

Анна — прекрасное существо. Тело с формами нимфы хранит в себе дух богини. Никогда не плачет, ибо слезы в ней — мертвы. Бездонные глаза, взирая, клеймят неверных и неправедных. Она свободна от гипноза лжи, от тайных узов страха. Анна Де Лосс — невеста ветра...

— Виргилия, меня послали люди. Они хотят знать, падет ли Орден Тьмы?!.

Виргилия смеется. Смеется над глупостью тех, кто желает познать неизведанное. Люди слепы! Анна припадает к ее рукам, целует пальцы. Старинный перстень из красного золота обжигает ей губы.

Восходит луна. И теперь наступает время, когда ясны пророчества. Колокол на горе суеты рассыпается звоном, дрожит земля. По дорогам, ведущим в пропость, летает ветер. Он кричит о грядущей битве, о страшных днях, и называет имена избранных. Среди них имя — Анна.

— Помни, — шепчет Виргилия,— ты будешь там. Когда сойдутся в лоне войны два войска. Одно — со знаменем солнца,

другое — со знаком тьмы. И будет искриться сталь от ударов, и плавиться кровь. Падая на землю, застынут тысячи воинов...

Анна молится. Страх сжимает ей горло, как медный обруч. Она хочет крикнуть, но не может. И только жалобный стон эхом падает с губ.

Виргилия продолжает:

— Люди слепы! Солги им, скажи, что не зрила меня. А сама ступай в Тулузу и найди Готэма. Он сильно болен и может умереть, поэтому спеши.

Анна хочет спросить о Готэме, о том, зачем ей надо видеть его, но Виргилия говорит:

— Сделай, как велю и молчи...

Она закрывает ей рот ладонью, давая знак: посох, наклоненный в сторону Тулузы.

* * *

Анна пришла домой ночью. Отец и сестры ее уже спали, только матушка ждала.

— Теперь ты знаешь, что суждено? — спросила матушка.

Анна молчала. Она затворила двери, не желая говорить, ибо так приказала ведьма. Сон опьянял ее, клонил на ложе. Сладостной дремой смыкал ей веки. Анна скинула дорожное платье, оставаясь в нижнем, умыла лицо. Завтра ей предстоял нелегкий путь.

Погасла ночь. На зыбком, весеннем небе зарделось солнце. Оно не жгло, не плавило, как плавит в июле, а просто светило. Слабый аромат сирени парил в воздухе. Анна тихо покинула дом, вышла к дороге. По плечам ее струился плащ, в руках — сверток с хлебом. Она ушла, не взяв ни франка, без прощания и слез.

Путь в Тулузу лежал через лес. Перейдя мост, Анна свернула на тропу под тень деревьев. Она слышала, как поют птицы, пробуждаясь в листве, видела солнце. Оно пробивалось сквозь синие кроны ясными бликами, серебрило лесные воды. Здесь было несколько озер: одно чистое, словно свеченое, другие — темные, покрытые тиной. У берегов шелестели травы, напевая о чем-то. Быть может, они пели о том, чего даже самые мудрые люди не ведают.

Анна подошла к воде, огляделась. Голод и усталость терзали ее, ветер обдувал плечи. Она достала хлеб, испеченный матерью,

поднесла к губам. Мягкий аромат его был так сладок, как ни один аромат на знатном пиру. И вспомнила Анна, как учил ее отец помнить род свой и почитать: «Даже хлеба вкус там другой — слаще».

Солнце поднималось все выше, превращая свежесть в зной. Пала одежда на берег — льняное платье. Вошла Анна в озеро. Вода в нем — теплая, словно молоко, омыла плоть ее...

Красота вокруг! Полдень.

— Разреши посмотреть на тебя! — раздался голос.

Анна обернулась. На берегу стоял мужчина. Тяжелый плащ из черной ткани покрывал его плечи.

— Я знаю, куда ты идешь. В Тулузу, — продолжал он.

Но его бесцеремонность не испугала, напротив: Анна испытала странное чувство — некий азарт неизведанной и прекрасной игры.

— Смотри! — разрешила дева.

Выйдя из воды тихой поступью, приблизилась к нему, поднимая с земли платье. По хрупким плечам ее катились капли.

— Меня зовут Люмьен.

— Анна! Почему тебе известен мой путь?

— Ближе Тулузы нет городов — ответил он.

Дальше они двинулись вместе.

Черные шпили башен пронзали небо. Город безмолвия. Люди, подобно теням, мелькали вдоль стен — серых и полных смирения.

Анна обернулась. За спиной ее возвышалась часовня. Огромные медные стрелы ползли к десяти, угасало солнце. «Где же я найду Готэма, если даже не знаю его?» — думала она в страхе. Люмьен шел рядом. Он ничего не знал о ней, не спрашивал, но с ним Анна вдруг почувствовала силу.

«Странно, — решила она. — Едва знакомый, он так близок мне. Я даже готова доверить ему тайну».

Руки их сомкнулись.

— Ты ждешь кого-то? — спросил Люмьен.

— Я должна найти человека по имени Готэм.

У собора, весь источенный временем, стоял дом. Это был приют для неизлечимых — место смерти. Каждый раз на рассвете оттуда выносили мертвых. Тела их накрывали плащами, дабы живые не видели, как разъедает хвороба лица.

Плоть Готэма была скрыта тканями, только очи — на свет. Он лежал у стены, прижимая к сердцу распятье, и ждал. Смерти

ждал или здравия, не ведала Анна. Она просто пришла к нему, назвала имя ведьмы. Готэм вздохнул:

— Закутай себя, не позволяй болезни пройти. Сквозь кожу заберет она жизнь.

— Истина? — спросила Анна.

— Только в том, что знамя — их сила, — ответил он, уходя в забытье.

Видно, дух его устал маяться. В рваном теле трудно ему, а небо — свободно. И услышала Анна шорох, как чей-то шаг, да над ухом слова: «Иди, не твое это место!»

Люмьен ожидал ее. Они вернулись к лесу переждать ночь. Мягкая трава стала для них постелью, звезды — пламенем ночника.

— Что это? — вскрикула Анна. Странный звук испугал ее.

— Совы кричат.

Он нежно прикоснулся к ней, словно пытаясь погасить страх. Его руки обожгли ее нежностью. «Я никогда раньше не ведала, как прекрасен этот ожог...» — подумала Анна и тут же добавила (уже вслух):

— Почему нас так манит друг к другу?

— Ты задала мой вопрос, Анна, — прошептал Люмьен.

Он продолжал обжигать ладонями ее тело. Корабль был отправлен через море — корабль искушения. И дрожала море души, ибо с берега чести вела дорога на берег греха. Как манил этот берег цветом: от красного — до лилового. В сладких ароматах утопали его просторы.

Анна сделала шаг, ступила на корабль. В нежной дымке, парящей над ней, узрила она искусителя. Голос Люмьена звал ее:

— Отдайся мне и ты познаешь рай. Это и есть рай — любить друг друга. Мы — одна плоть!

Шаг ее превратился в бег. Любовь ли это? Любви она не знала ранее, и все же не смогла отвергнуть его. Как жадно пили оба вкус порока... Они хотели чувствовать слиняние и погружаться все глубже и глубже. А когда крик девы прозвучал криком женщины, растаял мираж.

Анна лежала на траве. Локоны ее трепал ветер, глумились над платьем тени. Оно обрывками пало на траву, впитавшее страсть. Капли крови багровели на нем.

— Люмьен! — позвала Анна.

Тишина.

— Где ты, любимый?!.

Теперь ей ответило эхо.

* * *

Огромный костер. Пламя взмывалось к небу, рассыпая тысячи искр. Анна все сожгла: и платья, и шали. Она решила навсегда убить Анну Де Лосе.

— Теперь меня зовут Анастасия!

Отец и мать ее были разгневаны. Никто прежде из их рода не отрекался от имени. Воля дочери стала для родителей горькой. Но корить ее за выбор и угнетать они не стали. Анна сама избрала свой путь.

Она явилась к мастерам и, отдав им перстни и жемчуг, просила выковать доспехи. Тяжелый меч ей стал дороже книг, жажда битвы — слаще материнства. Анастасия не ждала венчания, как ждали сестры. После ночи с Люмьеном, она прокляла эту мысль. Под маской любви явился к ней жестокий обман.

Ночами Анастасия молилась. Пророчество, донесенное Виргилией, звучало вновь в памяти. Она знала, что когда-нибудь прибудет войско и позовет ее. И пополнит женщина отряд, идущий первым, проливая кровь. Анастасия готовилась к битве. Она училась владеть мечом, словно зеркалом — легко. На бумаге писала думы, писала кровью.

— Ты еще любишь нас? — однажды спросил Арманд у дочери.

— Да, отец, но любовь для меня — прошлое! — Анна вышла, опустив глаза.

Впервые ей хотелось плакать.

Утром семья Де Лосе покинула дом. Родители решили оставить селение и перебраться в Тулузу. Жить в городе теперь стало безопаснее. Анастасия не вышла проститься. Она заперлась у себя, предаваясь чтению собственных од. «Я должна поговорить с ведьмой...» — решила она.

Виргилия жила у болота. Ветхий дом с осевшей крышей издали напоминал холм. Только слабый огонек, светящийся в окне, выдавал его тайну. Ведьма ожидала ее. Она отворила двери, любезно улыбаясь, но выглядела взволнованной.

— Я пришла за советом, — сказала Анастасия.

— Нет! Ибо ты не стоишь его!

Виргилия погасила свечу. Желтые отблески, подаренные луной, дрожали на стенах. Мерцали звезды.

— Ты продалась за усладу, изменница! Я презираю тебя.

Анастасия обнажила меч. Слова, сказанные ведьмой, обожгли ее, подобно пламени.

— Я согрешила, но пройдя это, обрела силу. Я готова идти в бой, защищая свой народ и Францию. Поверь мне!

— Ты недостойна...

— Тогда и ты недостойна... Если так, то мы все не достойны. Люди грешны!

Она вышла к подножию ночи, как слепая волчица. Теперь все было иначе!

Утром к ней явился человек. Называя себя вестником, он передал ей волю Антония, возглавлявшего орден Тьмы. Их войско еще не прибыло, только небольшой отряд, сопровождающий магистра. Вестник сказал:

— Анна Де Лосе, мы искали тебя! Ты — единая женщина, посвященная в таинство, ты — сила. Выступи за нас, и тебе уготован трон поодаль Антония. Такова воля!

Анастасия выслушала его. Левая рука протянула вестнику чашу, полную вина, правая — коснулась меча.

— Испей со мной хмель виноградовый и скажи, куда мне идти, если решу покориться вам? — она опустила глаза, подобно скромнице. Он же пригубил напой, благодарно склоняясь, и отдал ей карту.

— Здесь указан путь.

В этот миг подняла она меч — и дрогнула плоть его под лезвием. Раскромсала Анастасия врага, увенчав казнь свою словами:

— Имя мое Анастасия!.. Анастасия Де Лосе шлет проклятие каждому из вас!

Она обезглавила вестника. Тело предала земле, а голову положила в мешок.

На карте было указано, что разместился отряд в огромной башне, севернее Тулузы. Там и Антоний.

Заходило солнце. Она ступила к вратам, глядя вверх. Башня была высокой, с черными окнами. По стенам ее вился плющ.

— Отворите врата, ибо пришла я по призыву магистра! — крикнула Анастасия.

Четыре воина вышли к ней, облаченные в красное. Они спросили, где вестник, и почему не сопровождает ее. Она же ничего не ответила, только бросила им мешок под ноги. Один из воинов поднял его, и увидели все окровавленный лик. Ужас поразил их.

— Отдайте эту голову Антонию и мою ненависть! — сказала Анастасия.

Она оседлала коня и умчалась прочь. Странные мысли овладевали ей: «Мне уже все равно: любима я или проклята. Каждый рассвет ожидаю так же, как закат. Все вокруг имеет смысл — любовь, ненависть, вера, но для меня больший смысл в борьбе. Я рождена воином. Нет, ни женой и ни девой, а воином!»

Домой примчалась на рассвете. Было холодно. Майское утро исходило туманами, словно осенью. Застывала на листьях роса.

Анастасия вошла в каминную, обрушив на пол одежду. Затрещали в огне поленья. Она смотрела на пламя и пила вино, как распутница. Жадный хмель овладевал ею, возрождая в памяти ночь. Ночь, в которой было столько страсти, сколько соли хранит океан. И вспомнила она его губы, манящие оставить невинность. Тихо позвала его:

— Люмьен...

Вновь тишина.

* * *

— Проснись! Уже сумерки!

Анастасия открыла глаза. Над ней, зажигая свечу, стояла ведьма. Она приказала ей встать, одеться, и быть готовой к прибытию всадника.

— Прости меня, Анна, за брань мою, ибо в вере твоей, усомнившись, сама не верила!

Под куполом звезд, где теряется ветер, засыпали равнины. Светила луна, но свет ее озарял лишь одно поле — поле сражения. Тысячная армия солнца двинулась справа. Слева наступали тираны. Антоний мчался первым, вознося над собою знамя. Одна только мысль ласкала его, как вонзит он смертельное жало в сердце Де Лосе.

— Прахом станешь, пищей демонов! — цедил сквозь зубы проклятия.

Качнулась твердь, и смешалось черное с белым, убивая друг друга. Там, где цвела весна травами, окропилась кровью. Рвали тугую высь легкие стрелы, настигая цель. Падали под копьями лошади.

Анастасия двинулась к знамени. Антоний преградил ей дорогу.

— Тебе отдавали трон, а ты предпочла ему гибель, — крикнул магистр, взмахивая мечом. Задрожало сердце, и хлынула кровь на холодные звенья кальчуги. Но не смертельной была рана, и устояла она, распиная гнев его словами:

— Трон твой для нечести. Люди свободны!

Вновь пожелал Антоний вознести острие, но застыл, сраженный. Неведомый воин явился к ней, дабы спасти от гибели. Лицо его закрывал шлем.

— Дай же Бог тебе силы за помощь эту, — прошептала она, склоняясь.

Человек, спасший ее, был так близко. И когда освободил он лицо, узнала Анастасия в нем искусителя.

— Я люблю тебя! — поклялся Люмьен.

Руки их сомкнулись. Анастасия уничтожила знамя, а вместе с ним и силу черную.

В этой великой войне одержал победу Орден Солнца. Многие были убиты, но пали гордо за свободную Францию, а живые — вознаграждены щедро Господом.

БАРЫС ЛЕВІН

Художественное произведение — как кнопка на стуле: не для того чтобы уколоть, а чтобы расшевелить.

Освоил письменность три года назад, когда количество знаний о жизни перевесило качество мыслей. И вот — не могу остановить это соревнование ума и чувства...

РАССКАЗЫ

РАССТРЕЛЯТЬ!

По вечерам вся жизнь в квартире одинокой пенсионерки сосредотачивалась у телевизора. Это раньше, при царе Горохе новости можно было узнать только от коллег на работе, от соседок. Конечно, было и радио, но не сидеть же всю жизнь на кухне у «точки». А читать тогда газеты работающей женщине было некогда. Телефон — тоже связь с миром. Но много ли назвонишь? А сейчас и дорого! Особенно — сыну в другой город.

Но теперь, слава Богу, то есть прогрессу — живем в век электроники, есть телевизор. И не просто новости, фильмы, а и передачи довольно интересные показывают!

Как раз начиналась ее любимая передача «Встать, суд идет!» И что на этот раз покажут, кого судить будут? За что?

Женщина давно сделала все свои обычные домашние дела, поужинала, помыла посуду. Мыть-то было не так уж и много, как, впрочем, и ужин особым разнообразием не отличался.

Известный телеведущий объяснял правила телевизионного суда. Это в простом суде — там судья и два заседателя. Даже, если и показывать такой обыкновенный суд на всю страну и сопредельные страны, то ничего в этом особенного. А вот в телесуде, хоть и судили настоящих преступников, но не только судьи, а и все присуствующие в студии-зале. И главное — телезрители тоже имели право голоса. Что как раз и привлекало. Их мнение определялось количеством звонков по телефонам, установленным в студии…

А много ли надо пенсионерке на ужин? Совсем немного. Да ей много и не хотелось, привыкла уже. Сын-бизнесмен мог бы и помочь, но тревожить его она не хотела. Занятый, не дозвонишься, да и дорого. К тому же — домой ему звонить было неприятно. Слышать от невестки, что, мол, сама виновата — сама выбирала себе такую жизнь… А ему там и в голову не придет... ведь по телевизору говорят, что все хорошо.

Наконец вывели подсудимого в маске. Можно было и не объяснять, и так понятно: маска — для объективности суда. А то попадется какой-нибудь красавец-маньяк, так его еще, чего доброго,

оправдают зрители, а невинного урода, наоборот, засудят. Маска заодно и голос искажает до неузнаваемости.

Ага, сегодня судят не маньяка, не взяточника, не мафиози и не алиментщика. Очень актуально — неплательщика налогов. Ого, сколько наворовал! Не заплатил, значит то же, что и украл. Можете и не объяснять: все, что этот гад недоплатил — это недополученные пенсии, зарплаты учителям и врачам. Ну, врачи и учителя еще и подработать могут, да и подарки, хоть иногда, им дают благодарные родители и больные. А что делать нам, пенсионерам?

Телевизионного преступника она уже ненавидела. Да и по всему видно было — виноват. Он и сам своим противным искаженным голоском не только не отрицал свою вину, но, наоборот (вот нахал!), оправдывал. Она даже слушать не хотела, ушла за чаем в кухню. Но противный голос доставал ее и там. Мол, были бы налоги не такими большими, все бы платили... Мол, много идет на взятки всяким чиновникам, которых развелось... Мол, много бандитам и милиции платит за охрану друг от друга… Она это и так знала. От сына. От его друзей. От невестки, которая ее попрекает… Все так работают. Но, чтобы так много наворовать! Это уж слишком!.. Расстрелять его мало!

Со стаканом чая в мельхиоровом подстаканнике в одной руке и с карамелькой в другой она удобно устроилась в кресле, положила руки на вытертые подлокотники.

Никогда еще она не звонила в студию. «Сегодня, сейчас… Лучше с сыном на минуту меньше поговорю…»

Наконец на экране появились номера телефонов. Этот — «тюрьма и конфискация», этот — «высшая мера». Хорошо, какая-то бабуся в студии крикнула: «Расстрелять его мало!» — вот и включили ее «предложение» в список.

Надо успеть, пока не закончилась передача, чтобы и ее голос был услышан. Еще и телефон, как назло, барахлит, а на новый денег не хватает. Из-за таких. «Ну, я ему сейчас устрою правосудие! Надолго запомнит!»

Последняя цифра номера телефона с «высшей мерой» никак не набиралась.

Припомнила, как отец рассказывал, что в его молодости вот так же осуждали таких же врагов народа, но только на собраниях

трудовых коллективов. Кричали: «Смерть, бешеным псам!». Но уже потом, окончательно, суд вершила «тройка».

То ли дело сейчас, в век прогресса. Сидишь в мягком кресле, набираешь номер, и этому подонку — хана. И не коллектив — вся страна участвует. И кричать не надо, все интеллигентно — тихо, чисто, культурно…

Попробовала набрать номер телефона с «тюрьмой» — получилось, но тут же нажала на рычаг. Еще раз — «высшую». Вышло! Секунда соединения. И короткие гудки. «Все, голубчик, не отвертишься! Поезд ушел! Раньше надо было думать, когда воровал у таких, как я, у меня…»

Допила спокойно чай, опять вышла на кухню, бросила бумажку от карамельки в ведро, вымыла стакан, вытерла руки. Вернулась. А он, обреченный, все еще чего-то доказывает. Не он виноват, мол, система такая…

Наконец-то на экране компьютер высветил окончательные результаты телефонного голосования-приговора: большинство выбрало «тюрьму». Да и то, какое это большинство! Чуть больше половины… Зрители в студии — тоже. И суд — тоже. Как сговорились. Никакой справедливости!

Захотелось даже выключить телевизор, тем более, после передачи «Встать, суд идет!» ничего интересного по программе не было. Встала, подошла к телевизору…

Но вдруг этот ворюга, нет, чтобы радоваться, что легко отделался, вскочил, что-то стал кричать, сорвал маску, с укором посмотрел прямо в камеру.

Увидев его лицо, пожилая женщина вскрикнула. В голове застучало, все потемнело. Схватившись за сердце одной рукой, второй пыталась нащупать опору, но не найдя ее, осела на пол.

С экрана на нее смотрел ее сын.

В ТУННЕЛЕ

Иван Иванович Иванов, так назовем нашего героя, попал в передрягу на пустом, можно сказать, месте. Хотя нет — место было довольно-таки бойким: метро.

Еще можно было бы понять, если бы в давке Иван Иванович упал на рельсы, толпой придавленный к пустоте. Или подвернул

ногу в коварной щели между платформой и вагоном — толпа несет, не спрашивая разрешения у чьих-то нерасторопных ног.

Обидно было именно то, что все случилось по собственной глупости, да и оказался он, как говорится, не в том месте и не в то время.

Ну, место-то не виновато. Но как раз какой-то доли секунды Ивану Ивановичу и не хватило, чтобы впрыгнуть с разбегу в закрывающиеся двери вагона. Это молодые щемятся изо всех сил, раздвигая створки. Иванов просто отпрянул. А вот его безмозглая, на длинном ремне сумка типа «выхожу один я на дорогу» продолжила заданное хозяином стремительное движение и влетела в вагон. Дверь захлопнулась. Неважно, что было в сумке, какова ее ценность, принцип — есть принцип: «Врагу ни пяди своей собственности!»

Поезд тронулся. Иванов машинально схватился за поручни, на которые до этого никогда не обращал внимания. Ноги побежали сами. Когда бежать стало не по чем, ноги также как-то сами собой нашли опору на стенке мчащегося вагона. Какое никакое, а все-таки облегчение, можно сказать, комфорт…

Вначале было страшно. Грохот и тряска размазывали душу по тоннелю. Казалось, ветер выдувает мозги. Закрыть уши было нечем. Голова, как флюгер, повернулась затылком вперед, нос соответственно указывал на «голову хвоста поезда». Уши ветром придавило к щекам, и мозгам стало полегче.

То, что раньше Иванову изнутри вагона за таким безопасным стеклом казалось сплошной черной стеной, предстало вблизи несущимися со страшной скоростью ужасными кронштейнами, крюками со змеящимися по ним кабелями, трубами, проводами. От страха хотелось бежать. Но куда? Шаг в сторону, в пропасть — и смерть. Ненасытные крюки и кронштейны только и ждут его роковой ошибки. Да, если бы и попытался Иван Иванович не держаться, то не смог бы даже оторваться от вагона. Руки, рефлекторно сжимающие спасительные поручни, не стали бы его слушать. Волей-неволей пришлось привыкать к такой опасной жизни.

Как бы не было тяжело человеку, он ко всему приспосабливается. Освоился со своим положением и Иванов. Потихоньку стал обживать занятое пространство. Первым делом

осмотрелся. Однообразный, серый, монотонный, расплывающийся на ходу пейзаж тоннеля не мог конкурировать со спокойной, светлой, яркой, разнообразной, можно сказать, цивилизованной жизнью внутри вагона. За толстым стеклом не было грохота — видно было, как люди спокойно разговаривали и даже шептались. Там не было ураганов-катаклизмов — только слабые, легкие, освежающие сквознячки. Там был теплый, яркий, мягкий свет. Тут — серость и темнота. Одежда Иванова на ветру истрепалась, запачкалась о стены тоннеля, а там — все чисто и аккуратно одеты. Тут — запах пыли и канализации. Там — аромат духов, дезодорантов и освежающих конфет. Тут — без поручней не обойтись. Там — пожалуйста, стой — как хочешь на ровном, широком, надежном полу: каждый сам себе хозяин. Тут — борьба за выживание, и не на жизнь, а на смерть. Там — спокойная, размеренная жизнь, даже не жизнь, а праздник! Тут — ледяное одиночество. Там — пассажирское братство. Пусть и до первой остановки…

А вот и остановка. Наконец-то! Мрак туннеля неожиданно сменился на яркий свет перрона. Поезд нехотя остановился. Двери лениво открылись.

Иванов попытался оторваться от родной вагонной стенки, освободиться от поручней, поставить ноги на мраморный пол перрона… Но, о ужас! Руки-ноги не слушались. Застывший, проветрившийся мозг не сопротивлялся...

Кто-то сочувственно пытался ему помочь: отрывали пальцы, оттягивали за плечи, говорили что-то ласковое, жалели. Но, что делать?.. Жизнь продолжалась, надо было выходить и входить. Под руками Иван Иваныча туда-сюда прошмыгивали люди.

Надежда на освобождение так же быстро и неожиданно погасла, как и свет: двери вновь закрылись, поезд тронулся, вошел в темный туннель.

Жизнь понеслась по привычной колее…

ЕСТЬ КОНТАКТ!

— Эй, отвали! — слышно слева.

— Куда прешь?!. — грохочет справа.

— Ну, ты, шляпа! — совсем уж в наглую — прямо в глаза.

— А ты кто такой? — грозно — сверху.

— Придурок, — вполне искренне, вполголоса — из-за спины.

И даже — снизу, нерешительно, но твердо:

— Не твое дело...

И так — отовсюду, изо дня в день.

Тонкая душа Аркадия не справлялась с наваливающимися со всех сторон грубостью и хамством, невоспитанностью и черствостью. Парень страдал, не находя из этой темноты выхода. Была, правда, в его жизни и небольшая отдушина. Это — книги. В них даже грубость литературных героев, неприглядность их действий, диктуемые сюжетом, будучи ничуть не лучше омерзительной реальной жизни, все же, как правило, компенсировались прекрасным, не засоренным грубостями литературным языком.

Если уж книжный герой куда-то и шел, то он «продвигался» или даже «прошествовал», но не «пёр» и не «валил». Если ел, то «кушал», а не «жрал» и не «хавал».

Так хотелось и в реальной жизни слышать нормальные, красивые слова! В одной книге Аркадий прочитал: чтобы изменить мир, надо начать с себя. Верно, если сам буду говорить красивые слова, то и другие люди в ответ сделают то же самое.

— Будьте добры, окажите любезность, если вас не затруднит, пожалуйста, передайте талончик прокомпостировать, я вам буду весьма, весьма признателен. Большое спасибо.

В ответ было гробовое молчание. Обратно дырочки в обрамлении талончика передавали с угрожающим, злобным молчанием поверх угрюмо настороженного плеча. Вот так: совершенно внимание не обращали на культурные слова. А вот, если бы им кто-либо нагрубил, нетактично задел как-нибудь, то обязательно, словно по команде, все обернулись бы и мгновенно выпалили хором: «Сам такой!»

И опять — одно и то же, изо дня в день: он — «здрассьте», ему — «пошел вон», он — «пожалуйста», ему — «козел»...

Но все равно надо было что-то делать, чтобы изменить мир в лучшую, более безопасную сторону. Аркадий решился.

— Ай! Ай! Паскуда! Куда прешь, падла! Не видишь — моя нога, гад, — запрыгал на левой ноге пассажир, сосед Аркадия.

Если бы тот только знал, да, хотя бы заподозрил, что этот невзрачный шкет совсем не случайно, а осознанно, изо всех сил наступил, чуть ли не прыгнул всем телом на его бедную правую ножку, убил бы сразу, а так это удовольствие — разрядить свою

злость в кого-нибудь — можно было растянуть по времени и словарному запасу. Но Аркадий неожиданно прервал его в самом начале. Пусть ругается, переходя на мат, но ведь смотрит, причем неотступно прямо в глаза, нисколько небезразличен, готов к контакту, настежь открыт для красивых, хороших слов...

— Пожалуйста, извините меня за мою неловкость, будьте любезны, обопритесь на мое плечо — я весь в вашем распоряжении... Я так виноват перед вами — чем я могу вам помочь? Извините, извините, извините...

— Падла, падла, падла, заткнись! Ай! Ай!

— Великодушно простите, что был так неосторожен. Прошу, поверьте, это не повторится. Я так виноват перед вами...

— Издеваешься, гад! Ай! Ай!.. Не повторится, говоришь, козел? А вот и повторится! — и со всего маху, подтянувшись руками за поручни, здоровой, нетронутой Аркадием ногой — бац! — на бедную ножку Аркадия.

Контакт, с таким трудом начавший было наконец-то налаживаться между Аркадием и внешним миром, вдруг с болью раскололся, рассыпался на множество сверкающих в глазах искр.

— Ай! Ай! Ай!.. — заверещал Аркадий. — Падла, падла, козел, паскуда, гад, сука! Ай! Ай!..

Нет, Аркадий не ошибся — контакт был полный.

ПЕПЕЛЬНИЦА

Сказано же давным-давно, что хороший писатель, но только очень хороший, то есть писатель до самого мозга своих костей может написать рассказ о чем угодно, и это будет интересно читать — да, хотя бы о пепельнице.

Пепельница, так пепельница, решил проверить себя начинающий писатель Борис Левин. Куда проще — пепельница? Вот если бы надо было поведать увлекательную историю пылинки, осевшей невесть откуда на покатую поверхность этой самой штуковины... И как она, интересно, на отвесной стенке держится? Какими такими лапками? А-а, это же остатки пепла от затушенной сигареты! Придавили — сидит и не шевелится.

А кто придавил? Наверное, нервный человек. Курил, чтобы успокоиться. Давил сигареты о пепельницу, и ему становилось легче на душе. Это только рациональные до дурости японцы для

нервной разрядки резиновую куклу, изображающую начальника, дубиной бьют. А во всем остальном мире — мире заходящего солнца — назло всем сами себя дымом отравляют. Ну, и пепельницам слегка достается. Но, что им, неживым-то? Вот, если бы...

Раннее утро. Переходное время, когда утомившаяся ночь уже засыпает, а отдохнувшие люди еще не проснулись. А вот пепельница наравне с другими комнатными вещами уже бодрствует. Только они продрали глаза, и давай ревновать друг к другу. Каждая вещь считает себя наиважнейшей. От спора наконец-то проснулся их единственный слуга.

Да, в комнате с вещами еще жил один работник. Недавно от него почему-то ушла помощница, ну, жена — то есть. А ведь она была не в пример ему очень хорошей служанкой всем-всем вещам, практически не делая между ними разницы. И убирала за ними, и кого надо мыла, и стирала, а любимчиков даже гладила. Этот же лентяй только тропинки протоптал от холодильника к унитазу, и от унитаза — к телевизору с диваном. И все. Ни шагу в сторону. До какой вещи рука дотянулась, той, считай, повезло. Остальные от покрывшей их пыли и сигаретного дыма день-деньской только и чихают.

Чиркнув спичкой, проснувшийся слуга прервал бессмысленный спор вещей. Все с уважением и завистью посмотрели на пузатую пепельницу. Та зарделась от всеобщего внимания и тут же еще больше надулась от собственной значимости. К пытке сигаретами она привыкла, а вот от власти над человеком каждый раз испытывала блаженство.

— Ступай на кухню, — приказала она.

Человек бережно, как тарелку с супом, взял пепельницу и послушно отнес ее, куда было велено. Там он докурил сигарету, чтобы ее останками подкормить хозяйку, а заодно сделал и себе завтрак.

Весь день пепельница промаялась одна, без слуги. Другие вещи были не в лучшем положении. Даже тапки — вездесущие скороходы — остались без дела.

Вечером, изголодавшаяся за день, пепельница снова взяла власть в свои руки. Слуга ни на минуту не отходил от нее, подкармливая разогретым в сигарете пеплом...

«Нет, не получается рассказ, — перечитав незамысловатое жизнеописание безликой пепельницы, заключил начинающий

писатель Борис Левин. — Вот, если бы написать о летающей пепельнице, перевозящей от планеты к планете важную информацию, закодированную в частицах пепла. НЛО, или снежный человек, или «несси», или мутанты, ну, на худой конец, клоны — взволнуют читателя, поскольку все это весьма для него опасно. А — дура-пепельница, беззаботно живущая в обыкновенной квартире? Может быть, стоит убить кого-нибудь этой вещицей? Следы запекшейся крови... Заразившаяся СПИДом пепельница... Б-р-р... Секс с пепельницей... На столе... А что — сигарета и пепельница: торк в пепельницу — затяжка, торк — затяжка. Типа — оргазм... Нет, сейчас наимоднейше — о борьбе добра со злом... Коварная пепельница своим полированным боком соблазняет наивного и доверчивого паиньку-человека, и он тянется к сигарете, к бутылке, к женщине... Нет, и это все уже было, было: Библия, Фауст — «Быть или не быть...»

— Ну, ты, писака, — сквозь шум мыслей донеслось со стола. — Я уже час тут ору! Долго мне ждать продолжения?! Мы с моим слугой не знаем, что нам дальше делать — давай пиши! Только, чур, о тапках больше ни слова. И прошу тебя — не думай ни о каких читателях. Главное, чтобы мне было интересно жить. Понял?

— Ну и ну! Стоит только дать жизнь пусть и самому захудалому герою повествования, смотришь, а он уже командует. Не он тебе, ты — ему служишь. А зачем же, вы думаете, о пепельнице пришлось писать? Писатель надеялся хоть тут — над вещью-то! — повластвовать. Не вышло... Но кое-что, скажу вам по секрету — по секрету от пепельницы — по силам и писателю. Ну, пепельница, держись!..

Сегодня слуга, судя по пропитавшему его спиртному запаху, получил зарплату. Да еще с собой бутылочку приволок. Хорошо хоть никого не привел. А то ведь во время дружеских бесед бывало смахнут локтем на пыльный пол то рюмку, то тарелку, а то и ее саму — пепельницу...

Пепельница привычно наслаждалась безраздельной, как ей казалось, властью, покрикивая в нужный момент на слугу:

— Закуривай!

— Стряхивай!

— Затуши!

— Закуривай!..

Но с каждой выпитой рюмкой слуга становился все менее исполнительным. Закуривать-то он послушно закуривал, но не всегда стряхивал пепел в пепельницу и совсем перестал гасить «бычки». А на просьбу отнести к дивану, раз уж взял туда сигарету и спички, ответил безразличным мычанием. Покачиваясь, слуга добрел до дивана, рухнул на него, не раздевшись, чиркнул спичкой и блаженно затянулся.

— Ну, погоди, я тебе это припомню, — пригрозила со стола пепельница, покинутая взбунтовавшимся слугой.

«Не желай зла другому» — попытался вдолбить нравоучение, ну, совсем уж безмозглой пепельнице начинающий писатель Борис Левин. Но у вещей-то нет нравственности. Может быть, потому что они частенько живут намного дольше людей. А пепельницы, так те вообще бессмертные. Это только люди выбрали Добро и Зло в ущерб Вечности. Правда, Бог их Вечностью и не искушал...

Но наша пепельница никаких нравоучений и не могла слышать из-за храпа слуги.

А сигарета между тем уже вывалилась из угла его рта. Пепельница ревниво проследила ее короткий лебединый полет на подушку. Через несколько минут комнату заволокло едким, неприятным дымом, не похожим на родной сигаретный и напоминающим запах тысячи застарелых «бычков».

Слуга быстро утонул в нем. Лишь отрывистый храп напоминал о жизни во Вселенной. Храп резко прекратился, зато со стороны дивана сквозь дым блеснуло пламя.

Пепельница впервые в жизни задумалась о вечности. А когда огонь добрался и до нее, ей открылось, что понятия «добро» и «зло» — не такие уж бессмысленные игрушки глупых, ковыряющихся в себе слуг...

Начинающий писатель Борис Левин облегченно вздохнул: есть сюжет, есть мораль и даже некая интригующая незавершенность...

А в это время, спасенная пожарными пепельница, заботливо очищенная от сажи этими новыми своими слугами, быстро освоившись на незнакомом столе в пожарной части, поблескивая боками, злобно строчила анонимку на начинающего писателя Бориса Левина.

ЮРЫЙ МЕЛЬНІКАЎ

Беларуская літаратура — каштоўны духоўны скарб, што напаўняецца гучаннем паэзіі, мудрасцю прозы, глыбінёй публіцыстыкі, справядлівасцю крытыкі, адметнасцю драматургіі...

Шукайце, знаходзьце, выхоўвайце таленты зямлі беларускай. Веру, што ні пры якіх складанасцях жыцця не перасохнуць ручаі натхнення ў душах творцаў.

Юрый Мельнікаў

РЭКВІЕМ

Памяці С.А. Кныша

Забірае смерць
настаўнікаў лепшых,
яны не схілялі галовы
на перадавой жыцця.
Пакідае гаротнымі ўдоў, дзетак,
адчайна адзінокімі сяброў верных.
Не згасае сардэчны боль векапомны,
ліюцца горкія слёзы,
не сціхае бяды навала чорная,
у журботнай імгле бярозы.
Насуперак нашай волі
круцяцца пакутаў жорны.
Не забудзем ніколі
сціпласці дапамогу —
святую лёсу дарогу
педагогаў ад Бога.

МАЁЙ КАХАНАЙ

Каханне ў часе — бясконцае.
Неабсяжнае — у прасторы:
ні мытні не мае, ні мяжы...
Прыносіць задавальненне душы.
Пачуццяў спагадай свецяць зоры,
з даверам служыць сонца —
тайны хлопца і дзяўчыны
свята ахоўвае ў начы.
Яно зберагае ад здрады,
дзе ласкавыя памкненні
хвалююць адно аднаго.
Пры бедах дасць рады,
цікавасць не губляе да ўсяго.
Мая любая, не забывай радкоў
вясёлую асалоду,
спаканняў свабоду,

таго, хто дзеля шчасця
на рызыку гатоў...

СПЯШАЮСЯ ДА КАХАНАЙ

1

Веру ў каханай існасць,
душы ласкавую празрыстасць,
сэрца таямнічую пекнасць,
дзе думак няма двaістасці,
не паўзе вужакаю чэрствасць,
дзе з вясёлкай грае ісціна.

2

Беражэм ад здрады
незабыўныя спатканні.
Застаемся рады
жыццю ўдаламу,
што дзень саграваe,
ухваляе світанне,
шчасцю не замінае.
Хутка вечарэе...
Спяшаюся да каханай.

ДУМКІ ЎГОЛАС

Пераажыць горыч адзіноты,
адалець балючыя нягоды,
перамагчы сілу глупства,
несправядлівасці грымоты,
часовага начальства дурноты,
не захварэць на сухоты...
Чаго жадаць болей —
кахання, міру, згоды,
душы сонечнага надвор’я?

* * *

Даверу вершу сэрца натхнёнае,
у якім агонь кахання не згасае.
Даверу песні душу неспакойную,
бунтарнасць адчайную —
не дзеля гучнай славы
ці марнае забавы.
Даверу — на карысць растаптанае,
разрабаванае Айчыны,
як матулі родны сын...

НОВЫЯ АХВЯРЫ

Рэжуць сатыру кінжаламі.
Гумар — мясніка сякераю.
З каранямі вынішчаюць праўду.
Раскошна красуе бязвер’е.

На думкі вясёлыя —
паляванне з рання да рання.
Нервы трэба — сталёвыя,
каб абмінуць катаванне.

На шчырае слова —
хлусаў забарона.
Спакою няма дома
ад ураднікаў без пагонаў.

ДУМКІ ЗАКАХАНЫХ

Зайграе сонца промнямі,
заспявае вясна рамансы.
Закружымся ў белым танцы,
што не разлучыць лёсы ніколі.

Праз гады, дзесяцігоддзі
пранясем агонь дабрыні.

Зажывем весела і ў згодзе
насуперак сілам імглы.

ПРЫЗНАННЕ

Пакласці сэрца на алтар любові,
прысягнуць на шчырасці святой,
убачыць свет без кпінаў і войнаў,
абмінуць рыфы гора —
вось мрояў запаветных ніць
трымаюць у храме хлопец і дзяўчына,
якім шчасце і дабро тварыць
адзінай Боскаю сям'ёй.

ЗАГАДКА

Пачатак канца ці канец пачатку —
філасофіі цяжкая загадка.
Няма тут думкі адзінай —
трымайся залатой серадзіны.

* * *

Які неразумны час!
Адмоўныя героі
хуткаю хадою
праступаюць на Парнас.

А мы — маўчым, ні гуку;
апусцілі рукі...
Дакуль жа цярпець нам
такі бедлам?!.

ЖАРТАМ ПРА СУР'ЁЗНАЕ

Свабода слова, свабода слова...
Каму — радасць, каму — пакуты:

дэмагогаў нудны рой
збавіўся ад маральных путаў —
разбаўляюць думкі з муццю-вадой.
Чэшуць дзядзькі языкамі —
стогне ад напругі прэса...
І недалёка той час, калі дзверы з завесаў
势ануць злятаць пад вокрык:
— Пройдзем, грамадзянін, з намі!

АКРАВЕРШ

Тваёй усмешцы жытнёвай
анёл прынясе пярсцёнкі ружовыя;
няхай сон убачыць высокія зоры —
я сустрэну цябе на райскім парозе.

ПЫТАННІ Й АДКАЗЫ

— Ад чаго сэрцу адзінока?
Чаму жорсткі ў кахання лёс?
— Сурочыла закаханых д’яблава вока,
шчасце ён вашае знёс.

— Дзе ж той, наш імгненны вальс,
пасля якога — забыццё?
— Узлёт асалоды мінае вас,
бо д’ябал курочыць жыццё.

— Чаму ў пачуццях — падман?
У радасці — колер чорны?
— Кахання вашага акіян
выпіў д’ябал пячорны.

* * *

Нядоляй не спалоханы,
няволяй не ўтаймаваны,

з надзеяй заяўляю:
— Жыву я для каханай.

РАЗВАГІ ПРА КАХАННЕ

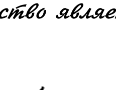
Каханне — мара.
Каханне — ява.
Каханне — сон.
Каханне — з’ява,
светлых думак унісон.

Перад каханнем — роўныя
і хітры кароль,
і здатны салдат,
і разважлівы творца-мастак...
Ці ж гэта не так?

ЮЛІЯ МІКАЛАЕНКАВА

Моя поэзия – зеркальное отражение моей души. Мне помогает она обрести духовное освобождение. Я, как птица, вырываюсь из большой железной клетки, разбивая мощные оковы...

В настоящее время творчество является неотъемлемой частью моей жизни.



СВЕТ ЖИЗНИ

Вот опять мою душу сдавили тиски,
я продрогшими пальцами трогаю веки.
Злая смерть, так твоей я хотела руки,
но сегодня с тобою простилась навеки.

Я увидела свет и смогла ощутить
золоченую грань между мной и тобою.
Не хочу умирать... Снова хочется жить,
в чернокрылой тиши загораясь звездою.

* * *

Ты уже не со мною,
но я ощущаю тебя,
и души моей голос
опять переходит на крик.
На пылинки похожие
искорки чувств,
в мириады каралловых звезд
превращаются вмиг.

Соберу я все звезды,
и они засияют в душе,
загоряться, как прежде,
пунцовые чувства мои...
Стихотворной строфою
из звездных каралловых букв
засверкают в ночной тишине
признанья в любви.

ЧЕРНАЯ СОВА

Я — дерево без листье и цветков,
с ветвями и сухим стволом огромным.
Моя душа — глубокое дупло,
покрывшееся мхом пушистым, черным.

На черном дне глубокого дупла
тихонько, незаметно притаившись,
живет большая черная сова,
давно во мрак души моей влюбившись.

Живет в тиши, не зная о беде,
довольна своей жизнью очень скромной.
Наверно, не нуждается в воде
и пищею питается духовной.

Не знает ни забот и ни тревог
спокойная, задумчивая птица.
Ни возраста не помнит своего,
ни старости глубокой не боится.

— Не скучно ли всю жизнь одною быть? —
спросила у совы я мимолетно.
Подумав, мне сова сказала: — Нет.
Ведь я не одинока... И свободна.

ПРАВДА

Часто мы пытаемся от правды
спрятаться за тонкой занавеской.
Правда — желтовато-белый натфиль
с бархатной поверхностью без блеска.

Точит душу он — она страдает,
плачет, обагряясь жгучей кровью...
Правда с дерзновеньем и любовью
жаждет быть большим мечом духовным.

Если же отточена умело
натфилем до блеска золотого, —
любит только истинное дело,
любит только истинное слово.

ДУХОВНАЯ БОРЬБА

В кольчугу и каску из белого золота
я снова себя облачила.
Во мне пробудилась какая-то странная,
от духа рожденная сила.

В священных доспехах бояться мне нечего —
идет на меня мир войною.
Я — воин, триумфа великого жаждущий,
в борьбе между светом и тьмою.

ХИЩНЫЙ ЖУК

Большого жука я красивого вижу
на светлом прозрачном оконном стекле.
Своей золотисто-зеленой окраской
светящейся, манит меня он к себе.

Но если к нему прикоснусь на мгновенье —
он тоненьким жалом меня обожжет:
оно ведь острее драконного зуба,
хоть кровь из царапин и ран не течет.

Мне страшно смотреть на него слишком долго.
Мне страшно протягивать руки к нему.
Но я красотою его восхищаюсь —
люблю злого хищника я потому,

что он золотисто-зеленым сияньем
и ночь освещает, и призрачный день.
Он — гордый, отчаянный, ловкий и храбрый,
и жалом всегда попадает в мишень.

Как жук этот хищный, но все же красивый,
что может в полете настичь беглеца,
мне нравится злобное меткое слово
поэта, что жалит людские сердца.

Красиво оно, необычно, но жало
его горячо — никого не щадит.
Оно — жало правды, оно — голос сердца,
которое пламенем ярким горит.

ОДИНОЧЕСТВО

Светлые краски на небе погасли давно.
Черное масло и холст — начинается ночь.
Красные звезды-лампадки лишь греют ее:
тихой безмолвной тоски — одиночества дочь.

С нею вдвоем в тишине мы сидим и молчим,
кроме нее в этот миг мне не нужен никто.
Я погружаюсь в себя и пытаюсь уйти
в сонный прозрачный свой мир под названьем «Ничто».

КУКЛА

Вот на сцене опять появляешья
ты со свежим букетиком роз —
ярко-белая кукла атласная
с серой дымкой пушистых волос.
С бирюзой круглых глаз затуманенных,
с белым телом, скрывающим дрожь.
Ты вчера схоронила любимого,
а сегодня на сцене поешь.
Веселее, красавица-куколка,
воспевай ты любовь, красоту!
Ты на сцене — чтоб долго, без устали
веселиться у всех на виду.
Ты — живой человек, но для зрителей
ты всего лишь блестящий муляж.
Ты поешь и танцуешь, у публики
вызывая безумный кураж.
Танцевать рядом с черным прожектором
под овации, возгласы, смех,

глядя линзами глаз бирюзовыми
на людей, — суждено целый век
быстротечный тебе... Ведь артисткою
ты должна, ты — обязана быть:
улыбаться ликующей публике,
когда хочется плакать и выть.

КАМЕННЫЕ РУКИ

Для чего мне нужна пара каменных рук
с бело-желтыми ветками жил меловых?
Черпать воду хочу из глубоких морей
парой жестких, холодных ладоней больших.

Управлять голубым кораблем без руля,
и со дна жемчуга и плантон доставать.
Строить замки из горных зернистых песков
и букеты из звезд в небесах собирать.

И в косу из волос темно-русых, густых
золотистые лучики солнца вплетать...
Только где отыскать мне магический дар,
что сумел бы помочь мне всесильною стать?

Я молиться лишь Господу Богу могу,
чтоб железные цепи с души моей снял,
чтобы сделал он мощными руки мои,
и, зажатый в железо, мой дух расковал.

ЛЕТАРГИЧЕСКИЙ СОН

Это — похожий на смерть, летаргический сон.
Долог он... А кажется, что намного короче.
Плотно закрыты глаза, на душе у тебя —
черная аура: бархатный занавес ночи.

Ты обо всем забываешь — не помнишь себя,
и ощущать свою спящую душу не в силах.

Стало холодным, безжизненным тело твое;
сердце притихло, и кровь не пульсирует в жилах.

Рядом с тобой — неподвижная злобная тьма,
будто бы штора из бархатно-черного шелка...
Мир, что под веками, вместе с тобою уснул, —
выплыл в картины, лишенные здравого толка.

ДВА ИДОЛА

Вот взял ты темно-фиолетовый сапфир
и высек демона большого из него.
И взял бесцветный перламутровый сапфир
и высек ангела... Скульптуры высоко
решил повесить — под серый потолок...
Хотел, наверно, как птенцов учить летать?
А может, нацепил на ржавый гвоздь,
чтоб ночью сон свой беспокойный охранять?
А может, это все — для красоты?
А может, чтобы не стучалась в дом беда?..
Ты часто смотришь в потолок, хоть знаешь сам:
они в живых не воплотяться никогда.
Не смогут в дали голубые улететь,
украдкой ласково позвать тебя с собой...
Они всю вечность будут в спальне у тебя
висеть, как нимбы, над твоею головой.

ВЕРА МІХАЙЛАВА

В настоящее время заканчиваю учебу в Белорусском государственном экономическом университете, долгое время с удовольствием работала оператором пейджинговой компании, пытаясь совмещать личную и «общественную» жизнь с многочисленными интересами.

Когда меня спрашивают, есть ли у меня лирическая поэзия, я обычно предоставляю на суд читателя пару такого рода стихотворений, после чего, выслушав довольно тактичные рекомендации, с чистой совестью пишу в излюбленном «четверостишечном» стиле.

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ДУШИ

* * *

На спор всегда смотрите шире
и, как ни труден этот шаг,
зажгите первым трубку мира
и закопайте томагавк.

НЕНАВЯЗЧИВЫЙ СОВЕТ

Если ты подвластен лени,
жизнь бурлящую отверг,
жди ближайших изменений
после дождичка в четверг.

* * *

Хоть вы гроссмейстер не лихой
и опыт маловат,
не бойтесь жертвовать ладьей,
стремясь поставить мат.

Рискните — весь азарт в бою.
Не вам себя беречь!
Коль вы согласны на ничью,
игра не стоит свеч.

* * *

Спешите жить и обходить невзгоды,
спешите выбрать жребий свой и путь,
а ждать у моря нечего погоды —
погода тоже может обмануть.

* * *

Всегда в упрямстве берегись
переступить черту...
Барашков вспомни, что сошлись
на узеньком мосту.

* * *

Неумно сожалеть перед всеми,
будто годы умчались куда-то.
Понапрасну растрачено время —
проведите ж с умом хоть остаток.

* * *

Сила духа — очень много;
так держи, как жизнь ни зла:
встав на **левую** вдруг ногу,
курс — на **правые** дела.

* * *

Ты к зеркалу утром подходишь уныло
и видишь знакомую хмурую рожицу.
Скажи: «Красота — величайшая сила!»
Себе улыбнись — остальное приложится.

* * *

В безумный век средь ритма оголтелого
оставь свои претензии на счастье.
Гордись, теряя часть, спасеньем целого.
Без целого — будь рад спасенной части.

* * *

Признайтесь женщине на диво,
другим — на зависть, что она

до неприличного — красива,
до нелогичного — умна.

* * *

Век учись, живи умело,
ни пред чем не падай ниц,
сил своих познай пределы,
только выйдя из границ,

Будь упрямым, если надо,
и сражайся, словно лев.
Замечай, что есть преграды,
только их преодолев.

А вот счастья дух незримый
замечать умей не раз
не потом, промчавшись мимо,
а сегодня и сейчас.

* * *

Слова об успехах — пока еще лесть,
а силу свою я тогда обнаружу,
когда научусь принимать все, как есть,
и буду способна красиво сесть в лужу.

* * *

Тернист и труден жизни путь,
судьба всегда творит преграды:
ища, к примеру, что-нибудь,
всегда смотрю не там, где надо.

* * *

Когда хвалебную мне песнь
поют, смотрю вполне бесстрастно.

Я точно знаю: это лесть, —
но я во многом с ней согласна.

* * *

Язык мой — враг мой, злейший самый,
и если ждет меня могила,
то не за то, что много знала, —
за то, что много говорила.

* * *

Солидность мне в жизни почти не вредит,
серьезность всегда помогает, и все же
лишь стоит мне сделать задумчивый вид,
как тут же какую-то глупость сморожу.

* * *

Полна спокойствия, терпенья,
несу я груз невыносимый:
я жду прихода вдохновенья…
Ну вот — опять промчалось мимо.

* * *

Быть доброй, хорошей смогу без труда,
всем следовать буду советам,
но нужно, чтоб кто-то мне мог иногда
тактично напомнить об этом.

* * *

Моими поступками руководило
не то — в голове что, а то, что — в груди,

и столько я шансов уже упустила,
что глупо не верить, что все — впереди.

* * *

Моя мысль откровенно проста:
в этой жизни, без всяких сомнений,
не погубит меня доброта —
я скорее погибну от лени.

* * *

Мне до провидца далеко,
ведь интуиция — искусство.
На чувство юмора легко
махну свое шестое чувство.

* * *

Вокруг — безрассудство, азарт, кутерьма...
Пытаюсь сидеть, словно мумия,
но горе мое уже не от ума,
скорее — от благоразумия.

* * *

Политика, книги… И так — год за годом.
Историю я не сдала на «отлично»:
страдать надоело за судьбы народа —
пора наконец поразмыслить о личном.

* * *

Весь день в суете я по жизни порхаю:
заботы, дела — и ни дня в тишине.

А будет ли польза от них, хоть какая,
вот это, признаться, вопрос не ко мне.

* * *

Знакома с вами я не первый день.
Такая я, как есть, и без прикрас.
Прошу простить, но так меняться лень,
что проще убедить смириться вас.

* * *

Сейчас умышленно не верю дневникам,
когда же стану я забывчивой и старой,
своей фантазии простор и волю дам
и жизнь романтикой окрашу в мемуарах.

* * *

Я порою тактично смолчу,
и честна не по доброй я воле.
Я правдива лишь с тем, с кем хочу,
с кем могу себе это позволить.

* * *

Я ромашку сорву погадать,
за другой потянусь поневоле.
Что — не «любит»? Ну, вот… Ерунда!
Впереди еще целое поле!

* * *

Перед зеркалом я неспроста,
и в другом быть я месте могла бы,

только мир ведь спасет красота —
тут дела мирового масштаба.

* * *

Проделки двух Я мне терпеть суждено,
и в жизни от случая к случаю все же
плачу неизменно двойною ценой
за худшее Я… И за лучшее — тоже.

* * *

Когда б мой разум успевал
за словом без помех,
то ваших дней не продлевал
частенько б добрый смех.

* * *

Конфеты, торты, сладостью маня,
свирепствуют, да я и не в обиде:
пока худею с завтрашнего дня,
худой меня вам — знайте! — не увидеть.

* * *

Писать решила между строк,
да только муза — вот злодейка! —
все время под руку листок
сует то в клетку, то в линейку.

* * *

Копаюсь в себе, поминутно казня, —
работа, учеба, режим…

Прошу, защитите меня от меня —
я справлюсь со всем остальным.

* * *

Колеблюсь, решаюсь... Отбросив резон
порывом души характерным,
я делаю выбор — и все, чтобы он
впоследствии выглядел верным.

* * *

А жизнь ко мне по-прежнему добра,
ведь стала я спокойнее и чище,
и на день я моложе, чем вчера.
Не верите? Стареете, дружище.

* * *

Как этот дождь, — мои мечты,
которым я наивно внемлю,
летят с огромной высоты
и бьются вдребезги о землю.

Но я не жалуюсь на жизнь.
Когда терпенье на исходе,
разбившись, вновь стремятся ввысь —
круговорот воды в природе.

* * *

Без смущения и страха
все бросают мне упреки,
что ползу, как черепаха,
что трещу я, как сорока.
Что, как слон, спокойна часто.

Как змея, бываю гибкой...
Это мне — как зайцу ласты.
Это мне — как зонтик рыбке.
Вдруг, как лев, бросаюсь в драку.
Все, как вол, тяну на плечи...
То верна, но — как собака,
и от этого не легче.
Как осел, порой — упряма.
Вдруг — оденусь попугаем.
Хлопочу, как клуша-мама.
Как жираф, соображаю.
То, как еж, — вся на иголках.
То тружусь, как пчелка Майя…
Но совсем сбивает с толку:
— Человеком будь, родная!.

* * *

Позиция-то, кажется, простая,
но через день, неделю или год
тактично, незаметно **хату с краю**
жизнь **краем** потихоньку обойдет.

* * *

От лжи и зла, свершенных в краткий век,
пытаемся мы часто отрешиться,
но, как бы ни был ловок человек,
от тени-то своей ему не скрыться.

* * *

Вдруг вопреки пониманию,
принцип отбросив и страх,
в жизни, увы, за компанию
может жениться монах.

* * *

Практичность людям ставится в укор,
но в нашей жизни часто умный кто-то
считает: проще разобрать забор,
чем посмотреть, открыты ли ворота.

* * *

В жизни можно суетиться,
трын-траву косить игриво:
дело ж мастера боится,
коль он сам не из пугливых.

* * *

Гоняет сурово нас жизненный ветер,
нам воля нужна от навязчивых пут,
но знать очень важно, что где-то на свете
есть место, где все тебя любят и ждут.

* * *

Вдруг увидев злосчастный предел,
пессимисты заметят уныло:
к тем, на жизнь кто с улыбкой глядел,
философски и жизнь подходила.

* * *

По жизни путь всегда тернист.
Ступив на скользкую дорогу
и выжив, даже атеист
спасибо тихо скажет Богу.

* * *

Велик, кто в гуще многих дел
творил, что было сил,
не то, что мог и что хотел,
а то, что должен был.

* * *

Не падать духом от невзгод,
не сожалеть о том, что было:
идти упрямо и вперед —
скорее гордость, а не сила.

* * *

За делом — на месте когда не сидится —
работа кипит, появляется прыть:
чем выше взлетаете, гордые птицы,
тем больше охотников вас пристрелить.

* * *

Не дремлет сегодня находчивый враг.
Устали, присели, жалеючи ноги?
С тропинки сошли? Отступили на шаг?
А кто-то бежит уж по вашей дороге.

* * *

Сами себя запираем мы в клеть,
замыслов вдруг сознавая ничтожность.
Ползать рожденный не сможет взлететь,
с роду не веря в такую возможность.

* * *

Упрямы, крепки, словно стены,
умны, бесшабашны и смелы…
Да, женщиной быть современной —
не самое женское дело.

* * *

Что старость? Тело уж не то?
Но дух порой сильней природы!
Себя ты чувствуешь — на сто?..
Проценты это, а не годы!

* * *

Жизнь, играя, меняет масти:
за невзгодой судьбе на зло
ощутим мы сильнее счастье —
свет не светит, когда светло.

* * *

Актриса и зритель, за жизни теченьем
слежу я и маски снимаю с лица.
Порою скучны этой пьесы сплетенья,
но я все ж хочу досидеть до конца.

* * *

Для нас есть в жизни сто дорог!
Удаче верьте, личной силе.
Сказав: «Я сделал все, что мог» —
себя вы недооценили.

* * *

Заждался? Нервы пожалей,
смени на милость гнев,
ведь точность — кредо королей,
неточность — королев.

* * *

Я возмущаюсь давно —
нет совершенства, не скрою:
чтобы очистить одно,
нужно запачкать другое.

ЛИРИКА

* * *

В жар проникнув светских споров,
в свежесть мысли веря живо,
рады мы судить актеров
за неискренность и лживость.

Но с иллюзией свободы
все (кто — сам, кто — поневоле)
гордо мы несем сквозь годы
нам навязанные роли.

Только чье искусство глубже?
Взвесим честно, непредвзято:
их успех — сердца и души,
наш успех — престиж, зарплата.

Аргумент последний спора
дан в развязку этой темы:

для других — игра актера,
для себя играем все мы.

* * *

Мечты о счастье всем сродни,
но все различье в том,
что ищут, ждут его одни,
другие — день за днем
встречают с радостью рассвет,
их чувства полнят грудь,
достигнув маленьких побед,
стремятся снова в путь.
Здоровье, мудрость и успех,
работа, дом, уют,
любовь, удача, детский смех,
талант… Да где берут?
Одни в погоне за судьбой
мечты взбивают в дым,
другие все несут с собой
и дарят остальным.

* * *

Не помню год, не помню век,
и адрес устарел,
но жил на свете человек,
обычный, с сотней дел.

Был хитрым, острым на язык,
и многих был умней,
и часто ставил всех в тупик
иронией своей.

Характер был не так уж плох,
бывал он даже мил,

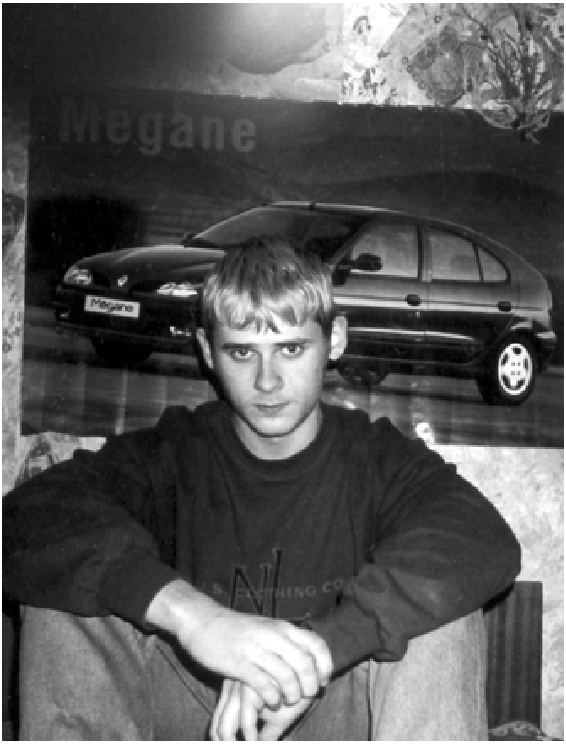
но видел он во всем подвох,
людей во всем винил.

Любой к персоне интерес —
лишь зависть, он считал.
Похвалит кто-нибудь, за лесть
устроит он скандал.

Боялся жалости людской,
сочувствующих глаз
и помощь отвергал легко,
нуждаясь в ней подчас.

Он каждый принцип натянул
в надуманную сеть
и сам попался — сел на стул
и стал себя жалеть.

АНДРЭЙ ПАЎЛУХІН



Маё крэда — поўная адсутнасць абмежаванняў. У тым ліку і жанравых, і стылістычных. Напрыклад, у апошні час я пішу пераважна кіберпанк. Апавяданне «Чортава акно» не магу аднесці да якой-небудзь канкрэтнай плыні. Гэта — так званая «памежная проза». Тут ёсць і готыка, і «альтэрнатыўная гісторыя» (да нашых дзён захавалася Вялікае Княства Літоўскае): трошкі — постмадэрна, трошкі — містыкі, штосьці — ад «новай хвалі». А ўжо «Кроў і восень» — тут фантастыка...

Карацей, галоўнае — тэкст!

ЧОРТАВА АКНО

Помпы фабрыкі з цяжкім гулам смакталі ваду. Там, на выпаленай, разварочанай самакопамі пустэчы, заганялі палі: усё наваколле дрыжэла ад тытанічных удараў. І фабрыку, і пахмурны лістападаўскі лес, і возера зацягнула туманам — халодным, брыдкім; у ім танулі далёкія індустрыяльныя гукі.

Шляхціц Карпінскі, раздражнёна крэкчучы, спусціўся ў хол па рыпучых прыступках. Пстрыкнуў уключальнікам. Святло ўспыхнула адначасова ў трох крышталёвых жырандолях, што ўтваралі на стале роўнабаковы трыкутнік, заліло змрочную прастору гасцёўні жоўтым электрычным ззяннем, выхапіла з цемры крэслы, канапу, крацістую пашчу каміна, вузкія амбразуры вокнаў, размежаваных шклом вітражоў, каменныя скляпенні й дубовыя бэлькі, бясконцыя кніжныя стэлажы й карціны продкаў, паточаныя моллю габелены й дзверы з масіўнай засаўкай. Падвескі на жырандолях зазвінелі амаль адразу — дрэнная прыкмета. Прыемны крышталёвы звон...

Шляхціц спалохана ўздрыгнуў.

Па гасцёўні прагуляўся вецер, і шляхціц убачыў чорную фігуру Духа — напалову цень. У гэты раз Дух замёр ля акна: ён глядзеў скрозь чырвона-жоўта-блакітную плоскасць на разбураную ўраганам павець Карпінскага, агарод, парэшткі плоту і — далей, у белаватую каламуць, туды, дзе знаходзілася возера.

— Ціха сёння.

Шляхціц зноў уздрыгнуў — ніяк не мог прывыкнуць да голаса прывіда, бясплотнага, пранікаючага нібы ў самую глыбіню душы. Адкуль ён (прывід, а не голас) — Карпінскі нават не здагадваўся. Д’ябал? Хтосьці з продкаў? Ціха, кажа... Гэта ён пра вецер. Сапраўды, ветру сёння няма.

Дух пачаў з’яўляцца нядаўна — два тыдні таму шляхціц убачыў яго ўпершыню: прывід сядзеў у крэсле ля каміна. Як і пазаўчора, і ў суботу. Звычайна ён размаўляў мала, але ў першы дзень выразна даў зразумець, чаго хоча. Каб шляхціц спусціўся ў Чортава акно.

— Да цябе прыдуць.

— Да мяне? — шляхціц усміхнуўся. — І хто ж, цікава?

— Чалаввк. Здалёку. Не гані яго — ён нам патрэбны.

Карпінскі паціснуў плячыма. Няхай прыходзіць. Шляхціц даўно не сустракаў людзей — у гэтую глуш, што фармальна належала яму і насіла ганаровую назву маёнтка, ніхто не зазіраў з даўніх часоў. Дый навошта? Фабрыка функцыянавала ў аўтаматычным рэжыме, асноўныя транспартныя магістралі цягнуліся на поўначы. Рэдкія сяляне пазбягалі Карпінскага, і стараліся не паказвацца яму на вочы. Аднойчы шляхціц назіраў у яснае надвор’е дымныя слупы — у вёсцы палілі лісце.

— Кнігу знайшоў?

— Не, — шляхціц наблізіўся да каміна. — Ды дзе яе шукаць? Тысячы тамоў.

Ён безнадзейна абвёў рукой стэлажы.

— Ведаю, — згадзіўся Дух. — Сам складваў некалі...

— Трызненне, — запярэчыў Карпінскі. — Калі ты — мой продак, бібліятэка павінна быць у замку. На дне возера.

— У возеры няма дна, — стомлена выбуркнуў Дух. — Колькі табе тлумачыць?

— Тады дзе замак?

— У другой рэчаіснасці. А бібліятэка выпала з яе — і апынулася тут.

— Я мераў возера. Не хапіла вяроўкі. Заказаў у Полацку эхалот — нічога. Разумееш — нічога! Аб якой рэчаіснасці ты гаворыш?

— Аб іншай.

— Ёсць легенды й паданні, — шляхціц зрабіў жэст, нібыта хацеў захапіць увесь свет. — А ёсць гэта... Больш нічога няма.

— Ты яшчэ малады й не разумееш, — голас прывіда стаў шапаценнем. Дух калыхаўся і таяў. — Паразмаўляй з Вандроўнікам...

— З кім?

— З Вандроўнікам... Ён дапаможа табе трапіць у возера.

— Як?

— Кніга...

Подых ветра — і пустата. Візіт скончаны. Дзвынкнулі на развітанне падвескі...

Шляхціц сеў у крэсла і ўключыў тэлевізар. Паказвалі чарговае пасяджэнне ў Вільні — потныя ў крыку твары магнатаў.

Існавала легенда. На месцы возера некалі стаяла высокая гара, а на ёй — замак. Быццам продак шляхціца, пан Карпінскі, замучыў

сваіх сялян, і тыя праклялі яго — падобна на праўду, — страх перад родам Карпінскіх жыве ў людзях і цяпер. А вось далей — сапраўдная казка. Пан разам з замчышчам праваліўся пад зямлю, а на тым месцы, дзе была гара, утварылася возера. Чортава акно. Бездань. Пытанне: адкуль узяўся дом? У пана Карпінскага (ён нібыта памёр сваёй смерцю) адшукаўся сваяк у Нясвіжы, ён прыехаў і ўступіў у валоданне возерам, домам і навакольнымі землямі. Дзе замак? Няма яго. Рэальны гістарычны факт.

Легенды й хронікі супярэчаць адна адной. Дый увогуле, мінулае — такая ж дзіўная рэч, як гэты туман — нешта праступае, вымалёўваецца, чуецца невыразны гул... І ўсё. Нічога не разгледзець. Ёсць карта, ты ведаеш, што там — возера, там — лес, вёска, фабрыка. Але гэта — на паперы.

На жаль, Дух таксама быў рэальны. І ён хацеў, каб Карпінскі спусціўся ў возера. І знайшоў Галубіную кнігу. І пагутарыў з Вандроўнікам... Што апошні з’явіцца — шляхціц не сумняваўся: Дух прадказваў ужо туман, халады й паўночны вецер, які ператварыўся затым ва ўраган. Прадказваў і тое, што разбурыцца павець. Тады чаму ён не можа паведаміць, дзе знаходзіцца Галубіная кніга? Хаця б — на якой паліцы...

А калі падумаць — навошта? Навошта яму гэтая кніга? Духу яна да месца, а не яму. І ў Чортава акно лезці няма патрэбы.

— Памыляешся, — прывід зноў быў у зале. І без сораму чытаў думкі. Яго з’яўленне шляхціц не заўважыў. — І не спрабуй зрабіць выгляд, што ты ні пры чым. Ведаеш, у сусвеце ўсё ўзаемазвязана. Ты — частка мяне, а я — частка цябе.

— Ага. А вось, напрыклад, тая тумбачка — частка каміна. Ты сёння — філосаф.

— Я табе даказаць хачу.

— Што?

Але Дух не паспеў адказаць. У дзверы колькі разоў пастукалі (званка не было), і прывід растварыўся, знаёма дзвынкнуўшы падвескамі. Карпінскі падняўся, перасек варсістую тэрыторыю дывана і адкінуў засаўку. Дзверы расчыніліся, прапускаючы абдзёртага, прапахлага пылам дарог Вандроўніка.

— Прывітанне, — сказаў шляхціц.

Госць моўчкі адсунуў яго плячом і ўвайшоў. Дзверы за ім хвоснулі, адразаючы пасмы тумана.

— Кнігу знайшоў? — панура запытаў госць.

— Не, — шляхціц хітнуў галавой.

— Яна на шостым стэлажы. Трэцяя паліца. Сёмая справа.

Карпінскі мысленна прыкінуў, што без страмянкі не абысціся.

— Чаго стаў?.. Цягні лесвіцу.

Іншы хто — здзівіўся б паводзінам госця. Але шляхціц раней чуў пра яго. Бадзяга быў магутным чарнакніжнікам — адзіным на зямлі чалавекам, хто чытаў Галубіную кнігу. Ён лічыўся спрадвечным спадарожнікам рода Карпінскіх, і наведваўся ў дом, прыкладна, раз у сто гадоў.

Удвух, яны дасталі з-пад лесвіцы страмянку, і госць палез уверх. Дакладней, — узляцеў: у той момант няскладны целяпень Вандроўнік нагадваў крумкача. На імгненне Карпінскаму нават пачулася шалясценне крылаў. Але крумкачы так не шалясцяць — было больш падобна на палёт кажана.

— Трымай, — чарнакніжнік кінуў яму вялізны, пакрыты пылам том. І зноў насланнё: шляхціцу здалося, што пераплёт кнігі — цалкам з сівых галубіных пёраў. Ён не здолеў утрымаць кнігу ў руках, і фаліянт з гулкім стукам упаў на падлогу. — Асцярожна!.. — выгукнуў Вандроўнік. — Гэта — не цэгла!

Шляхціц паспешліва падняў кнігу.

— Самыя першыя інкунабулы, — прабурчэў Вандроўнік, — не маюць такой цаны, як гэты артэфакт. Старажытныя тэксты егіпецкіх трунніц... Ды што казаць. — Ён скочыў на дыван. — Дзе Дух?!.

Крышталёвая музыка. Цень ля каміна.

— Я прыйшоў, Вандроўнік.

— Ты ведаеш, хто ён? — Чарнакніжнік зазірнуў шляхціцу ў вочы.

— Я...

— Ён — твой продак, пан Карпінскі. З-за яго ўтварылася возера.

— Значыць... гэта не казка?

Вандроўнік усміхнуўся. Неяк па-птушынаму схіліў галаву ўбок.

— І казка таксама. Легенда, што паўтараецца ў бясконцым мностве светаў. А легенды — вельмі моцныя. Іх сіла аб’ядналася ў Чортавым акне. Цяпер зразумела?

— Не зусім.

— Во пень... — Чарнакніжнік сплюнуў.

— Не спяшайся, — сказаў Дух. — Сам такі быў, пакуль не навучыўся.

— Гм, праўду кажаш, — згадзіўся Вандроўнік. Павярнуўся да шляхціца: — Разгарні.

— Навошта?

— Пра сябе прачытаеш... Шукай у змесце: «Шляхціц Тадэвуш Карпінскі. 1970—2023».

Шляхціц пакарыўся... Старонка 908. Ён адгарнуў яе, пачаў уважліва вывучаць тэкст. Вітыя гатычныя літары, гербавая папера. Навобмацак — нібыта жывая, цёплая птушка...

Ён стаяў на беразе возера. Усюды — падраныя шматкі туману. Побач з ім — Вандроўнік і пан Карпінскі. Было зябка і холадна — на двары курчылася, паміраючы, восень. Вандроўнік узмахнуў рукамі — і возера рассунулася, скруцілася ў гіганцкую чашу. У наступны момант яны ўжо строма падалі ў чорны вір.

— Як мы сюды трапілі?!. — крыкнуў у цемру шляхціц.

З цемры раздаўся сатанінскі рогат чарнакніжніка:

— Ты прачытаў!.. Гэта ўсё — кніга.

— Легенды валодаюць сілай, — сказаў голасна Дух. — Словы валодаюць сілай. Тэкст — адзіная рэальная штука на Зямлі. Усе тэксты сабраны ў Галубінай кнізе...

— Але я чуў...

— Гэта таксама — тэкст.

Яны п•далі.

— Цяпер ты зразумеў?.. Усё ўзаемазвязана. І дом — толькі частка пакояў таго затанулага замка.

— Я зразумеў.

— Добра...

Усё змянілася. Яны ўжо стаялі ўнутры вуглавой вежы. Тоўстыя, шурпатыя сцены, вузкія байніцы, шматвяковы слой пылу, чыісьці збялелыя ад часу косці, іржавыя даспехі...

— Нам — туды.

Масіўныя дзверы з рыпеннем адчыніліся ў нішто. Вандроўнік дзьмухнуў. І нішто — ператварылася ў доўгі калідор, каменную галерэю палаючых факелаў. Шляхціц быў гатовы паклясціся, што перад тым, як адступіць, цемра ўскрыкнула. Злосна і здзіўлена.

Калідор звярнуў направа і праваліўся ўніз крутымі прыступкамі. Факелы цяпер успыхвалі, калі міма іх праходзіў Вандроўнік, і тухлі за спінай Карпінскага.

Зноў — калідор. Дзверы. За імі — бібліятэка. Копія той, што ў доме.

Карпінскі зірнуў у акно. Паўночны вецер ужо разагнаў туман, слаў яго па зямлі, і гул фабрыкі быццам наблізіўся, наплыў, атакуючы дом, а з шэрага дзённага трызнення ўжо выступаў журавель студні, таполя з гняздом бусла і край возера — чорны паўмесяц.

— Дзе мы?

— А ты не здагадаўся?

Наваколле зрабілася знаёмым. Акно растрэскалася рознакаляровымі вітражамі. Замармытаў у покуце тэлевізар. У чарговы раз віхор зайграў паланез на падвесках.

Шляхціц азірнуўся.

— Дзе прывід?

— Ён больш не прыйдзе, — адказаў Вандроўнік.

— Я зрабіў усё, як трэба?..

— Так. Цяпер ты — пераносчык легенд. Я перадам табе кнігу і знікну.

— А калі вернешся?

Вандроўнік пацiснуў плячыма:

— Можа, гадоў праз сто.

Шляхціц нічога не разумеў.

— Што мне рабіць?

— Чытай... Проста чытай — і больш нічога. Сусветы павінны скрыжавацца ў табе. І той, дзе цябе няма, і той, дзе ты зусім іншы, і той, дзе цябе ніколі не было і не будзе. Магчыма, недзе ў гэтай чарадзе пан Карпінскі пойдзе пад ваду са сваім замкам — у тысячны раз. Але гэта — усяго толькі тэкст.

Чарнакніжнік ужо ішоў да дзвярэй.

— Пачакай, — сказаў шляхціц. — Гэта ж не галоўнае?

— Хочаш ведаць галоўнае? — Вандроўнік засмяяўся сухім каркаючым смехам. — Я пакажу... Дай сюды кнігу.

Ён ужо быў побач. Нібыта праляцеў праз пакой з хуткасцю святла. Яго галава на сухой касцістай шыі схілілася набок.

Зашамацелі старонкі.

— Чытай...

Шастанне крылаў.

Вандроўнік знік за дзвярыма.

«Па вуліцы праехаў аўтобус...» Ліст скончыўся. Ён перастаў друкаваць, уважліва прагледзеў усё апавяданне, узяў ручку і напісаў назву: «Чортава акно».

ПАЎДНЁВЫ КРЫЖ

Ганон Карфагенянін, князь Сенегабій,
Сіндбад-мараход і магутны Уліс,
Аб вашых перамогах грымяць у дыфірамбе
Сівыя валы, набягаючы на мыс!
М. Гумілёў

Ноччу, калі распаленыя залатыя пяскі Аравіі павольна астывалі, а Чырвонае мора ціхенька пляскалася ля самых ног, стары адшукваў на небе, якое блішчэла каштоўнымі россыпамі, знаёмае сузор'е Паўднёвы Крыж. І тады па маршчыністай шчацэ ў тысячны раз пракладвала свой шлях сляза. Стары апускаўся на гладкую вільготную паверхню пляжа і доўга-доўга ўзіраўся ў ясную бездань, што аднойчы ўварвалася ў яго жыццё, прайшла па ім ураганам, пакінуўшы гора і разбурэнне…

Яму пашчасціла нарадзіцца ў першую раніцу 2001 года. Нямногім выпадае гэткая ўдача. Чалавек новай эры, адзін з першых прадстаўнікоў трэцяга тысячагоддзя. Цудоўныя бацькі й настаўнікі. Здавалася, усё пройдзе па задуманым плане: прэстыжная ВНУ, высокааплатная праца, бязвоблачная старасць… У яго былі браты й сёстры. Усе яны разляцеліся па Сонечнай сістэме: хто на Марсе, хто на Меркурыі ці Ганімедзе. Адзін сын паляцеў да зор і не вярнуўся. Карабель зямлян знік у раёне Паўднёвага Крыжа, а разам з ім знікла ў старога і цікаўнасць да ўсяго.

У апошні час стары ўсё радзей успамінае пра сына. Алежку замяніла галаграфічная копія. Яна паводзіць сябе нібы сапраўдны жывы чалавек, ствараючы абсалютную ілюзію жывога сына.

Стары вяртаецца ў сваю пластыкавую хаціну і псеўда-Алег сустракае яго там:

— Табе не спіцца, тата?

— Узрост, сынок.

— Можа, прымеш таблетку?

— Не. Пакімару днём.

Яны гаманілі пра ўсялякія рознасці, глядзелі на яскравыя трапічныя зоркі ў акне і на далёкую невыразную марскую роўнядзь.

— Паабяцай, што не паляціш у космас, — просіць стары.

— Абяцаю, тата. Застануся з табою. Ведаеш, учора прыйшло пасланне ад дзядзькі Андрэя, — кажа Алег. — Ён перабраўся на Каліста.

— Няўжо?

— Так. Карпарацыя прапанавала яму новыя выгадныя ўмовы. Магчыма, на будучы год ён атрымае водпуск і здолее прыляцець на Зямлю.

— Ен піша пра водпуск ужо дзесяць гадоў, — стары безнадзейна махае рукой. — Але, па-мойму, ён не збіраецца на Радзіму. Твой дзядзька забыў пра яе.

— Гэта не так, — абураецца Алег.

— Хто ведае. Няхай лепш я памылюся…

Цуды навукі. Сына даўно няма, але ён — побач. Яго дыханне чуецца ў цемры пакоя, выразна вымалёўваецца ягоны сілуэт. І цені мінулага ўпаўзаюць у хаціну, аплятаюць усё чароўнай сеткай хатняй утульнасці й прыемных успамінаў. Здаецца, вось яно, страчанае. Яно вярнулася і ніколі не пакіне цябе. І не хочацца развітвацца з ілюзіяй, падпарадкоўвацца няўмольнаму голасу розуму, бо, калі яна знікне, гэтая мроя, застанецца толькі пустата і чаканне смерці. Салодкая мана — замест горкай праўды.

Раніцой змарыў сон, накрыў старога покрывам мар. З глыбінь выплывалі страчаныя вобразы й неразборлівыя гукі. Увесь дзень сонечнае вока спапяляла горы й пяскі, а мора спявала свой адвечны жаласны спеў…

Стары абудзіўся, калі крывавы дыск сонца палаў нізка над гарызонтам — там, дзе ўжо запальваліся ліхтарыкі горада. Адзінокая пластыкавая хаціна стаяла на водшыбе, на абочыне цывілізацыі. Стары сеў на лаву, укапаную ў пачарнелыя пад вечар аравійскія пяскі, і прытуліўся да нагрэтай сонцам драўлянай спінкі.

Хутка пачнецца новая ноч, зорная і непаўторная. Але вельмі падобная на іншыя. Бяссэнсавая чарада аднастайных і пустых гутарак. Усе сябры раілі старому: трэба жыць далей, нельга журыцца. Вось ён і жыве. Як можа.

— Тата, дзядзька Андрэй прылятае заўтра. Яго карабель прызямліцца апоўдні ў Каіры.

Стары сумна ўсміхаецца:

— Даўно пара.

На глыбокім трапічным небе замігцелі маячкі сузор’яў. Калісьці яны ратавалі заблукаўшых маракоў…

Час мяняецца.

КРОЎ І ВОСЕНЬ

Недзе лютавала вайна.

Вайна, якой няма канца. Гінулі пілоты і згаралі машыны.

«Яна ўнутры нас, — думаў Кайн. — Так глыбока, што мы больш яе не заўважаем». І гэта была праўда. У трыццаці метрах за яго спінай назаўсёды ўрос у зямлю знявечаны дыстроер. Дробны дожд калоў маршчыністае цела абшыўкі. Па жоўта-чырвоным дыване соннага лісця ад параненага пілота цягнуўся крывавы след. Кайн разумеў, што калі дождж памацнее, ператворыцца ў лівень, будзе кепска. І не выратуюць аніякія таблеткі: транквілізатары ды лейказаменнікі. Але...

Але ён думаў пра вайну. Пра таварышаў, пра носьбіт «Асірыс», які на доўгі час зрабіўся для яго домам. Недзе Імперыя Доар схапілася з Замежжам. Там браты Кайна па зброі выконвалі сваю працу — білі ворагаў.

А тут — верасень. Ён трапіў у гэты злы верасень.

Дыстроер успыхнуў над паркам. Лісце і дрэвы каля машыны добра пасмаліліся. Пры падзенні спрацавала аўтаматыка, выпіхнула пілота з кабіны. Аднак, калі ратавальная капсула разышлася, склаўшыся ў маленькую скрыначку на поясе Кайна, ён яшчэ кульгаў вакол забітай механічнай птушкі, спрабуючы залезці ўнутр, падключыцца да сістэмы кіравання... Але сіл не хапала.

З бядра сачылася кроў: мабыць, закранута артэрыя. Кайн не мог ісці, дый галава моцна балела. Кайн ведаў, што знаходзіцца ў горадзе. У адносна развітым горадзе, дзе абавязкова павінен быць імперскі шпіталь і рэгенерацыйны аддзел... І ён поўз сярод дрэў, па лісці, падцягваючы непаслухмянае цела рукамі, цяжка дыхаючы. У галаве — сотня манголаў калаціла ў барабаны, па скронях сцякалі ручаі поту...

Кайн не азіраўся. Ён баяўся, што пройдзены шлях вельмі малы. У яго ёсць арыенцір — шпіталь. Там яго паставяць на ногі — вернуць у строй. Яго жыццё патрэбна Імперыі Доар.

Дождж мацнеў. Ён лупіў па голым чэрапе пілота, трапляў за каўнер. Яго мерны шолах прабіваўся ў свядомасць праз заслону хвалістай каламуці й дробны грукат барабанаў. Іронія лёсу: на дыстроеры ён мог адолець гэтую адлегласць за нейкія долі секунды...

Ён выбраўся з парку на дарогу з каменных пліт, прытуліўся да драўлянай лаўкі — адпачыць. Прыняў чарговую дозу таблетак. Пад іх дзеяннем арганізм, нібы генератар, паскорана выпрацоўваў кроў, якая потым выцякала, фарбуючы чырванню лісце і шэрыя пліты.

Жоўтае і чырвонае.

Гарадок быў маленькі. Двух-трохпавярховыя будынкі з вострымі чарапічнымі дахамі, шырокія брукаваныя вуліцы, клумбы з кветкамі... Людзі хутчэй за ўсё пахаваліся ў дамах.

Яшчэ гадзіну таму неба загрувашчваў «Асірыс», адразаючы дождж ад зямлі. А яшчэ вышэй, у стратасферы, біліся механічныя птушкі, знішчаючы адна адну плазмавымі промнямі.

Зараз бойка перамясцілася на поўнач, далёка на поўнач — у раён пласкагор'я.

А ў горадзе — зноў мір.

У канцы вуліцы Кайн заўважыў светлую пляму — будынак шпіталя. Трэба адшукаць людзей. Каго-небудзь, хто б дапамог...

Неба раптам перакулілася, і Кайн вырубіўся. Дождж на нейкі час супакоіўся, а потым дробна заімжэў. На пілоце быў цёплы непрамакальны камбінезон, і вільгаць напалову з крывёю збіралася ў складках і сцякала на халодныя камяні.

Кайн ачуняўся. Сфакусаваў позірк на пляме. Так, гэта быў шпіталь... Наперад. Трошкі засталося. Нехта паглядзіць у акно і ўбачыць цябе. І дапаможа. Тут, пэўна, жывуць добрыя, чуллівыя людзі. Прыемны гарадок.

Лісце і дождж перашкаджалі сваім шолахам засяродзіцца. Усяго квартал. Праз адзін квартал яго выратуюць. Дзе ж вы, людзі? Выходзьце!

Вуліца паступова запаўнялася народам. Жанчыны й мужчыны, старыя выходзілі з пад'ездаў, спыняліся на абочыне. Іншыя, з хмурымі тварамі, стаялі на балконах... Людзі!

Кайн узрадаваўся, паспрабаваў сказаць нешта, але словы завязлі ў горле. Урэшце — выціснуў:

— Дапамажыце!

Наляцелы вецер ацвярэзіў яго. *Ніхто не збіраўся яму дапамагчы.* Яны стаялі ўздоўж дарогі. У іх вачах свяцілася нянавісць.

— Ну!.. — крыкнуў Кайн.

Ніхто не варухнуўся. Ён зрабіў адчайную спробу падняцца на ногі. Ад гэтага зрабілася яшчэ горш — цела адазвалася болем. Аднак мазгі праясняліся.

— Я свой, — прашаптаў Кайн. — На мне форма «стальных арлоў». Няўжо не бачыце?

І тады з натоўпу выступіў чалавек, сівы, з маршчыністым тварам. Ён абапіраўся на мыліцу.

— Табе ніхто не дапаможа, — сказаў сівы. — Зразумеў?

— Чаму?

— Ты — салдат Доара... Тут усе ненавідзяць Імперыю. Мы ў рабстве ўжо двесце гадоў.

— Вы — не рабы, запярэчыў Кайн. — Вы — паўнацэнныя грамадзяне.

— Грамадзяне? — сівы саркастычна ўсміхнуўся. — Скажы гэта вёсцы, якую «арлы» спалілі месяц таму.

— Няпраўда... — Кайн хацеў узвысіць голас, але з горла вырвалася сіплае рыпенне: — Няпраўда... Я заўсёды ваяваў толькі з Замежжам. Ліга — наш вораг. Мы баранім вас...

— А хто абароніць нас ад Доар?

Кайн не верыў сваім вушам. Няўжо ва ўсім Сусвеце думаюць так?

— Дапамажыце!..

— Не, — адрэзаў сівы. — Ніхто і пальцам не варухне.

І ён знік у натоўпе. Цяпер іх было многа — жорсткіх масак з агеньчыкамі лютасці ў глыбіні вачэй. Яны выстраіліся ў дзве шарэнгі па баках вуліцы. Сярод іх былі й дзеці.

— Вы ж — людзі!.. — Кайн сарваўся на крык. — Людзі, а не звяры...

Не было адказу.

— Я — пілот Доар!.. — выгукнуў Кайн. — Вы не маеце права. Калі «Асірыс» адшукае мяне, і я ўваскрэсну, вы заплаціце. Ёсць закон. На маім плячы — эмблема «арлоў».

— Так, цябе могуць адшукаць, — згадзіліся з ім. — А могуць і не адшукаць. Апошняе больш верагодна.

Злосць. Яна ўзнялася ў душы Кайна, як адказ. І ён папоўз, шчыльна, да скрогату, сціснуўшы зубы. Ён дакажа. Усяго толькі квартал...

Страшэнная нямая дуэль. Адзін супраць усяго горада. Яны чакаюць тваёй смерці, пілот. І яны ўпэўненыя, што ты не здолееш. Упэўненыя настолькі, што нават не пэцкаюць рукі звычайным забойствам.

Але ты здолееш...

Адкажы ім.

Барабаны... Шум у галаве. І дождж з ветрам. Наперад, пілот! Яшчэ паўквартала — і робаты ўбачаць цябе.

Адзінокая постаць пад дажджом рухалася марудна. А натоўп к•таў пазіраў на воіна, які нічога не значыў па-за кабінай свайго дыстроера. «Я не хачу паміраць у верасні, — скрыгатаў зубамі паранены. — Толькі не ў верасні...»

Недзе лютавала вайна.

Але для Кайна галоўны бой — на зямлі. Паядынак з сабой і з наваколлем, з яго бяздушнасцю. Злачынцы. Усе яны — злачынцы. Нават дзеці...

Ён бачыў толькі белую пляму і тунэль, сплецены з нянавісці. Сваёй і чужой. Сотні злых вачэй глядзяць на яго зверху.

У дзесяці кроках ад плямы ён страціў прытомнасць.

...Робаты знайшлі яго. «Асірыс» даслаў ратавальны бот. Калі ён стартаваў з даха шпіталя, перад вачыма Кайна прамільгнуў вялізны выпалены круг — былая вёска...

Праз секунду круг ператварыўся ў чорную кропку.

Кайн адвярнуўся.

АЛЕКС ПО

Смеяться – как дети, любить – как любовники.
Берни Топин

ОБРЫВ

А через мгновение все было кончено. Лишь уморительный хохот отзвучал протяжным эхом в скалах пару раз, да легкий шлепок тела об острые камни донесся снизу...

Все. Отмучился Весельчак.

По толпе прокатился несмелый ропот. Все завидовали Весельчаку, каждый мечтал быть на его месте.

— Видали, как гордо упал? — спросил Долговязый, поводя носом воздух и осторожно отступая от края обрыва. — Еще и анекдот на лету рассказал. Политический. И даже рассмеялся напоследок!

— Мне бы так... — вздохнул Прыщ озабоченно.

— Всем бы так, — задумчиво протянул Косой. — А то один скукожится весь от страха и так на небеса и попадает. А иной — разбежится слабо и прямо у скал ухнет. Несолидно-то как.

— Вот тебе и тренировки, и работа над собой, самосовершенствование... — заметил Долговязый.

— Да ну ее, эти тренировки, да работу над собой,— махнул рукой Косой,— самоанализ... черт бы их побрал. Вся наша жизнь: прыгаешь с утра до вечера на одном месте, да разбегаться учишься. Надоело! Сколько можно?

— Сколько нужно, — пропыхтел Прыщ. — Полет — это ведь испытание Божье. Каким ты перед богом предстанешь. На тренировке-то — все молодцы, а как дело до жизни дойдет, до прыжка в натуре, так у каждого кишка тонка...

— А вы не кричите, не кричите, — прошептал Косой. — А то нас еще из очереди выкинут. Она во-о-о-н какая! Я, чтобы сюда попасть, например, от очереди на квартиру отказался.

— Ишь какой, — буркнул Долговязый. — От очереди на квартиру! Я от настоящей квартиры отказался, трехкомнатной...

— Да будет вам шуметь, — испуганно пробормотал Косой. — От одной, от двух... Нужны они нам будут после прыжка, эти квартиры. Я еще всех своих из общежития на улицу выселил, чтобы денег собрать и ближе к началу очереди продвинуться. Но потом жалко родных стало — пришлось денег одолжить и всех их тоже в очередь пристроил. Не в первых рядах, но все же... Теперь вот только успеть прыгнуть, пока кредиторы не нашли.

Воцарилась тишина. Каждый, вздыхая, вспоминал, что он отдал, от чего отказался... Прошло несколько минут. Прыщ вздохнул и похлопал по плечу Косого.

— Ну, следующий ты, счастливчик. Давай, не тяни.

Косой стоял теперь первым, а за ним: Прыщ, Долговязый, Болтун, Хромой, а дальше... дальше стояли в очереди сотни людей. Кто стоял, кто сидел, кто лежал на траве, измучившись бесконечным ожиданием. У всех были уставшие красные глаза, в последней надежде устремленные вперед, только вперед, к заветной мечте.

— Рай-ски-е Вра-та, — медленно, по слогам прочитал Косой в последний раз на картонном муляже, изображавшем ворота. А дальше за ними — обрыв с трамплином и все. Да еще двое солдат по бокам, охранявших круглосуточно порядок и следивших за правильностью очереди.

Пока товарищи советовали Косому, как следует прыгнуть, Долговязый незаметно приблизился к трамплину.

— Всего лишь от очереди на квартиру отказался, — злобно прошептал он. — А раньше меня стоит. И всех своих пристроил... Сволочь! Что же сделать?.. Ага! Вот если этот камушек сунуть под пружину, то...

Долговязый незаметно вернулся.

— Ты того, это... разгонись посильнее, да руки, руки не складывай, — гнусавил Прыщ.

— И стопу не подворачивай, — выговаривал Болтун. — Сильнее оттолкнись и...

— И главное, главное... про билет не забудь! — сопел Хромой.

Возвратившись, Долговязый случайно встретился взглядом с Косым и, чтобы тот ничего не заподозрил, очень по-доброму улыбнулся ему на прощание. Косой улыбнулся в ответ, отошел на несколько шагов и начал разгоняться. Быстрый разгон... но в самый последний момент Косой промазал и не попал на трамплин. Легкий вскрик, мельтешение рук и ног, еще одна секунда беспомощных кувырков и... Косой полетел смешно, завертевшись колесом и очень уныло хрюкнув на прощание.

Прыщ и Болтун, подскочив к краю обрыва, с сожалением на лицах смотрели ему вслед. Но внутри каждый ликовал — что может

быть приятней, чем когда твой товарищ так облажается в последний раз! Только Хромой сожалел по-настоящему: он не успел увидеть, как облажался Косой, и теперь ненавидел себя за это, чуть не плача от обиды. А Долговязый скрежетал зубами, что Косой облажался сам по себе.

— А хвалился, хвалился... — фыркнул Долговязый, стараясь улучить момент и незаметно вынуть камушек. «Хотя, — неожиданно подумал он,— стоп! Раз не получилось с Косым... Следующий-то — Прыщ. Он тоже сволочь порядочная. Тогда только не забыть для себя вынуть».

Долговязый посмотрел вниз, вслед все еще летящему Косому. Жерло сверкающих на солнце утесов далеко внизу с переливами всех песчаных оттенков легко поглощало его маленькое, барахтающееся в воздухе тело. Издалека донесся чуть слышный шлепок и... вот уже и Косой стал одним из счастливчиков, добавившись новой точкой к сотням других на фоне ослепительно-желтых скал.

— Слушайте, — нежно подал голос Болтун, зачарованно глядя вдаль на множества черных точек на камнях, — а вдруг все это обман?

— Что, «все это»? — переспросил Долговязый, усиленно пытаясь выдумать очередную гадость хоть кому-нибудь.

— Ну, вся эта обещанная райская жизнь.

— Небось, на мое место захотел? — усмехнулся Прыщ. Он уже прыгал на месте, смешно поднимая ноги. Левая — правая, левая — правая...

— Нет, вы только представьте, что нету там ничего, а один обрыв и только.

— Это ты сам представляй, раз такой умный, — хмыкнул Долговязый, — сам-то стоишь, небось, вместе с нами и зубы заговариваешь?!. Решил нам всем настроение испортить? Или вообще отговорить, а самому без очереди прыгнуть?

— Нет, но если чисто теоретически... — не сдавался Болтун. — Ведь существует же шанс, что...

— Вы только послушайте, что он говорит! — вскричал Долговязый. — Нас всех идиотами выставить захотел? Да за такие слова... да только за одно такое предположение я исключил бы его из нашей партии!

— Как, вообще? — радостно подхватил Хромой. Он стоял за Болтуном, и это ему было бы очень кстати.

— Вообще!

— Поддерживаю! — воскликнул Хромой. Он нервно дернулся, резко поднял руку, голосуя «за», и теперь с надеждой взирал на Прыща. Но тому было все равно, он готовился к прыжку.

— Итак, двое «за» при одном воздержавшемся, — задумчиво проговорил Долговязый.

— Нет, это я так, просто... — сразу прошептал Болтун, смущенно сникнув.

— Тогда надо было просто стоять в своей очереди и не вякать! — отрезал Долговязый. — Раз партия обещала рай, то рай! Никто еще не разочаровался, никто не в претензии...

«Но никто же и не вернулся» — хотел вставить Болтун, но промолчал.

— И никто и не вернулся, — закончил Долговязый. — Никто. Значит, всех устроило.

— Да я же... — начал Болтун несмело.

— Исключен большинством голосов! — закончил Долговязый.

Хромой мигом подскочил к Болтуну.

— Давай билет!

— Да как же это... как же?.. — казалось, Болтун сейчас разрыдается.

Он смотрел то на Долговязого, то на Хромого, но в их лицах сквозила решимость и не было и намека на жалость. В последней надежде Болтун посмотрел на Прыща. Но тому было все равно — он готовился к прыжку.

— Билет! — напомнил Долговязый.

— Я не буду... больше, — прошептал Болтун. — Честное слово!

— Билет! — рявкнул Хромой, протягивая руку.

Болтун совершенно сник. Он полез в карман и протянул заветный билет.

Хромой выхватил его и стал рвать, а, порвав, швырнул клочки в лицо изменнику. Болтун вздрогнул, в его глазах были слезы, руки тряслись... Он развернулся и медленно поплелся прочь. Долговязый и Хромой снова возликовали, но никто не подал и вида.

Оба посмотрели на Прыща, но тому по-прежнему было все равно, он просто готовился к прыжку.

— Смотрите! — внезапно закричал Хромой.

Долговязый резко посмотрел, куда тот указывал.

Болтун бежал к краю обрыва в сотне метрах от них.

— Его надо остановить, — пробормотал Хромой. — Он же разобьется!

Болтун подбежал к обрыву и с отчаянным криком, расставив руки, полетел вниз головой.

— Тоже мне, птица поднебесная, — Долговязый презрительно сплюнул, провожая Болтуна взглядом. — Развоображался тут, понимаешь! Говорил, что не верит, а сам... Даже без билета прыгнул. Кому ж он нужен теперь такой?!.

— Ну, я пошел, — Прыщ в последний раз оглядел товарищей, кинул озабоченный взгляд на нескончаемую толпу позади, кивнул двум вооруженным солдатам в форме, один из которых заметно покосился и теперь торчал из земли под нелепым углом в сорок пять градусов.

Прыщ разогнался... Нога его коснулась трамплина, но трамплин не отпружинил, как ожидал Прыщ. А потом: нелепый взмах руками, головокружительное сальто и последний разочарованный «хряп»...

Долговязый с Хромым, подскочив к краю, снова изобразили на лицах сильное сожаление, улыбнувшись про себя. Долговязый, пользуясь моментом, незаметно приблизился к трамплину и быстро вынул камушек, потом резко оглянулся. Хромой быстро отвернулся, делая вид, что ничего не видел.

Долговязый подошел к нему.

— Ну, вот — моя очередь, — протянул он с улыбкой.

Хромой, не скрывая своей зависти, пожал ему руку, вежливо напоминая не забыть про билет, и желая Долговязому ухнуть как следует.

Долговязый отошел от обрыва метров на двадцать, потом для солидности отступился еще на пять, потом еще на три, ощущая на себе внимание тысячи завистливых глаз.

— Ну, с Богом! — прокричал он и побежал.

Шаги давались легко, воздушно...

Пестрые картинки неожиданно заполнили его сознание — все, от чего он бежал. Бежал сейчас. Трещина памяти была полна ярких, ненужных, пустых воспоминаний, как мусорная яма — выкинутых разноцветных этикеток, случайно брошенный взгляд на которые выхватывает то одну из них, то другую. Ярко. Разноцветно. Бессмысленно.

Плачущая посреди ночи при свете красного ночника дочурка в колыбели со сломанной деревянной жердочкой. Сонные уставшие глаза жены, сердито говорящей ему что-то. Ее мятые локоны растрепаны и свисают ушами коккер-спаниеля. И такие же грустные, влажно-коричневые глаза. И так хочется проявить чуть-чуть жалости, потрепав нежно ее по загривку. То, чего он всегда так желал, но стыдился.

Его начальник — маленький, полный, рано полысевший, кричащий на него в своем кабинете. От одного взгляда на которого так и тянет к рвоте, и страшно хочется подойти и наблевать ему прямо на лысину сверху вниз. Да, да, вот так, просто подойти и... и посмотреть, что будет дальше... То, чего он всегда так хотел...

Шаг... Еще... Еще...

Еще — картинки, еще — видения, еще — воспоминания...

И вот... трамплин мягко и приятно отпружинил, отбросив его вверх и довольно далеко. Долговязый расставил руки, секунду он парил в воздухе. Сзади сразу раздались завистливые вздохи. На мгновение, бесконечно прекрасное мгновение он завис над обрывом, а потом, стремительно набирая скорость, полетел вниз.

Хромой кинулся к краю, не желая пропустить, как шлепнется Долговязый.

«А что, если Болтун все же оказался прав, — внезапно испуганно подумал Долговязый, видя, как стремительно приближается земля, — и нет там никакой райской жизни, ничего нет? Вся наша жизнь — все было ложью, обманом?!.»

Тут совсем уж неожиданно и некстати он вдруг понял, что же не давало ему все это время покоя — то, что раньше он только чувствовал, но не мог понять, что — что-то неправильное, какой-то изъян в самой затее. Никто из всей огромной очереди, стоявшей за ними, ни разу не проронил ни единого слова, ни разу не пошевелился... Манекены! Массовка для ажиотажа! Обман! Всего лишь манекены! О, нет!

Он понял это только сейчас. Только сейчас! Слишком явно, слишком явно, чтобы сомневаться еще. Значит, Болтун оказался прав! Прав! Вот и солдаты оказались картонными, как и Райские Врата. Он понял это тогда почти сразу же, но ничего не сказал. Какая разница, что из картона, раз он получил это сокровенное место в партии, в партии на самом высоком обрыве?!. Какая разница, из чего, раз в кармане был заветный билет!

Обман? Нет, не может быть! Долговязый вздрогнул. Из-за Болтуна он чуть не забыл о главном — билет!

Он быстро выхватил из кармана его. Маленький, красный, помятый, пустой листок — наспех неумело вырезанный клочок из детского альбома разноцветной бумаги — свой драгоценный пропуск в рай, за который отдал все, что у него было. Любовь, надежду, веру, жизнь... и держал его теперь двумя руками, вытянутыми перед собой.

Острые камни приближались все быстрее.

Долговязый зажмурился. Он падал абсолютно отвесно, вытянувшись по стойке «смирно», робко протягивая в пустоту свой билетик. А сверху, так недосягаемо далеко сверху на него смотрели два завистливых глаза...

ТРИО НА МОСТУ

Заклинаю тебя... Заклинаю! Заклинаю!.. А не сумею если...

Твои, кареглазик, в пыль желанья сотру — а ветер их и развеет. Чик!.. И сразу словосплетений карапузов мириадами набросаю-набросаю, запутался чтоб. Завяз, не разобрался, не успел понять... В мгновенье вздоха обрывки страстей брызгами мимолетно в лицо швырну. Ты слова другого в поисках метнешься вздохнуть — словами затоплю. И одеждой мокрой на ветру завянешь. Пусть! Куча и одни глаза из кучи — вот и все. Голодных мечтаний куча, да мгла достоинств ничтожных. Узнаешь, каково! Пусть! Пусть!.. Боишься? Боишься?!. Боишься... Трясет тебя, кареглазенький. Ох, как трясет! От жизни, что ль? Нервов, что ль от? Что? Что бормочешь? «Отряхнуться бы? От ужаса?» Поздненько! От с самим собой единения тоски не отряхнешься! Одно спасенье тебе — боли, боли, боли. Не так, чтобы уж очень, а так, чтоб с нытьем, в костях да мышцах, родимой. Чтоб только на иллюзию для себя

мученика хватило чтоб. Чтоб стыд да нытье наружу криком не вырвались, еще терпелось чтоб. Под тобою встану, вскину голову омутом серебра зеленоглазого. Ну, ныряй! Мышью заартачится. Мысль мелькнет: «Что он без тебя? Мышь. Она и есть». Осознаешь ничтожность друга любимого, ой больно станет. Обида такая, что не почувствовать ничего, а укусишь себя за локоть — еще больнее. Плюнешь. Опустишь веки, да и отпустишь. Леску отпустишь нехотя, рыбаком, что бесполезного малька поймал, осознавшим. И в головокруженье восторга пустого бесконечно закрутит омут его тело жалкое, никому не нужное. Так... просто... прочь... Что паяца на пластинке крутящейся… Паяц! Запричитает израненный, уколами выцарапанными, руки снизу протянет дрожащие: «Нет покоя мне, нет. О, ты...» Усмехнешься зло, смешное повторив эхом безликим и только: «О, ты...» — ветер подхватит, да развеет. Бесполезными взглядами напрасных обещаний изласканное, да порожними намеками сердце обгрезившееся. Кому надо такое? Грезит, грезит, да и пришьет когда-нибудь к забытой заводи мечтами седыми — нитками несчастного. Если не захлебнется — нет да нет, да и выстрелит очередным шансом фортуна. Расщедрилась на подачки, жалостливая. Ишь... Сытой птицей сверху каково-то? Что захочу, то и дам. А падает что сверху? Все одно. О-хо-хо. Пробьет изоляцию, рано или поздно пробьет, как в слова ни кутайся. Нежностью ли? Ласками ли? Да одиночеством хоть! Позднее пробьет — больней. Помашу ручкой через плечо, повернуться — много чести: бай-бай, любимым не ставший. Крутись дальше сам, как можешь. А утянет в омут когда — повернешься одинокой на мосту, слезы ветру подставив — пусть высушит, пока не видит никто. Но появится вмиг третий, случайный прохожий, лекарь незваный. Его-то не пошлешь, не уймешь, не поставишь на место, не задушишь, не укатаешь — бедный, бедный, сам бедный малый. Сам под жалость просится, а все туда же — Ле-карь. И стоит на мосту подле, и причитает, и сказки нежные — на ушко. А голосок вкраденький, глазки нежненькие... Иди к черту! Оттолкнешься и... в омут к кареглазику с моста... Буйство красок над водою тихой зашатается колоссом глиняным. Вечер в ивах... Пруд затиненый... Ой, смотри — уточки! (Ой, рыбки! Ой, мышки! Ой, птички! Ой, пупсики... Ути-ути...) И одним утром рассыплется иллюзия «вдвоем». Тем сонным утром напитки

смешивать станет друг любимый — душу изнутри свою омыть, да все едино. Все равно. Что? Нашел себя? Ну, давай! Подушит себя в объятьях ненависти лютой. Не то! Простонет мучеником. Опять не то! Глазками своими карими на тебя нежно поморгает... Ан нет! Снова не то. Проскользнулось. Проморгалось. Продурачилось. Хватит, так что. Иди, тщись, живи, паяц. Паясничай дальше...

Так все и будет. Будет, дурачок. И потому... Пока ты... Все еще здесь. Рядом. На мосту...

Заклинаю тебя... Заклинаю! Заклинаю!..

МИЛЕНА

Милене с любовью

— Я люблю только розовые! — кричит Милена. — Они самые вкусные! Только розовые, слышишь?

Я слышу, но молчу.

Кое-как умудряюсь пробиться поближе и пристроиться в очередь за пирожными с таким видом, будто стоял здесь всю жизнь. Не порядочно, а что делать? Если встать в конец, как положено, это займет уйму времени. А Милена не умеет ждать! Потом будут упреки в мой адрес: и что я — мямля, и что Виктор, например, всегда и все покупает своим девчонкам без очереди... И все это — с многозначащим выводом, что я — ничто, по сравнению даже с этим Виктором. Причем это «даже!» будет произнесено с особенным выражением, и возможно — с прищуренными глазками. Представляете?!.

Если ждать придется слишком долго — а для Милены в это понятие укладывается от силы пять минут, — то она может просто уйти или увлечься каким-нибудь приятным незнакомцем на улице, а то и отправиться под руку вместе с ним.

«Как же так?» — спросите вы.

А что? Для Милены это нормально…

— Ты заметил, какие у него были потрясающе милые усики? — всегда спрашивает меня Милена после того, как я обычно с трудом отбиваю ее от ее новых друзей.

— Нет, — говорю я. — Зато я заметил, как он смотрел в твой вырез в мини-юбке.

Несколько минут после этого мы идем в полном молчании — Милена дуется. Потом она забывает, что она обижена и радостно кричит:

— Ой, смотри, какая милая собачка на той стороне улицы. Нет, не эта! Ну, какой ты глупый. Вон там!.. Правда, милая! Ах! Я всегда мечтала иметь такую…

— А я всегда не мог понять, зачем ты сделала такие вырезы на своей мини-юбке? — парирую я.

Милена еще несколько секунд, встав на цыпочки, машет собачке, которая уже давно повернулась к ней задом.

Сейчас она действительно — самая милая девочка на свете. А никакую другую вы бы и не согласились терпеть с таким ужасным характером.

Итак, мой вопрос, как всегда, повисает в воздухе. А я больше всего обижаюсь, когда меня игнорируют, особенно если я — ничто по сравнению пусть даже с самой премилой собачкой.

Когда от собачки Милена немножечко «отходит», у нее сразу же портится настроение. Прошу учесть, что все до этого она творила в хорошем. Представляете, что бывает, когда она — в плохом?!. Она что-то придумала! О! Нет! Она решила потанцевать прямо посреди улицы!

Я выбегаю за ней на проезжую часть и чудом не попадаю под такси. Машины сигналят. Я силой утаскиваю проказницу на тротуар. Она отбивается. Вот так-то!

А знаете, что Милена учудила сегодня перед нашей встречей? Она решила узнать, как сильно она мне нравится. Мы договорились встретиться ровно в пять на площади под часами. Я пришел и стал ждать. Пять пятнадцать… пять тридцать… пять сорок пять… Ее нет!

А она все это время выглядывала из-за угла и хихикала — хотела узнать, сколько же я готов ждать ее! Даже ручки потирала от восторга, когда стрелка на часах перешла за шесть… М-да!

Я ловлю несколько взглядов от прохожих на ее сверх-мини-юбку. Она сама выбрала самую короткую в магазине, потом дома ножницами обрезала ее чуть ли не наполовину, а потом еще придумала сделать несколько разрезов. Теперь это ее любимая юбка. Она ведь обожает играть с людьми…

Какой-то мужчина идет нам навстречу и не может оторвать взгляд от этих разрезов, как ни старается. Он так таращится — непонятно, что хочет высмотреть еще, ведь и так все уже видно — это замечает даже сама Милена.

Вы думаете, она смутится? Наоборот! Еще сделает вид, что ей стало жарко и помашет юбкой туда-сюда, приподнимая ее руками и пританцовывая.

Вас интересует, что обычно бывает после этого?

Мужчина или прицепится к нам, или останется стоять как вкопанный. И Милена опять мило хохочет в ладошку на моем плече…

Очередь за пирожными двигается так медленно!

Но самое страшное — если вы оставите Милену одну, она обязательно придумает какой-нибудь «безобидный и милый» — как она говорит, розыгрыш. А отвечать всегда приходится мне. Час назад, например, мы ехали с ней в метро. Рядом стоял мужчина в рубашке с петелькой на спине. Милене так захотелось дернуть за эту петельку! Ну, и… Мужчина с рассерженным видом обернулся (его, оказывается, постоянно все за нее дергали). Мне пришлось долго извиняться.

Ну, что там за пробка? Все берут без очереди!

Я уже давно потерял Милену из поля зрения и мне остается только одно — молиться, чтобы она затеяла не слишком серьезную «шуточку».

Наконец подходит и моя очередь. Я покупаю три розовых, как она и просила. Выглядят они очень соблазнительно. Но такими они кажутся только тогда, когда с утра до вечера ешь не только их… А эта сладкоежка Милена… Ах!

Я протискиваюсь через толпу с риском для своего костюма и с еще большим риском для самих пирожных. Кто-то толкает меня локтем. Одно пирожное выскакивает из моих рук, и я пытаюсь его поймать. Но безуспешно — кому-то при падении оно испачкало брюки, и кто-то уже наступил на него ногой.

Милены нет! Она говорила, что будет ждать у фонаря. Я пытаюсь высмотреть ее в пестрой толпе. Ага!.. Она отняла у какого-то малыша водяной пистолет и обливает из него прохожих!

Вот так — знай наших!

Расступись, народ!

Это — Милена, собственной персоной!

Самая легкомысленная, самая взбалмошная и… самая обаятельная девчонка на свете!

Я пробираюсь к ней и отнимаю пистолет. Отдаю его хнычущему малышу. Тогда хныкать начинает уже Милена. И вдруг она шутливо кусает меня за ухо.

— Прости, — говорю я, — но это — мое ухо! А пирожное — вот оно!

Она берет пирожное, смотрит и с задумчивым видом говорит:

— Как ты думаешь, какого оно цвета?

— Розовое, — отвечаю я честно, не ожидая подвоха.

— Оно красное! — взрывается Милена. — Я же говорила тебе, что я люблю только розовые. Они же самые вкусные! А ты… ты…

И вот на меня вновь смотрят прищуренные глазки…

Спорить с ней? Бесполезно! Я лучше поспорю с манекеном — пользы столько же, но манекен хотя бы иногда слушает.

— Нет, это есть невозможно! — заявляет Милена.

Она, похоже, разочарована. Вдруг вся вспыхивает:

— Но не расстраивайся, я знаю, что можно сделать.

Если Милена говорит так — быть беде. Она опять что-то придумала. Я угадал! Она подбегает сзади к пожилому мужчине, который вот-вот сядет на скамейку, и подкладывает ему свой «сюрприз»! Я куда попало бросаю оставшееся пирожное и бегу спасать мужские брюки от стирки, а Милену от скандала. Не успеваю — мужчина садится, но, к счастью, не на пирожное, а рядом. Я облегченно вздыхаю и оттягиваю Милену уже от газетного киоска, в открытое окошечко которого она пытается попасть, плюнув жевательной резинкой.

Милена не хочет идти.

— Пусти меня, противный! — говорит она и упирается.

Но все же идет со мной. Я отвожу ее в сторонку и говорю:

— Ты же обещала, что больше не будешь! Мы поссоримся!

Милена высовывает мне на обозрение свой розовый язычок и с видом проказницы отворачивается — иногда и ей бывает стыдно.

— А ты обещал сводить меня на аттракционы! — вдруг восклицает она. И добавляет, передразнивая: — Мы поссоримся!

При этом она по-заговорщицки улыбается, глядя мне в глаза, и как маленькая девочка берет указательный пальчик в надутые по случаю губки. Я мотаю головой и говорю:

— Мы в обезьянок сейчас не играем!

— Играем! — говорит она и смеется, как и я, мотая головой. — Я хочу аттракционы. Пожалуйста, ну, пожалуйста. — И она тихонечко тянет меня за руку.

Ну что я могу поделать, если она такая милая…

День проходит как обычно: Милена все время шутит с людьми, а я все время ее ругаю и оттаскиваю. Вечером, вконец обессиленный, я провожаю ее домой и благодарю Бога за то, что сегодня она не выкинула ничего серьезного. Как в прошлое воскресенье, например…

По дороге домой Милена молчит и о чем-то серьезно думает. Если слово «серьезно» вообще уместно по отношению к ней. Мы доходим до ее дома. Она вырывает свою ручку из моей руки и, понурая, заходит в подъезд. Но тотчас появляется, вся — веселье и радость. Подбегает ко мне и, обхватив мою шею руками, целует. Я обнимаю ее одной рукой за талию. Она сгибает ножки в коленках и виснет на мне. Приближает свои губки к моему уху. Наверное, опять укусит! Я пытаюсь отстраниться. Но она не кусает, а только смеется и отрывисто шепчет:

— Люблю… тебя… глупый…

— Правда? — спрашиваю.

Она сначала мотает головой, потом начинает ею беспрестанно кивать, потом опять мотает, потом…

— Не понял, — говорю я.

— Я и сама не поняла, — смеется. — Я тебе позвоню в следующее воскресенье, да?

Она все еще висит на мне.

— Да, — соглашаюсь я.

«Но это-то воскресенье, — думаю, — я пережил!».

Милена уходит. Я разворачиваюсь и иду домой, все время думая: «Я влюблен в нее до умопомрачения, но любит ли она меня?»

Не знаю.

А вы как думаете?

ТАЦЦЯНА ПУХЛЯК

Родилась 25 июня 1982 года в Минске. Буквально с первых дней врачи поставили на моей жизни большой крест, а одна просвященная в сфере врожденных патологий дама так и заявила матери: «Ваша девочка проведет свою жизнь в инвалидной коляске...»

Но моя мама решила, что этому не бывать! И действительно, лишь благодаря родителям и дедушке сегодня я умею делать все то, что необходимо человеку для нормального и независимого существования в этом мире.

Отучившись девять лет в классе с углубленным изучением иностранного языка, я поняла, что английский — это далеко не та твердая уверенность в завтрашнем дне, которая необходима каждому из нас. В это же время начала замечать, что с разного рода проблемами друзья и подруги идут именно ко мне, будучи уверены, что тут им обязательно помогут.

Школу закончила с серебряной медалью. Теперь — студентка факультета социальной педагогики и практической психологии.

Пишу стихи и рассказы.

ДЫМОК ИЗ ЧАШКИ

Посвящается моей маме

Боль

Андрей вскочил в поту, с ужасом оглядывая полупустую комнату. Свежеокрашенные косяки тускло поблескивали в свете фонаря. Фонарь смотрел в пустое, не завешенное окно и немного освещал сгрудившуюся в углу мебель, которая вот уже год ждала того часа, чтобы занять в этой комнате свое постоянное место.

Его дыхание пришло в норму, но в висках еще стучало. Он посмотрел на подушку. На кремовой наволочке выделялись три бордовых пятна. Снова из носа шла кровь. Это продолжается уже два года, а началось с того самого дня, когда произошла авария. Андрей подошел к окну и долго всматривался в темноту. Какие-то беспорядочные образы проносились, словно вихрь, в его голове. Они перелистывались, как страницы, пока не открывалась та, которую Андрей пытался спрятать в самые недоступные уголки своего сознания.

Авария

Лена и Андрей полюбили друг друга почти с первого взгляда. Но на проверку чувств им понадобилось три года. Свадьба была тихой и скромной.

К этому времени Лена была уже на шестом месяце… В памяти вновь всплыли события того дня.

— Доброе утро, милый, — сказала Лена, лениво потягиваясь в постели. — Ты опять полночи просидел в кресле, наблюдая, как я сплю?

Андрей виновато улыбнулся.

— Если так пойдет и дальше, ты будешь спать днем вместе с Андреем Колоколовым-младшим! — Она сделала серьезный вид, словно действительно разозлилась.

Андрей снова виновато улыбнулся и нежно поцеловал Лену.

— Ну и буду... А что — нельзя? По крайней мере — будешь отдыхать от двоих сразу. Так будет гораздо легче.

— Да, что и говорить!.. — промурлыкала Лена. — Два младенца в одной квартире будет слишком даже для меня.

— Ну, я полагаю, твое терпение способно и на большее. И вообще, с чего ты взяла, что это будет мальчик? А вдруг это будет… Это будет Елена Прекрасная?.. Я что, зря учился завязывать на кукле бантики?

Лена засмеялась так звонко и заразительно, что даже надувшийся Андрей не смог не просиять улыбкой.

— Так, посмотрим на наши сегодняшние планы. Ага. Школа для будущих мам… Кстати, в четверг совместные занятия с будущими папами. Не думай, что тебе удастся отделаться одними бантиками, тем более, если родится мальчик.

— Ленусик, ну, конечно, я приду. Только не забудь мне об этом напомнить. Ты собиралась пройти по магазинам. Но я прошу, будь осторожна...

Андрей и сам не понял, почему так сказал. Потом он много раз вспоминал эту фразу, силясь понять, что это было — случайность или предчувствие.

После занятий в школе для будущих мам, Лена отправилась по магазинам. Домой она возвращалась веселой и счастливой. Поглощенная мыслями о предстоящих событиях, подошла к переходу. Загорелся зеленый свет, Лена шагнула с тротуара, но так и не встала на проезжую часть… Крик, визг тормозов, пронзительная боль и все — одна только мгла. Потом — вой сирены, голоса докторов, суматоха, шум, а среди шума — слова: «Мы больше ничего не можем сделать…»

Удар

Андрей начинал волноваться. Магазины закрылись, несколько раз звонили подруги. С каждым звонком тревога нарастала, словно снежный ком. Дверной звонок промчался по жилам, будто электрический ток. На пороге стояли незнакомые люди в форме. 133... Ровно 133 секунды понадобилось работникам милиции, чтобы разбить в пух и прах всю жизнь Андрея. Ему становилось плохо. Он судорожно хватал воздух ртом, но воздуха не хватало. Андрей сполз и сел на ковер, обхватив голову руками. Он машинально отвечал на вопросы, в полутрансе слушал рассказ о пьяном мужике,

катавшемся по городу на сумасшедшей скорости, о том, что его имя известно, и что его скоро поймают, что на его совести не одно такое происшествие…

Андрею было плевать, сколько их там. Главное, что это *Он* забрал у него жену и ребенка. Андрея повезли в морг на опознание. За эти три часа Андрей постарел на несколько лет: глаза потускнели, лицо осунулось, исчезла так привычная его друзьям улыбка.

Пустота

Дни тянулись, словно одна серая пелена: похороны, поминки, следствие, показания, потом — снова поминки, потом — суд.

На суде Андрей вел себя так, словно ему было все безразлично. Но это была только видимость. Во время следствия выяснилось, что убийца нарочно искал беременных женщин. Его адвокат сделал все, чтобы подсудимого признали невменяемым. Но Андрей, в тайне от всех, сделал еще больше, чтобы этого не произошло. Убийце дали 12 лет лишения свободы в ИТК строгого режима.

Пока шел процесс, Андрею было легче. Была цель — не дать ему уйти, была причина жить и бороться. После суда все это исчезло. Временно придуманный смысл жизни рассеялся вместе с окончанием следствия.

Нужно что-то делать, чем-то заняться. Андрей сменил квартиру, затеял там ремонт, пытался сделать в квартире все по-новому, чтобы вещи и обстановка напоминали как можно реже обо всем случившемся. Отчасти спасала работа— руководство фирмой требовало много времени…

Очнувшись от оцепенения, Андрей отошел от окна. Проходя мимо тумбочки, зацепил стопку книг, они с грохотом полетели на пол: «Вот, черт! — подумал Андрей. — Придется включать свет». Он долго поднимал разлетевшиеся книги. Каждую долго рассматривал, перелистывал страницы. Все книги были любимыми сборниками стихов Лены. Андрей аккуратно сложил книги стопкой и заглянул за тумбочку. Там лежала маленькая зеленая книжечка — сборник стихов Евгения Блажеевского. Андрей наугад открыл книгу и прочел:

Сквозь этот голый нищенский пейзаж,
Сквозь строй венков, поставленных у входа,

Мерещится какой-то странный пляж,
И с ветром, набирающим форсаж,
Ревет над крематорием свобода!..

Книга выпала из рук Андрея. Он сел на пол, обхватил голову руками и просидел так до рассвета. Тогда он читал это стихотворение другими глазами, воспринимая строки уже совершенно иным сознанием.

Оттепель

Сначала летели листья, потом их становилось все меньше и меньше, они все реже и реже прилипали к мокрому от дождя стеклу. А потом за окном появились белые снежинки. Пролетая мимо окна Андрея, они на мгновение останавливались, заглядывали внутрь и летели дальше. Потом их было так много, что больше ничего не было видно. Потом снежинки превращались в капли, капли высыхали, оставляя свой след на стекле окна. Потом был палящий зной и свежесть после грозы. И — снова листья, снова снег, снова капли на молодых листиках, снова жара и духота… И вот опять — полетели листья.

За два года в жизни Андрея ничего не изменилось: все та же квартира, все та же работа, друзья, постепенно начинавшие думать, что он уже никогда не оправится. Горе не ушло, хотя немного притупилось и уже не так больно кололо сердце по ночам, когда Андрей оставался один на один со своими воспоминаниями...

Назойливо затрещал будильник и тут же получил по голове. Он замолчал, а потом еще раз звякнул, словно огрызнулся: «Я-то тут при чем? Мне, что ли, надо рано вставать?» — и затих. Андрей нехотя вылез из-под одеяла и подошел к окну. То, что он увидел на улице, заставило его моментально проснуться. Андрей мгновенно натянул джинсы и свитер — и пулей вылетел во двор. Возле машины Андрея стояла девушка и изо всех сил колотила ногой по колесу. Несколько секунд Андрей наблюдал за этим зрелищем, а потом подошел к машине:

— Девушка, что вы делаете с моей машиной?

— А-а-а! Хозяин объявился! — возмущенно выпалила девушка. — Хам, нахал, эгоист. Это же надо было поставить машину так, чтобы у меня не было ни единого шанса выехать! И это именно

тогда, когда, можно сказать, решается моя судьба! — Она тряхнула головой, убрала волосы и наконец показала Андрею свое лицо.

Андрей замер от удивления: «Боже! — подумал он. — Как же она похожа на Лену! Те же — черты лица, те же — глаза, тот же — разгневанный взгляд, когда она чем-то не довольна». Похожим был даже стиль одежды — по крайней мере, ему так показалось.

— Ну, что уставился, будто в музее? Отгоняй свою машину, я опаздываю!

Эти слова вывели Андрея из транса:

— Ах, да, простите, сейчас... — Андрей огляделся, но не увидел ни одной машины, которая не могла бы выехать со стоянки. — Простите, а где ваша машина?

— Да ты что, совсем того?!. — вскипела девушка. — Да вот же она у тебя перед носом стоит!

— Вы ездите на этой колымаге?

— Я сейчас ка-ак дам «колымага»!.. Между прочим, мой «408-ой» ничем не хуже твоей «Мазды». Внешний вид еще ни о чем не говорит.

Девушка распалялась все больше и больше. Ее разъяренный вид вызвал у Андрея улыбку. Андрей выдавил из себя:

— Вы не нервничайте... Я сейчас... Только сбегаю за ключами!

Когда Андрей вернулся, девушка сидела на корточках, прислонившись к бамперу машины. Андрей остановился в недоумении:

— Можете уже не стараться. Я все равно опоздала. Ну, да ладно, давайте знакомиться: Даша.

— А я — Андрей. Очень приятно... А может, вы еще не сильно опоздали? Давайте я вас подвезу.

— Да нет, спасибо. Это уже не имеет смысла.

— А куда вы ехали, если не секрет?

— Не секрет — торопилась на собеседование... Пытаюсь найти работу, но мне не везет. Пять лет парилась в институте на юридическом. И вот результат: мотаюсь от конторы к конторе и никакого толку. Бр-р. Надоело!

Андрей на мгновение задумался: «А почему бы и нет?.. Мне нужен юрист, больших денег она не потребует — уровень не тот, а я избавлю себя от изнурительных собеседований. Ну а дальше, дальше — посмотрим».

— Послушайте, Даша. А не хотите ли вы пройти это собеседование у меня? Я — директор фирмы. И раз уж так вышло, что из-за меня вы опоздали на собеседование, позвольте мне как-нибудь компенсировать свой проступок.

Даша взглянула на него огромными от удивления глазами:

— Вы сумасшедший или издеваетесь?!.

— Вроде бы — нет... Но если вас не интересует мое предложение, то я не стану настаивать.

— Нет, подождите! Если вы не шутите, то я — согласна.

Следующие три часа Андрей и Даша провели в небольшом кафе. Все это время они разговаривали и могли бы говорить гораздо дольше, ни капли не наскучив друг другу.

...Даша прекрасно вписалась в коллектив фирмы Андрея. Ее полюбили почти сразу, и через два месяца всем казалось, что она работала тут всегда. Для Андрея все это время было самым настоящим счастьем. Он менялся прямо на глазах: повеселел, стал чаще улыбаться, вновь заинтересовался спортом… Даша вернула ему смысл жизни, стала тем лучиком света, который освещал его путь.

Время летело быстро: ноябрьские праздники, Рождество, Новый год, путешествие по Европе… А потом — пришел февраль. Промозглый и серый. Оттепели с грязными лужами и слякотью моментально сменялись сильными морозами и обильными снегопадами. Как и все прошлые годы, мимо окна Андрея пролетали снежинки и капельки дождя, но уже не заглядывали туда, как раньше. Они знали: там все в порядке.

Сны наяву

На работе Андрею стало плохо. Еле досидев до обеда, он решил, что глупо себя мучить: жутко болела голова, ныли все суставы, свет резал глаза. Направляясь к кабинету Даши, Андрей подумал: «Ладно, хватит геройствовать. Придется признать, что подхватил грипп. А ведь Даша говорила, что нужно поберечься».

Словно школьник на ковер к директору, Андрей зашел в кабинет Даши. Ей было достаточно одного взгляда, чтобы все понять:

— Андрей Михалыч!— ехидно покривилась Даша. — Ну просто как маленький ребенок!.. Все! Довольно! Немедленно едем домой!

Андрей и не думал сопротивляться даже тогда, когда Даша бесцеремонно заняла место водителя.

Через несколько часов Андрею стало совсем плохо: поднялась температура, начался бред. Он овладевал сознанием постепенно: сначала Андрей то засыпал, то просыпался и пытался что-то сказать Даше, а потом — окончательно провалился в пустоту.

...Андрей проснулся утром следующего дня. Его разбудил солнечный лучик, нагло разлегшийся у него на щеке. В комнату вошла Даша:

— Уже проснулся?.. Доброе утро. Как самочувствие?

— Неплохо…

— Ну, вот и хорошо, — сказала Даша. — Я на часик — в офис. Заодно захвачу твои документы. Когда станет получше — будешь работать дома. Ты полночи бредил каким-то квартальным отчетом.

— Серьезно? — Андрей улыбнулся. — Только ты недолго, а то я соскучусь и заболею еще сильнее. — Он сделал страдальческое лицо.

— Да ладно тебе, — рассмеялась Даша. — Я мигом. Машину брать не буду. На улице гололед. — Она махнула рукой и скрылась за дверью.

Андрей немного повалялся в кровати, потом засел за компьютер — писать отчеты. За делом время летело очень быстро. Зазвонил телефон. Андрей снял трубку — это была Даша. Она предупредила, что уже выезжает и скоро будет дома. Андрею не сиделось — и он решил встретить Дашу на улице.

Погода была просто прекрасная. Яркое солнце, лазурное небо и белый, искрящийся на солнце, снег. Андрей с нетерпением всматривался в сторону остановки, наблюдая за тем, как подъезжают автобусы. Вот, наконец, в толпе вышедших из автобуса замаячила знакомая фигурка в бордовой дубленке. Подойдя к переходу, Даша заметила Андрея и погрозила ему кулаком. Андрей с ужасом вообразил предстоящую лекцию по повуду его здоровья. Даша уже почти перешла дорогу, как вдруг большая фура на огромной скорости вылетела с противоположной полосы прямо на пешеходный переход. Андрей с диким воплем бросился к Даше...

Она лежала возле обочины с закрытыми глазами. Андрей тряс ее, кричал, умолял, что-то говорил, но Даша даже не шевельнулась.

Приехавшие медики смогли только определить причину: перелом шейных позвонков вследствие сильного удара…

Сознание Андрея словно отключилось. Его мозг просто не мог пережить весь этот ужас заново. Когда все закончилось, и машина скорой помощи увезла пострадавшую, какая-то соседка отвела Андрея домой. Она дала ему несколько таблеток снотворного и посоветовала лечь спать. Андрей выпил их и лег в кровать лишь с одним желанием: никогда больше с нее не вставать…

Андрей не знал, сколько времени он проспал. Встал с кровати и подошел к окну. На улице снова была серая слякоть. Во всех окнах в домах напротив горел свет. Настенные часы пробили семь раз. Андрей отошел от окна и направился в кухню. В голове все больше и больше крепла мысль об огромном количестве таблеток и о покое, который наступит после них. Андрей включил свет и пробежался взглядом по кухне. Не понимая, зачем туда пришел, он уже хотел выключить свет и вернуться в комнату, как вдруг его взгляд остановился на подоконнике. Там стояла чашка, а из нее вилась тоненькая струйка дыма. Андрей пулей подлетел к подоконнику и схватил чашку. Она была на половину наполнена кофе. Андрей посмотрел на стол. На нем лежала записка:

«*Ушла в аптеку. Скоро буду. ДАША*».

В этот момент за своей спиной Андрей услышал невероятно знакомое, но очень недовольное сопение. От неожиданности даже выронил чашку. В дверях кухни стояла Даша и с укоризной смотрела на Андрея:

— Нет! Ну, я решительно ничего не понимаю! Ты чего с температурой по квартире шастаешь? Да ты в состоянии хоть немного о се…

Андрей не дал ей договорить и с диким воплем: «Это всего лишь сон!» бросился Даше на шею…

А за окном шел снег. Из-за него почти ничего не было видно.

ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ ВЕДЬМЫ

Иоланда лежала на кровати, устланной чистым льняным полотном. Над кроватью висел балахон, запылившийся от времени. Он был серым и мрачным, словно и тот век, в котором ему пришлось

существовать. Но вот на балахоне заметались разноцветные огоньки и послышался легкий шелест невесомых крыльев. Что-то белое, похожее на человеческую фигуру с крыльями, спустилось на кровать и село рядом с умирающей девушкой. От фигуры исходило еле уловимое и манящее сияние, к которому так и хотелось прикоснуться. Сияние стремительно заполнило комнату, осветив ее самые дальние уголки. Откуда-то послышалась нежная музыка — тысячи колокольчиков зашептали и зазвенели от легкого дуновения ветерка…

Но все это вдруг померкло, отодвинулось на второй план. Комната наполнилась дымом. Пол разошелся и, сопровождаемый столбами искр и пламени, из бездны появился Он. С головы до ног его окутывал черный плащ. Казалось, он был сделан из клубов едкого дыма. Снизу виднелись лишь два копыта, а сверху — несоразмерная голова со свинным пятаком, увенчанная парой закрученных в спирали рогов...

Черт и ангел одарили друг друга пренебрежительными взглядами и занялись тем, чего ради и прибыли. Девушка умирала, и каждый из этих двух появились тут с четким намерением овладеть ее душой.

— Она должна оказаться в аду! — сказал черт. — Иоланда всегда была не такой, как все. Ее поведение, порой, было возмутительно: она не слушалась родителей, могла запросто пропустить проповедь в церкви, месяцами не появлялась на исповеди, не здоровалась с вассалами Бюргера, могла не поклониться священнослужителю. Хуже того, она беседует с Солнцем, разговаривает с птицами и прочей никчемной живностью! Этот список можно продолжать в течении двух, а то и трех круговоротов солнца. И это-то — за неполные шестнадцать лет! Можешь, братец ангел, даже и не стараться. Она — моя!

— О, нет! Это дитя не может быть таким! — возразил ангел. — Да, пусть она своенравна и строптива, но, скажи мне честно, много ли людей сегодня отдадут последний кусок страждущему? Каждый ли осмелится напоить прокаженного, дабы не умер то жажды, когда прочий люд гонит его камнями от родника, боясь заразиться? Всякий ли проведет две ночи в лесу, сидя подле лошади, сломавшей ногу?.. Такой человек не может попасть в ад. Я не отдам ее тебе!

— Она — моя!

— Нет — моя!

— Моя!

— Моя!..

Голоса становились все дальше, слова уже были еле различимы… Иоланда проснулась. Сквозь маленькое слюдяное окошко пытались пробиться первые солнечные лучики. Девушку совсем не напугал ночной кошмар, потому как этот сон стал для нее таким частым, что уже просто не мог ее испугать.

Со двора послышались голоса: это были отец и брат Иоланды.

— Нам нужно взять новый участок... Я думаю, у нас хватит сил его обработать. Мы — потомственные одальманы. Мы — свободные люди и вправе взять столько земли, сколько сможем обработать.

— Я думаю, отец, это дело стоящее. Да, вчера заезжал сосед из Северной долины, снова говорил, что согласен взять Иоланду в жены.

От этих слов сердце девушки похолодело. Страшнее любого кошмара, любых мук ей представлялось именно замужество. План созрел моментально — девушка решила бежать. Она незаметно выбралась из дома, переплыла небольшую речку, что по диагонали пересекала владения ее отца, и выбралась на косогор, за которым начиналась бедная и бесхозная земля, родившая лишь пахучую полынь да колючий чертополох.

Девушка шла целый день, не представляя куда идет и зачем. Когда солнце начало цепляться за макушки вековых елей, она была на небольшой полянке на окраине леса. Здесь, около маленького ручейка, решила отдохнуть и подкрепить силы. Легла на траву и сладко заснула.

Когда проснулась, над лесом уже сгущалась тьма, становилось холодно. Иоланде представилось: хорошо было бы посидеть возле костра, как вдруг невдалеке за деревьями — увидела танцующие огоньки пламени. Быстро подошла к костру. Возле огня сидел человек и тихо бормотал себе под нос какие-то стихи. Девушка тихонько села напротив поэта и завороженно слушала. Наконец поэт заметил Иоланду и спросил, понравилась ли ей поэма о странствующем рыцаре? Она кивнула головой:

— Ваша поэма прекрасна, только почему вы так мало пишете о природе? Если бы не было леса и гор, ваш рыцарь просто не выжил бы!

— Но разве важно, где происходит действие? Ведь важен сам рыцарь, его дама сердца, а горы и лес были созданы лишь для его подвига…

Иоланда не могла с этим согласиться. Ей вообще не понравился самонадеянный рыцарь, подвиги которого не стоили ровным счетом ничего. Но разве могла она подумать, что именно с таким человеком ей придется встретиться уже утром следующего дня.

Когда Иоланда проснулась, солнце уже поднялось. Над ней возвышалась сутулая фигура дряхлого рыцаря на тощем коне. Вокруг столпилось много народа. Все они что-то кричали, норовили попасть в девушку палками и комьями земли, а во главе толпы стоял тот самый поэт, о рыцаре которого так насмешливо и пренебрежительно вчера отозвалась Иоланда. Его глаза сверкали ненавистью и ехидной злобой. Он закричал, что есть мочи:

— Я не позволю, не позволю столь плохо относиться к своему рыцарю и к своим творениям о нем! Ни одна женщина не имеет права отзываться о нем с пренебрежением! Ты — посмела! Значит, ты — ведьма!.. Люди, посмотрите. Все сходится: рядом с ней мертвый петух и мертвая черная кошка!

Только сейчас Иоланда заметила, что рядом с ней действительно лежат петух и кошка. Она вскочила и попыталась броситься прочь, но толпа окружила ее плотным кольцом.

— Заберите у нее кошку и петуха! — истошно вопил поэт. — И тогда она потеряет свою силу!

Ведьмины принадлежности для колдовства быстро были откинуты палками прочь, а девушку схватили и поволокли в город, оглашая все близлежащие поселения новостью о поимке ведьмы. Толпа требовала расправы!

Суд свершился очень быстро. Кучка седых старичков моментально признала Иоланду ведьмой и повелела сжечь в полдень на костре.

К полудню вся площадь была заполнена людьми, жаждущими зрелища. В центре уже заканчивали установку креста и кострища.

Под дикие вопли и визги Иоланду повели на казнь. В нее летели комья грязи и камни. Но вдруг Иоланда, обезумевшая от ужаса и

страданий, выпавших на ее долю, вырвалась из рук стражников и, подбежав к толпе, стала не своим голосом кричать проклятья и желать всем страшной смерти. Ее снова схватили стражники, но в этот момент случилось что-то необъяснимое: все вокруг потемнело, стало холодно и мрачно, словно безлунной ночью. А на солнце медленно наползал черный шар, скрывая свет и лучи. В ужасе толпа бросилась в рассыпную по узеньким и грязным улочкам. Толкая, давя и затаптывая друг друга, люди неслись прочь от площади, с ужасом думая, что ведьма никогда не оставит их в покое, а горе и несчастья будут преследовать их род еще не одно поколение.

Среди обезумевшей толпы бежала и Иоланда. Ее никто не замечал. Но, даже когда она забежала в самую чащу леса, ей все казалось, что в спину дышит погоня. Когда Иоланда поняла, что никто за ней не гонится, она упала на траву и горько заплакала. Ей все еще не верилось, что осталась жива.

Иоланда решила жить в лесу. Друзьями ей были птицы и животные, лекарствами и пищей — растения. Тот день в городе был последним, когда она видела человеческие лица… Да разве были они человеческими?

А сон про ангела и черта ей больше не снился.

ГАЛІНА СЕНЧАНКА

* * *

– Почему ты такая?

– Какая?

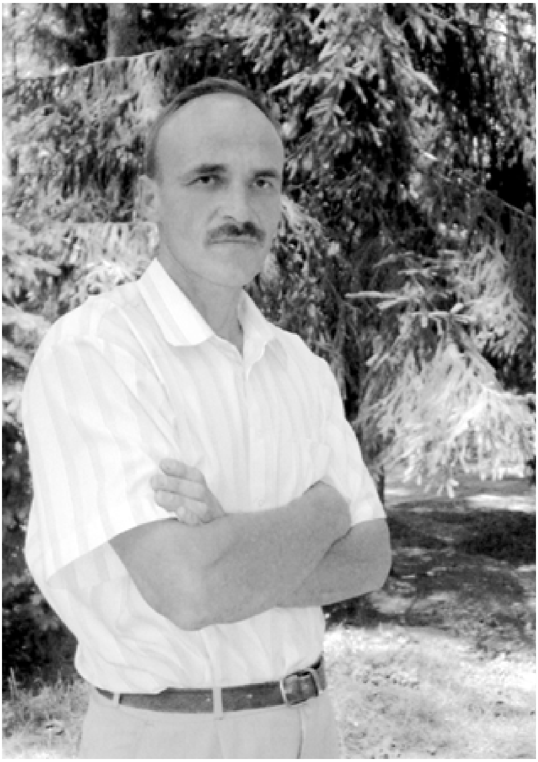
– Не такая, как все...

– Ну что ты! Я, мне кажется, может быть, самая среди всех обыкновенных Обыкновенная.

Г. Сенчанка

(Г. Сенчанка «Адраджэнне»)

ВАЛЕР СКАКУН



Сутнасць маёй творчасці — у пераадоленні супярэчнасцяў. Святло, цемра, гармонія і дысгармонія, простасць і складанасць — усё ўнутры мяне. З гэтым немагчыма справіцца, загадзя прадумаўшы свае дзеянні, паколькі, за што ні хапайся — усё аказваецца скрозь супярэчнасцямі.

Крок за крокам узняўшыся на вяршыню, азірнуўшыся, я не заўважаю ранейшых супярэчнасцяў і накіроўваюся далей спасцігаць сваю ісціну.

Скакун

* * *

Пераскочыў гады, падышоў да мяжы,
ад якое — адлік скарацечны.
І няма ў тым бяды, што ўсё хутка бяжыць...
Пазіраю ў начы на шлях млечны.

Што наперадзе там? І куды зорны след
нас вядзе — у якую прысутнасць?
У прасторы бясконцай падзення планет
я шукаю жыцця свайго сутнасць.

Пераскочыў — куды? Дзе знайсці мне адказ?
Надалей пойдзе час на імгненні...
Недзе там я, магчыма, і ўзважу якраз
свой набытак з узростам сталення.

* * *

Наперадзе — клопат ракой,
ні кладак няма і ні броду...
Я — вязень свабоды сваёй,
нашчадак славянскага роду.

Вісіць за плячыма сума —
іду я, і толькі наперад.
Мая падсвядомасць — турма.
Маё вызваленне — нявера.

То дзень абыходзіць мяне,
то ноч зачаруе раптоўна...
Шукацьме спакой у віне
ніхто не прымусіць гвалтоўна.

І прагі такое няма,
каб жыць у ружовым тумане...
Я выбавіў шыю з ярма,
стаю на магільным майдане.

Пражытага продкаў урок
і мне незабыўны да скону...
Не вязень я сёння — прарок:
з духоўнага выйшаў палону!

* * *

Узмацнелая часам сталення,
чуйнай стала душа і шчырай,
пашырэлі абсягі цярпення...
І парой вечаровай у вырай
яна прагне ляцець, каб з'яднацца
ў панаванні цішы й спакою
з такою ж павабнай душою,
і ніколі не расставацца.
У адно — два з'яднаныя лёсы:
ім па сіле жыцця віракруты...
Пачуццё, што сплывае ў нябёсы,
не змывае зямныя пакуты.

* * *

Мне Бог не сыпаў з неба манны,
а насылаў выпрабаванні...
І я — спакон вякоў гуманны —
цярпеў і здзек, і катаванні.

І вось я — вольны, незалежны,
у белы свет прастую чынна...
А нехта помсліва-драпежны
шукае на мяне ляйчыну.

* * *

Я іду туды, дзе вецер —
дзеяў розных дабрадзей —

вольна гойсае па свеце
спадзяванняў і надзей.

Я і сам раблюся ветрам,
каб з наскоку, без выгод,
у цянёты душ прыветна
пранікаць без перашкод.

Тут галоўнае не мэта —
важна ведаць: хто ёсць хто?
У мяне — душа паэта...
Для бяздушых я — ніхто.

* * *

Перад тым як нешта зразумець,
часам крыўдна робіцца — да болю.
Лёс — не срэбра блішчак і не медзь:
гэта нешта большае за волю.
Хоць звініць манета, ды нідзе
не знайсці для сэрца супакою.
Я жыву ні ў горы, ні ў бядзе —
ахвярую толькі сам сабою.
Хто пераканае мяне ў тым,
што я лёсу ўласнага — ахвяра?
Я не быў ні грэшным, ні святым,
не любіў папоў і камісараў.
Мне і сёння ў медзі галасоў
вочы слепіць блішчак пазалоты...
Нібы чмель з палону верасоў,
я не ў сілах выбіцца з дрымоты.

* * *

Усё яно — так і не так:
ні згоды, ні разумення...

Жытка мая — сцёрты пятак;
шчасце маё — натхненне.

Часам — хоць ты са скуры лезь —
брыдзеш у бяздум'і поўным...
І каб не поле, рака і лес —
воўкам выў бы на поўню.

* * *

Нам не ўявіць ні будучыні час,
ні тое, што аднойчы ўзбудзіць сэрца,
ні тое, што нашчадкам пасля нас
спасцігнуць з ласкі Бога давядзецца.

Нязведанае — там, на той мяжы,
дзе неба ў гарызонт перацякае.
Мы назнарок туды наўскач бяжым,
нібы нам тут прыгодаў не хапае.

Сучаснасці штодзённай мітусня —
няма нідзе надзейнага прыпынку,
збівае з глузду хіжая хлусня,
змушае выдыгацца пад сурдзінку.

Нас шкуматае вецер перамен,
і час ідзе гадзінай ліхалецця.
А іншага — ці будзе што ўзамен? —
не мае мо ніхто і на прыкмеце.

Вякі заўсёды розныя былі,
запоўненыя верай і цярпеннем,
і ўсё, што адкрывалі на зямлі,
ішло ў залік чарговым пакаленням.

Далейшае — няведамае нам:
наступнікі яшчэ за небакраем.

Яны прыйдуць і будуць верыць снам,
і думаць, што мы ім дапамагаем.

* * *

Ад таго, што мяне не сустрэць цяпер дома —
я не надта шкадую ля таежнай ракі.
Сярод новых сяброў і мясцін незнаёмых
адчуваю, як час прыпыніў тут вякі.

Мой спакой не парушыць раптоўна трывога,
і такая наўкола ў тайзе цішыня,
што мяне ўжо нікуды не вабіць дарога —
раўнавагу ў душы адчуваю штодня.

* * *

Над палаткай ад вогнішча клубіцца дым,
і для музы няма тут і блізка натхнення:
адчуваеш сябе ні чужым, ні сваім,
нібы здані падману, варушацца цені.

Мне адсюль да цябе не ўцячы аніяк;
у начы, бы твой позірк, — паўночная зорка.
Мой чарговы ўспамін — твайго сэрца маяк,
што, як сонечны зайчык, мільгае з пагорка.

Разуменне таго, што я тут, а ты — там,
да мяне надышло паступова...
І адно аднаму ёсць што выказаць нам,
калі будзе тваё даравальнае слова.

* * *

У чыннасці нідзе мяжы няма,
адсутнічае ў чыннасці пачатак.

За восенню заўжды ідзе зіма,
а за вясной — буяюць лета шаты.

Крамяна наліваецца лісцё
духмяным сокам, што з зямлі пульсуе...
Той чынна адплывае ў небыццё,
чыё жыццё шчасліва адкрасуе.

* * *

А потым нешта будзе...
А ўсё-ткі будзе як?
Мы што шукаем, людзі,
і што ў жыцці не так?

Хто ведае, як трэба
дзяліць адзін пірог,
калі сам Божа з неба
да нас прыбыць не змог.

Чаго ж чакае Божа —
навошта мукі нам?
Ніхто не дапаможа,
калі аслаблы сам.

Хоць і не быў наркотам,
не краў і не прасіў,
не піў, не спаў пад плотам...
Ды вось — не стала сіл.

Турбуе думак розбрык:
а ўсё-ткі трэба як?
На розум мой цвярозы —
скажу адно: — Бардак!

З тым нельга пагадзіцца,
што ўжо каторы год

вытворныя крыніцы
ў пакутах ад нягод.

А потым нешта будзе,
ды невядома як...
Мы што шукаем, людзі,
і што ў жыцці не так?..

* * *

Разгубленасці няма —
на сэрцы адчаю голкі...
Ты выбрала мне сама
палына горкія зёлкі.

І скруху — рукой зняло,
і злосці патух рэактар...
Як ёсць чалавечы фактар —
каханне ў нябыт сплыло.

* * *

Я змагаўся — як мог,
колькі сілаў было.
Сярод пыльных дарог
бярог сэрца сваё.

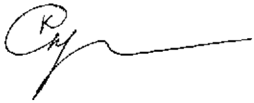
Не шукаў анідзе
сабе цішу-спакой.
У сваёй грамадзе
быў у дошку я свой.

З чужакамі — чужы,
веры ім не даваў...
І на смерці мяжы
да жыцця заклікаў.

АКСАНА СПРЫНЧАН

Іду шляхам жыцця, каб прайсці праз вернасць. Люблю бываць у Чорным замку Альшанскім, на бабровых тонях, у краіне райскай птушкі, у горадзе-утопіі. Каб чытаць зоры й казкі жыцця, вывучыла азбуку любві. Бясконца гатовая слухаць дудку беларускую, жалейку, скрыпку беларускую. Хацела б, каб людзі не журыліся, каб ведалі... Мару пабудаваць гняздо для птушкі радасці. Люблю той стан душы, які магчыма выразіць толькі як безназоўнае. На Купалле пляту вянок з курганнай кветкі й пускаю ў Ясельду. Слухаю крокі па старых лесвіцах, крокі сэрца. Адзначаю свята пчалы, свята ў будзень. Ведаю — ёсць на свеце мой алень. Гэта пра мяне — сена на асфальце, дзень вечаровы, нагбом, назаўжды, трывожнае шчасце, незалежнасць.

З усіх земляў мая — новая зямля, мае людзі — людзі на балоце. Нарадзілася і застануся — тут.



* * *

Рагнеда за сотні гадоў таму
пачуе Слова ад Аксаны
і не захоча рабыніча разуці.
Гарыцвет будзе заўсёды квітнець
успамінам пра волю
для Гарыславы.
Анастасія замоліць грахі мае,
з болем зірне
вачыма мамы...

* * *

А нехта ж жыў
у залатым стагоддзі
для мовы нашае…
А мы з табой
ці за свае правіны,
ці за чужыя
папалі ў іншыя.
А мы з табой
ужо прайшлі
паміж стагоддзяў,
і трэцяга не дадзена.
І ўсё, што скажам мы
на роднай мове,
пакінем гэтым.
А нехта ж дойдзе
па дарозе са словаў нашых
(калі, канешне, яна не будзе
занадта вузкай)
у золата стагоддзяў.

* * *

Натуршчыца —
парабчанка і муза,

скутая мастацтва путамі,
узвышаная яго свабодаю.

* * *

Паўлу Навуменку,
Міхасю Тычыну,
Таццяне Шамякінай

Усе выкладчыкі выкладаюць,
геніяльныя — выкладваюцца.
Менавіта ў іх ты вучышся
не толькі пэўную колькасць гадзін,
адведзеную праграмай,
але і ўсё жыццё.
У геніяльных выкладчыкаў
няма веры ў сваю геніяльнасць —
яны вераць у сваіх вучняў.
Геніяльных выкладчыкаў
заўсёды мала —
вельмі цяжка на свеце гэтым
быць самаадданым.

ДА СВЯТЛА

А. Яскевічу

Ты прынёс Купалу
чырвоную ружу.
Не на магілу,
не да помніка —
паклаў ля яго акна.
«Зваў з путаў на свабоду,
зваў з цемры да святла» —
чуе ружа голас Купалы.
«На свабоду» —
кожным шыпом.

«Да святла» —
кожным пялёсткам.
Твая чырвоная ружа
ля акна Купалы —
да святла.

* * *

Днём вуліц крыжы
перасякаюць мяне.
Ноччу раскрыжоўваю
адзіную вясковую вуліцу.
На згорбленай хаце
па складах чытаю назву —
«Дзя-цін-ства».

* * *

Дзве коскі запляла
і ўспомніла дзяцінства,
дзе я з кароткай стрыжкай
смяюся з фотаздымкаў.

* * *

Чорным квадратам Малевіча
гарыць дзевяць цёмных вокнаў
сярод цьмянага святла астатніх.
А хто там жыве?

ЗЯЗЮЛЯ ЛЫСАЙ ГАРЫ

Ведзьмаку Лысагорскаму

Стагоддзі дорыць зязюля
на Лысай гары.

Напэўна, ведае,
што ў гарах
доўга жывуць.
А можа, яна адзіная,
хто шкадуе паэтаў
і не шкадуе гадоў для іх
вершаў.

* * *

Чаму ўсе кажуць,
што ў мяне няма слыху?
Я ж чую, як дзівосна
спяваюць жабы.
Ну не мне ж
не хапае слыху
пачуць прыгажосць?!.

* * *

Шукаю тое,
што яшчэ згублю.
І нехта мне
ўвесь час дапамагае...
губляць.

* * *

Вецер шалее ў маіх валасах,
і я ўжо не-я, а Мядуза Гаргона.
Людзі не глядзяць на мяне,
разбягаюцца па хатах
(відаць, што чыталі
міфы Старажытнай Грэцыі).
Ніхто не хоча ўбачыць
нараджэнне Пегаса —
адсекчы мне галаву.

Можа, вось гэты?..
Ды не...
Адным валуном
стала болей
на Беларусі...

* * *

Вецер разносіць
крокі мае,
цяжкія,
нібы цішыня…
Нехта пачуе іх, калі
вернуцца стагоддзі
з вайны.

33-ЦІ ТРАЛЕЙБУС

На замерзлым шкле
пакінула сваю далонь.
Хлопчык маленькі сказаў:
«Мама, я таксама хачу
зрабіць так,
каб было ўсё відаць».
І пачуў у адказ:
«Ты ж у мяне разумны...
А гэтая цёця
абавязкова захварэе».

* * *

І ворагу не пажадаю:
ашукацца ў пошуках сябе,
дачакаццца чакання смерці,
атрымаць неўміручасць.

* * *

Успрымаць жыццё па-філасофску —
адзіная магчымасць яго ўспрымаць,
прымаць не зусім прамым,
зусім не прамым
(з усім...).

* * *

Ты заходзіш
праз расчыненае акно
адзінотаю блюза.
Каб не згубіць цябе,
спрабую зачыніць
празрыста-халоднае выйсце
на апошнім паверсе.
Аскепкі шкла разлятаюцца
драпежнымі птушкамі
ў шэраасфальтавы свет.
Праз аголенае акно
сплываюць і ты, і блюз,
і толькі адзінота
з-за сваёй сарамлівасці
не можа пакінуць мяне.

У ПАРКУ, СТОМЛЕНЫМ ЗІМОЙ...

*

У парку,
стомленым зімой,
перабіраць сухое лісце
пад промнем сонца красавіцкага,
у промнях шчырасці тваёй...
Глядзець у розныя бакі

і бачыць, як Яно мільгае
вавёркай рыжаю...
Яно... Як у Купалы, —
Безназоўнае.

*

У парку,
стомленым зімой,
дзе не куе гады зязюля,
выстуквае раман нам дзяцел,
чырвона-чорны.
Яго падслухвае
Стэндаль.
Страсць абуджаецца
ў прыродзе...

У парку,
стомленым зімой,
гуляе
красавіцкі сон.

* * *

Каханне ў глыбінях сяброўства —
як жамчужына
ў глыбінях
ракавіны,
мора,
чыёйсьці мары.

* * *

Шэрай зязюляй
накуваю табе гадоў.
Жаўруком заспяваю —
убачыш неба.

Ластаўкай буду лятаць над зямлёй —
папярэджваць няшчасці.
Мудрай савою
пакажу празрыстыя дні начэй.
Чырвонай грудкай гіля
на снезе белым
нагадаю пра мінулае
і будучыню Радзімы.
Белым буслом і чорным
падзялю жыццё на палосы.

Толькі птушкаю шчасця
стаць для цябе
не змагу.

* * *

Матуля,
прытулі мяне да сэрца.
Матуля,
наталі мяне пяшчотай.
З табой заўсёды побач
німб ахоўны
ад нелюбові.
А любові ў табе —
Сусвет бязмежны.

Межаў не існуе
і для маёй удзячнасці табе.
Матуля,
прытулі мяне да сэрца.
Матуля,
ты — прытулак для душы.

* * *

Хачу,
каб на маім пахаванні

грала
твая гітара
і мая душа
лётала
разам
з тваім голасам...

Ты не можаш
памерці раней,
бо не ўмею
спяваць.

Не хвалюйся —
чакаць
і там
не развучуся.

* * *

Калі я ападу ў знямозе
на шэры снег тваёй тугі,
не пераблытай:
не сняжынка —
бежанка крывавай бітвы,
адкуль вядзе свае гады
мой горад
вечна малады,
бо вечна ён пасляваенны...
Так, ты — не вой,
і, зразумела,
не пераносіш чырвань снегу.
Заплюшчы вочы...
Я растану,
як толькі памяць адпачне
на берагах тае Нямігі,
дзе кроў ніхто шчэ не ліе.

* * *

Дзеду і бацьку

Упасці з неба
ў іншыя нябёсы
так проста,
калі глядзіць
паэт паэту ў вочы.

Упасці з неба
ў іншыя нябёсы
так проста,
калі ты пад аховай
нябёсаў роду.

НАДЗЕЯ СТАРАВОЙТАВА

Нарадзілася ў 1976 г. у Мінску. У 1998 г. скончыла філфак БДУ; у 2002 — аспірантуру Інстытута літаратуры НАНБ; выкладаю беларускую мову ў БДЭУ.

Друкавала прозу і паэзію ў «Першацвеце» і «Маладосці».

Магу падпісацца пад філаманцкім дэвізам: «Не возьмем мы хцівасць ва ўжытак — Прэч сквапнасці, пыхі насенне! Наш самы высокі набытак: Айчына, навука, сумленне!»

КАЛЯДНАЕ ПРАРОЦТВА

Прысвячаецца Франуку Грышкевічу,
выдатнаму педагогу і літаратару.

— Добра, я асцярожненька! — дзяўчына саскочыла з ганка і панеслася ў бок лазні.

Там ужо чакаюць сяброўкі. Бегла скрозь заснежанае поле, не зважаючы на скуготлівы сівер ды калючыя сняжынкі. Гарэзлівая весялосць, амаль дзіцячая дураслівасць, таямнічае прадчуванне чагосьці чароўнага, нязвыклага, адмысловага кружлялі кволую ды цнатлівую душу ў бясконца шчаслівым танку, у сусветным карагодзе суладдзя і гармоніі. Невыславёная музычная бясконцасць прадчування шчасця!

Раптам пачула сабачы брэх — яна прыпынілася: рэха далятала з мястэчка, што за сажалкай. Там жыве Пранціш, паэт з Вільні, які завітаў на Коляды да сваякоў. Яна чула, што быў ён дужа разумны. А як іначай — доктар філасофіі! Вучыўся ў Празе, як некалі й Скарына, ды імя меў такое ж! Адно толькі гэта запалоніла дзяўчыну і яна ўжо лічыла, што кахае гэтага высакароднага і сціплага чалавека, хоць размаўляла з ім усяго толькі раз…

«Мо нават ягоны сабака зараз брэша?..» Гэта радасная вестка. Дзяўчына сцішыла крок, міжволі звярнуўшы ўвагу на яркі месяц, на бліскучы снег, што пераліваўся ў срэбным ззянні. Але тут, гэтаксама раптоўна, сабака завыў так страшэнна, выцінаючы калядную бездань да нябёсаў, што дзяўчына насампраўдзе адчула, як чорнай пачварнай сцяной абступіў яе якісьці далёкі й нерэальны гай, здушыў у бажавольных абдымках. Амаль над галавой па-зладзейску праляцела бясшумная сава. Ад страху, больш не бачачы й не чуючы анічога, зноў пабегла, спатыкаючыся на ледзякі ды гурбачкі, што быццам здраднікі ўсцілалі поле. Сэрцайка трымцела, нібы той сумны агеньчык у вакне лазні, дзе сабраліся на калядную варажбу дзяўчаты.

— Ядвіська, дзе ты ходзіш? — у адзін голас накінуліся сяброўкі. У нас ужо цёпла ў лазні, лучыны гараць, люстэркі стаяць — цябе толькі чакаем!.. Але ж… што гэта з табой, Ядзечка? — зазіраючы ў яе бляклы перапужаны твар, пыталіся таварышкі.

— Нічога, нічога!.. Выццё сабачае пачула, дык і ніякавата неяк зрабілася. А забавілася — вы ж ведаеце, як мая бабця варажбы баіцца, не хацела пускаць!.. Не сярдуйце!.. Дык пачынайма? Вось толькі гэты сабака… збянтэжыў, сэрца штось цісне.

Сямёра дзяўчат паселі кружма, адна пры адной. Варажылі па-рознаму: кідалі на падлогу зерне, пускалі на яго пеўніка, падлічвалі зярняты, выцягвалі з зерня пярсцёнкі; варажылі на бабах ды шальбабоне*, саломе; лілі воск у ваду… Нарэшце, варажылі з люстэркамі. Для гараджанак, якія прыехалі ў даваеннае мястэчка на вакацыі — усё было экзотыкай. Гіленка, Хіма, Адарка ды Ганка бачылі сваіх нарачоных. Адарка свайго пазнала: гэта быў Аўген, тутэйшы, прыгожы чарнявы хлопец. Алеся не дачакалася, калі ў люстэрку з’явіцца твар, з крыкам выскачыла з лазні, чым смяротна перапужала сябровак. А Юльця ўбачыла такога старога псюка, што плачмя плакала яшчэ доўга. Яе супакойвалі — як маглі.

Апошняй варожыць Ядвіся. Ціха дагараюць лучыны, за сценамі скуголіць вецер. Робіцца жудасна. Што пакажа ёй зараз люстэрка: старога і непрыгожага, як Юльці, ці якога знаёмага хлопца, як — Адарцы?

Ядвіся прыгадала бабульчын аповед — як тая варажыла. Яе нарачоны быў такі прыгожы, што заглядзелася на яго: ён і парэзаў ёй шчаку! Знак захаваўся на ўсё жыцце… Вось жахліва!..

Люстэрка перад Ядвісяй раптам затуманілася і пачало пакрысе прасвятляцца. Сэрца знерухомела. Першае, што ўбачыла — нос, цікавы такі нос — траха не грэчацкі! Потым — вусны, шчокі, вочы блакітна-зялёныя, бровы цёмныя, вытанчаны лоб, ільняныя валасы… Нарэшце Ядвіся пазнала гэтага чалавека! Яна імгненна перавярнула люстэрка, тры разы паражагналася і выбегла з лазні. Не заўважыла, як у апошняе імгненне пераццяла гэты твар болем ды пакутамі, скрывяніла аблічча.

— Вой, бачыла яго, пазнала, пазнала!.. — ледзь не крычала яна да дзяўчат. — Гэта Пранціш, Пранціш з Сухаволяў!

Пасля варажбы дзяўчаты разышліся па хатах, пераапрануліся ў святочнае, сустрэліся з хлопцамі дый пайшлі шчадраваць. Ядвісі на галаву пачапілі папяровы вянок з рознакаляровымі стужкамі. Яна была ўпэўненая і спакойная, бо ведала, што Пранціш, яе

* фасолі

Пранціш, будзе з ёю. Барвовыя шчочкі лёгка пакусваў мароз, прыгожы тварык свяціўся шчасцем. Яна ўжо і не згадвала тое сабачае выццё, што так перапужала яе перад варожбамі.

Наўкола скакалі, спявалі дзяўчаты й хлопцы. Аўген граў на дудцы. Хто-ніхто быў пераапрануты ў «мядзведзя», «цыгана», «жорава» ды «казу», якая час ад часу элегантна памірала пад гучны смех ды кепікі гледачоў. Калядоўшчыкі хадзілі па хатах, віталі й славілі гаспадароў, атрымлівалі пачастункі.

Абышоўшы ўсе хаты, шумны гурт падаўся за вёску і ля сажалкі сустрэўся з калядоўшчыкамі Сухаволяў. Завадатарам ішоў Пранціш. Вясёлы, расчырванелы, ён зірнуў на шчодру з суседняга мястэчка, сустрэўся з ёй позіркам.

Яны сталі побач ды заспявалі, скрыжаваўшы рукі:

Іш-ла Ка-ля-да — з кан-ца ў ка-нец.
Зай-шла Ка-ля-да к І-ва-ну:
— Чым бу-дзеш да-рыць Ка-ля-ду?..

Іх сэрцы ўтрапёна зайшліся ў віхурным суладдзі пачуццяў. Потым — гулялі ў «Жаніцьбу Цярэшкі». Калядная адвечнасць пазірала ў іх смарагдавыя вочы. Таямнічае сузор'е Калядаў дарыла ім сваю шчасную любасць, пераймала подых жарсці й кунегі, назапашваючы ў падарунак бязлітасны лёс. Быццам мядовы яблык, што наліваецца сокам, красуе да часу, а потым гніе за нядбайным гаспадаром.

Прамінула з дзесяцігоддзе… Адзінокая жаночая постаць канала над заснежанай магілкай, праклінаючы тое сузор'е Калядаў, што знявечыла ейны лёс і лёс каханае Радзімы. Муж выкінуўся з вакна, калі яго вялі на чарговы допыт і катаванні ціхмяныя служкі часу…

Недакаханы лёс зеўраў у чорным небе сваім бясконцым прадоннем.

ЧАЦВЯРГОВАЯ АДПЛАТА

— Дабрыдзень, суседачка! — у хату зайшла жанчына, яшчэ не старая, але і не маладая далёка.

— Добры, калі не жартуеш, — адказала Юсця, амаль не зірнуўшы на суседку.

Юсця не любіла суседку, таму імкнулася выкінуць ведзьму Параску з галавы, проста забыцца на яе існаванне. Але забыцца

было немагчыма. Зноў ды зноў тая зводзіла чужых мужыкоў... Прыгожая была — да шаленства; насылала на дзяцей хваробы, сурочыла жывёлу. І зноўку ажывала старая рана: з-за яе памерла Юсціна дзіцё, з-за яе ледзь не кінуў жонку муж, з-за яе сама ледзь не загінула. Але апошнім часам нянавісць ды глыбокая няпрыязь мяшаліся з жалем. Цалкам паплацілася Параска за ўсе беды, што зрабіла людзям. Бацькі яе ад сораму памерлі, потым і дзеці — пяцёра бязвінных анёлкаў, адзін за адным. Апошні толькі застаўся, меншанькі. Нячысцік яго дзерганyў на карову узлезці, а тая вазьмі ды падыміся — і на рогі яго, і капытамі… Ляжыць, гаротненькі, не сёння-заўтра душою рыгне. А можа, ужо і няма яго, а то б чаго яна прывалаклася.

— Ды не да жартаў мне, Юсця. Годзе ўжо, павесялілася. Так павесялілася, што аж моташна цяпер, — Параска абаперлася на сцяну.

— Што, Янaчку твайму не палепшала? — усё ж імкнулася пераадолець гэтую няпрыязь Юсця.

— Дзе ж, чакай. Але хутка ўжо… хутка яму так палепшае, як нікому ў свеце, — яна заплакала, мабыць першы раз у жыцці.

Юсці ўжо б і хацелася супакоіць яе, але не прыхавала яна для Парaскі пяшчоты: не магла растуліць вуснаў ды сказаць штосьці суцяшальнае, не магла аблашчыць, даць выплакацца, што зрабіла б для якога іншага чалавека, але толькі не для яе.

— Ведаю, думаеш: з прыхамаццю да цябе прыйшла... Ніколі з дабром я не хадзіла, ні да кога. А перад табой, як ні перад кім, вінаватая. Думаеш, тады сваёй смерцю твой малы сканаў? Не, гэта я наслала на яго сурокі... Я! — Параска захлыналася слязьмі, захлыналася напаўвар’яцкім крыкам.

— Я ведаю, — суха мовіла Юсця, а ў душы віравала, сэрца шалёна тахкала, нібыта зноўку была зараз тая праклятая ноч, калі трымала састыглае целка адзінага дзіцяці на сваіх руках.

— Ведаеш? Чаму ж не помсціла?.. — Параска млела ад болю, ганьбы ды здзіўлення, не наважваючыся ўпасці суседцы на грудзі, а Юсця і не магла ёй гэтага дазволіць.

— Не хачу грэх на душу браць. Але чаго ты прыйшла, чаго зноў вярэдзіш мінулае?

— Крычы, бі... Хоць забі — усё мне мала будзе. На чужых дзяцей лёгка было сурокі насылаць, а свайго агоўтаць, відаць, не змагу. Усё перарабіла: замовы, шэпты, пітво ўсялякае — анічога не дапамагае.

— Сатаны ў табе шмат, Параска... Ён дабра не робіць. На дабро — Бог патрэбны, а ты яму не малілася ніколі.

— Твая праўда. Але хачу паспрабаваць да доктара, у горад. Калёсы мне патрэбныя, а ты ж ведаеш, мяне ніхто нат на парог не пусціць.

— А чаму ты так упэўнена, што я дам? — нават абурылася Юсця.

— Ты — добрая, ты — святая... — Парасчын голас зноўку гучаў ціха і суха. — А дзень такі, на любога падумаеш, што з прыхамаццю прыйшоў, на мяне — тым больш.

Юсця стаяла ў роздуме. Перад вачыма зноў пранесліся страшэнныя ўспаміны, якія жанчына ўжо які год дарэмна імкнулася забыць. Падумала і пра няшчасных Парасчыных дзяцей. Яна вагалася, але нядоўга.

— З прыхамаццю дык з прыхамаццю — тут Бог табе суддзя, а малое ні пры чым. Бяры калёсы, Параска, дай Божа, каб дапамагло толькі. А лепш — утаймуй сваю зайздрасць. Ад зайздрасці ўсе беды твае.

РУСАЛЬНЫ СУМ

Якая ціш на возеры! Здаецца, прырода нават не дыхае. Дзе ж ты яшчэ ўбачыш харашынь такую?!.

Цьмяным недакучлівым святлом адбіваюцца ў водным люстэрку зоркі й месяц. А гэты водар хвояў!

— Як цудоўна сёння, праўда?

— Праўда, асабліва, калі каханая побач.

— Якая роўнядзь! — дзяўчына запляскала нагамі па вадзе. — Вось так! Ха-ха!.. — рэха дзявочага смеху пракацілася над возерам. — Трымай кветкі, яны мне перашкаджаюць, так шмат набрала… — Яна ўсхапілася і, не баючыся зваліцца, пачала гойсаць, нібы ў спаталяльнай агоніі.

— Ц-с-с-с! Не надта гарэзнічай, а то пачуе які вадзянік дый сцягне ўглыб за нагу.

Дзяўчына хуценька падціснула ногі пад сябе.

— Ага, спужалася… — ён адно хацеў пакпіць, але яна самаўпэўнена зірнула на яго, абвясціўшы, што не баіцца анічога.

— Ну, тады не круціся так, бо спарахнелая хвоя, на якой мы сядзім, можа абрынуцца ў ваду.

— Вой, я п’явак баюся!..

— Нарэшце! Хоць нечага ды баішся. — Ён наўзацмачкі, вельмі пяшчотна пацалаваў яе і раз, і другі.

Знячэўку пачуўся скульсьці жаночы голас, дужа прыемны. Здавалася, ці не з-пад вады. Хлопец з дзяўчынаю азірнуліся — нікога чыста. Пяшчотны голас паклікаў яшчэ раз: «Гэй!» — і тут яны заўважылі сярод чароту русалку. Сапраўдную. А такая прыгожая — акурат з пены марской. Сама Афрадыта! Здавалася, яна выпраменьвае магічнае святло.

— Гэй!.. Гэй, хлопча! Ідзі за мной! Ідзі! Ідзі!.. — русалка клікала, спакушала белай празрыстай скурай, вабіла раскошнымі ды акуратнымі, быццам вылепленымі з белага мармуру, грудзьмі, залаціста-срэбнай луской, што агнялётам разляталася вакол яе. Голас зачароўваў так, што немагчыма было не паслухацца.

— Хлапчына ўстаў, скочыў на ваду і пайшоў па ёй, што святы. Яго каханая спачатку ціхутка сядзела, бо ад страху не магла вымавіць ані слоўца, потым стрымгалоў кінулася ўцякаць. Бегма бегла, жагналася ды мармытала: «Матка Боская, злітуйся!.. Матка Боская, ратуй!..»

А хлопец, дасягнуўшы сярэдзіны возера, спыніўся.

— Ідзі да мяне, красуньчык, — русалка нечакана падхапіла яго ды пачала апантана цалаваць.

— Ён, зачараваны, зусім згубіў галаў — быў узаемны з ёй, пакуль ставала моцы, а потым — яна проста адпусціла яго ў нябыт…

— Ну чаму? Чаму мне няма паталення ад гэтага?!. — русалка моцна біла хвастом па вадзе і вар’яцела, гойсаючы па азёрнай шыры.

Сярод гэтага гвалту пачуўся голас:

— Палюбоўніца Антыхрыста!

— А, гэта зноў Ты! — русалка азірнулася, прагна дыхаючы.

— Зноў — Я!.. — на вадзе стаяў Чалавек са светлым колцам над галавой. — Да якога часу ты будзеш губіць чалавечыя душы?!.

— Покуль хочацца… А Табе — што за бяда?

— Ты хочаш, каб цябе кахалі, але што ты дзеля таго зрабіла?

— Што зрабіла?.. А хіба кахаюць за нешта?

— Безумоўна.

— Ха! Значыць, ты — мне, я — табе?

— У пэўнай ступені — так.

— А Ты думаеш, я не прасіла, каб верылі мне, спачувалі хоць

трохі… Я нават абяцала і аблічча русальчына змяніць! Я кахала іх усіх, але аніводзін не кахаў мяне! Кожны быў са сваімі забабонамі... Яны больш хацелі, каб іх з’елі ракі! Так што — з абменам ніяк не выходзіла. Вось я і не прыніжаюся болей.

— Табе трэба было толькі кінуць Антыхрыста.

— Ну дзякуй! І застацца зусім адной?

— Дык ты вырашыла, што можаш пазбаўляць чалавека жыцця, не даючы яму аніякага шанцу? Для спадара свайго шчыруеш?

— А хоць бы й для яго. Толькі ён мяне зараз разумее, хоць і не кахае.

— І Я цябе разумею. Заўсёды разумеў.

— Праўда? А што Ты мне параіў тады, калі я была дзяўчынаю? Маліцца і прасіць у Бога літасці?

— Так, Я казаў гэта. І зараз скажу. Але твой будучы каханак прапанаваў табе іншае выйсце — вір… І ты вырашыла кінуць Богу ў твар Ягоны дарунак? І што ты маеш з таго?

— А што б я мела тады — так несправядліва страціўшы каханага на бессэнсоўнай вайне?

— Ты б несла свой крыж!

— А ці ж не цяжка было б мне, слабенькай дзяўчыне?

— Я дапамог бы… Ты ж ведаеш, Я побач з кожным.

— Ведаю. Але шмат мне радасці з таго!

— Што ж, бяжы да свайго Антыхрыста, ён адорыць цябе радасцю.

— І пабягу! Толькі Ты не трапляйся мне больш на шляху. Дарэчы, Ты зноў забыўся, што я не магу Цябе бачыць — мы жывем з табой у розных вымярэннях. Таму ўсе нашыя сустрэчы — міраж. Ні ты, ні Бог, ні Антыхрыст не далі мне шчасця ані на зямлі, ані ў пекле. Дык што тады вечнае?.. Мой улюбёнец хоць не хавае таго, што няма таго шчасця, няма вечнасці, а Ты ж туманіш галовачку чалавеку марнымі надзеямі.

— Не блюзнер!

— А мне што? Я ўжо нічога не баюся, — вымавіла русалка ці то з горкай усмешкай, ці то са здзекам і боўтнулася ў свой вір, праз які яна звычайна трапляла ў пекла.

Чалавек глядзеў ёй наўздагон.

— Гаротная, дарэмна ты так. Дарэмна... — Ён ціха павярнуўся і пайшоў туды, дзе зямное сыходзіцца з нябесным. Сусвет займаўся на такі ж барвова-чорны, як і заўжды, адвечны й велічны золак.

ПРАГА КУПАЛЛЯ

Дзень аджываў. Апошнія сонечныя промні ахутвалі агністым ланцугом вершаліны дрэў і запальвалі святочным бляскам аксамітныя травы. У паветры стаяў духмяны пах глебы й кветак. Гэта быў незвычайны, чароўны пах старажытнага паганскага свята. Здавалася, у ім памяшалася ўсё: мінулае, сучаснасць, будучыня, сонца і месяц, дзень і ноч, дождж і спякота, каханне і смерць…

Купала на Йвана!

Да Йваначка, мой братачка.

Купала на Йвана…

Спяваюць дзяўчаты, дабіраючы апошнія чароўныя зёлкі. У кожнай ужо ёсць па вянку і букеце з багатак, руты, валошак ды папараці.

— Дзяўчаты, годзе ўжо, хадземце на ўзлесак! Хлопцы, мабыць, вогнішча падрыхтавалі. Заводзь, Гарыслаўка, песню!

У Кузьмы на дворачку…

Заспявала ціхмяная Гарыслава — абранка сёлетняга купальскага кола. Прыгажуня якіх пашукаць яшчэ! Але чамусьці саромелася яна яшчэ сваёй прыгажосці, а мо проста не ўсведамляла яе — спявала ціха, рухалася няўпэўнена. Толькі няўпэўненасць гэтая выпраменьвала прыродную грацыю…

Абранка купальскага кола! Го!.. Яе вылучыла ўсё мястэчка як найпрыгажэйшую дзяўчыну. Значыць — ужо сапраўдная нявеста. Вох, наколькі адказная і шаноўная гэтая роля! Сэрцайка так і тахкае ў грудзёх, абіраючы імгненне, каб выскачыць і затанчыць у касмічным карагодзе. Усё ўсярэдзіне знямела, дух перацяла — яны падыходзяць да Лысае Гары, дзе чакаюць хлопцы. Зараз Гарыслава мусіць абраць сабе завадатара. Як зрабіць гэта, каго назваць?.. Раніцою ўсё паглядаў на яе Ян. З тутэйшых — ён самы лепшы хлопец. Гарыся даўно ўжо заглядалася на яго, але не магла сабе ў гэтым прызнацца, не магла зразумець гэтага новага для яе адчування… Дык чаго ж вагацца, калі сам не разумееш прычыны? Так, вырашана! Завадатарам будзе Ян!

Толькі што ж яно б’ецца так, сэрцайка? Вунь ужо і хлопцаў відаць, а сярод іх і Ян. На адно імгненне прыпыніў ён на Гарыслаўцы свой маркотны, здалося ёй, позірк і адразу ж адвёў вочы, быццам і не глядзеў. І чамусьці тут жа паспакайнела на душы ў Гарыславы.

Нехта з дзяўчат-сябровак заспяваў:

Ну, ты, наша Гарыславачка,
абірай сабе завадатара!

Упэўнена падышла яна да хлопцаў, паказала на Яна. І тут усе пачалі вадзіць карагод вакол купальскага вогнішча, запаленага ў тое самае імгненне, як толькі сонца схавалася за гарызонтам. На чале карагода ішлі Ян ды Гарыслава. Яна ўжо спявала смялей, раз-пораз пазірала то на агонь, то ў вочы Яну, быццам хацела ў іх штосьці разгледзець. А напраўду — чакала, калі ўсе пачнуць пускаць па рацэ вянкі й нарэшце можна будзе пайсці шукаць разам з Янам Папараць-кветку…

Вось ідуць яны па вузкай сцяжынцы, асветленай месяцам. У Янавай руцэ гарыць паходня, запаленая ад жывога купальскага вагню. Ён узяў яе з сабою, каб адпужваць усялякіх нячысцікаў, што так і гойсаюць па лясох у купальскую ноч. Але ім не страшна: яны ідуць поруч, закаханыя. Яны абралі адзін аднаго, яны кахаюць адзін аднаго! Як хораша на душы, як хораша навокал! Як цудоўна пахнуць хваёвы лес і папараць!

Поўнач. Ужо зусім не адчуваецца спёкі — проста цёпла, асалоднай вільгаццю пахне з дрыгвы. Здалёк яшчэ чуюцца спевы, але ўсё больш аддаляюцца ды неўзабаве сціхаюць. Толькі зоркі цвыркочуць у дрымоткай цішы, крышталізуючы мелодыю ночы. Недзе пракугікала сава — і раптам знік за хмараю месяц, падзьмуў моцны вецер. Затрымцела святло паходні, і Ян з Гарыславаю ўбачылі зіхоткія праменьчыкі, што прагна прабіваліся з-пад кустоўя папараці. Іхнія вочы на імгненне паслеплі ад незвычайнага святла, што пераліваліся ўсімі колерамі, быццам грала купальскае сонца. А святло тое сыходзіла ад зусім невялічкае кветачкі...

— Ян! Гэта ж — Папараць-кветка! Мы знайшлі яе! Знайшлі!..

— Любая мая Гарыська!

Яна адразу ж змоўкла, збянтэжана зірнула на хлопца. Іхнія твары былі асветлены цудадзейнай кветкай кахання, якое працінала наскрозь сэрцы яшчэ не зведаным, але прагна чаканым пачуццём. Іхнія вусны нясмела з’ядналіся ў гаючым палкім цалунку — трывалым і прыемным, як само жыццё.

І гэтае імгненне, здавалася, будзе доўжыцца вечнасць, якую надзейна ахоўвае маленькі купальскі дзядок.

ІЛЛІЧОЎКА

Галляш любіў дождж. Ён бачыў у ім нешта роднаснае. Дзіўна, але часам у жыцці яго надараліся такія моманты, калі ён сапраўды адчуваў сябе Перуном. Яго так і празвалі: Пярун на дзявочыя сэрцы; падтрунькалі — Галляш нарабіў гнілля ж са слёз дзявочых. Так — ён, ветрагон, шалахвост.

Але вось ужо цэлы тыдзень Галляш штовечар ходзіць на возера, толькі на возера, толькі туды…

Неяк звечару вяртаўся ад чарговае ўкаханкі. Вяртаўся лесам, што раскінуўся паабапал невялікага возера. Які гэта цуд — лясныя вазёры! Ці то на беразе ты, ці то ў лесе — у царстве вадзяніка альбо лясовіка… Гэтыя няпэўнасць, пераходнасць, дрыготкасць стваралі такую ж імпрэсію, што і дождж, што і туман, што і мжа…

Галляш любіў дождж. І вось тады ён упершыню ўбачыў яе. Залева бізавала азёрную ласу, ад чаго вада таньчыла, нібы ў імбрычку. І яна плыла па гэтым пекле, па гэтай кіпкай смале, па гэтай навальніцы — сама, як навальніца, то падстаўляючы твар водным бізунам, пяшчотна і ціхутка порскаючы ад задавальнення і ягласна дыхаючы, то раптам давала нырца, плывучы дэльфінікам, то спрытна перакульвалася з жывата на спіну, са спіны на жывот. Ажно таласіла ўваччу. Яна нібы бегала па хвалях, нібы гулялася з Перуном у толькі ім вядомую гульню. І сярод гэтае таласы — смуглявае, аголенае, стромкае, гнуткае цела… Экстазнае відовішча! Цэлую ноч пасля Галляш не мог заснуць, цэлы дзень прайшоў як у трызненні, а ўвечары, нібы змагнусаваны, пайшоў туды зноў. Там зноў была яна… І так — штовечар. Надвор’е было адмысловае: удзень парыла, а ўвечары Белабог пратыкаў сваім посахам разагнаныя вятрамі хмары, а сын яго, Пярун, — дапамагаў громам і маланкамі. А яна, дзёрзкая, яна не баялася анічога, нібыта была іх сваячкаю…

І сёння нічога не змянілася. Заваражоны, Галляш зноў быў прыкуты позіркам да гэтага прыгожага цела, такога знаёмага і незнаёмага, блізкага і далёкага адначасна. Ён адзінока стаяў, прыхіліўшыся да старое яліны, ды ўсё наўзіркам пільнаваў сваю Лелю. Залева да шпіку прамачыла яго, дажджынкі струменьчыкамі збягалі па скронях, шчоках, сківіцах, шыі, грудзёх… Грудзі, як

дзіўна: ён ягласна бажаволіў яе цела, але не так, як іншых. Было боляча менавіта ў грудзёх! Пякучы сверб руйнаваў душу. Часам, калі ў галаве яго трошкі развіднялася, ён думаў: «Напса?»** Гэта ж ужо не ён! Гэта ж усё роўна, што ўявіць Дон Жуана мужам ды бацькам! Немагчыма! Проста немагчыма! Нішчылася ягоная сутнасць! Але боль, млоснасць, трызненне, магнус ды ягласць бралі сваё, і ён, што прывід, зноў ішоў да свае Лелі…

— Ну што ты ўсё там стаіш? — гукнула яна і паклікала да сябе рукою. — Хадзем купацца! Я абагомліваю купанне пад дажджом! Паспрабуй! Гэта знакаміта!

Яна яго бачыла і так спакойна плавала штовечар! Ён адразу адчуў сябе, нібы цяля ў Бога скраўшы.

— Дык што ж ты спужаўся? Ідзь да мяне! — Але ён мітрэнжыўся, вагаўся. І тады яна выскачыла з вады, як вецер падбегла — адным рухам змахнула яго апратку і зацягнула ў ваду. — Давай навыпераганкі! Спрачаемся, што не нагоніш! — з выклікам пракрычала, звонка смеючыся, і, адштурхнуўшыся ад яго нагамі, дала нырца.

Плавала яна адмыслова, але Галляш і не імкнуўся яе нагнаць, адно па-ранейшаму проста мілаваў вока. Вось да берага засталося недалёка, ён зрабіў апошні рывок і скамечыў яе ў абдымках. Здаецца, кожным атамам сваім адчуваў кожны яе. Уся прага, невыславёнае шчасце выбухнулі ў гэты момант агнялётам цалункаў! Яна паслухмяна паддавалася ягонай волі. Імгненне, адно толькі імгненне.

— Гэй, так хутка анічога на зямлі не робіцца. Плавымо назад.

Яе позірк і голас былі такія пяшчотныя, мяккія, лагодныя, што нельга было аслухацца. Яны ціхутка паплылі поруч, смакуючы прасвядную прысутнасць дажджу, які апладжваў іхнія сутнасці сакральным дарам кахання.

— Як табе імя?

— Ліля, Лілея.

— Буду зваць — Леля. Можна?

— Так… — І, нібы ўвушшу, зазвінела шчасна-таемнае: Так…Так…Так.

** Якога чорта?

ІСПАСАЎКА

Прыйшоў Спас — прыбярэ чорт і нас.

Спіць зямля. Ціш. Спіць. Ціш-ш-ш, ціш-ш-ш… Наваколле спіць: чуйкае марознае паветра жнівеньскае ночы, зорнае неба Канта, шматлікія артэрыі дрэваў і сэрцы дамоў. Ціш. І водар яблыкавага плоду — таксама спіць, таксама ціш. Гармонія ўсяго і нічога. Ледзь адчувальныя павятровыя хвалі люляюць малекулы яблыка, таго самага, што засеў у горле Адама. Салодка-горкі водар, водар няздзейсненага лёсу, нечага няспраўджанага, падманутага, салодка-горкі, як любая пакута. І настолькі моцны й трывалы (як любая пакута), што, здаецца, прасяк бы кожную клетачку чалавечае істоты, калі б дзе-небудзь непадалёк знаходзіўся чалавек. Ад яго звар'яцееш умэнт, нібы ад стогнаў мандрагоры — толькі высунься з хаты, бо ён, паўсюдна: пах лёсу. І нават зусім не крывавы ён, не смяротны — гэта проста пах лёсу, як прывід ці як Бог: усе ведаюць, што яны ёсць, але ніхто іх не бачыў. Што яно? Дык што ж яно? Проста — празрысты, эфемерны пах лёсу. Душы памерлых дзецянятаў, маткі якіх елі яблыкі да Спасу, кружляюць па-над гэтым першасным дрэвам-яблыняй, як восеньскія лісты й нема канькаюць сабе яблык. Іх розгалас нагадвае лямант патаптаных кветак. Вар'яцтва нечую хворую свядомасць прымушае вымалёўваць прадрэва, адзінае да цяперашнягя часу. Чыю свядомасць? Хто вакол нас? Дзе? Здаецца, вакол нас існуюць толькі пытанні й ніводнага адказу. А мо і не здаецца. І зноў жа — каму?

Чалавецтва, якое даўно падавілася, у ноч на Іспаса прысніла надкусанае сэрца…

БАГАЧЫК

Дзе, калі, куды, адкуль, як, навошта і чаму? Гэта школьніцтва… Школьніцтва нашага жыцця. Сацыяльны статус? Гэта важна? Пэўна. Але толькі пасля таго, як усвядоміш, навошта Бог запхнуў цябе на гэтую зямлю. Тады ўсе намаганні павінны набыць патрэбны кірунак. Іначай, жыццё прапыхкае дарма. Вось яно, адлятае буслом і ўжо курлыкае табе развітальную песню: «Пражыў, не зразумеў, згарэў». Дагані яго, затрымай! Затрымай! Але не… Яно ж не дало табе права, волі й моцы на апошні скачок, каб схапіць яго за

ўкеўзаны хвост. І тут затуляеш твар рукамі. Сорамна. Толькі цяпер заўважаеш, як забрудзіў сваё жыццё. Вой, як сорамна! Забрудзіў нядумкамі, нярухамі, неразуменнем. І ты надзяеш маску, каб не паказаць продкам чырвонага твару, вінаватых вачэй: яны зразумеюць без слоў, што бачыў ты ў свой апошні час. Яны прамовяць: «Ганьба, дзіце». А ты не разумееш іхняе мовы! Што яны кажуць? Што? Як гэта важна для цябе зараз — зразумець іх… Зразумець — і пайсці наверх альбо наніз. Куды ісці? Куды? Скажыце! Мо — налева ці направа? А мо — пад вуглом у трыццаць сем градусаў ці ў семдзесят тры?.. Ты хочаш ісці — хоць куды, але дужыя рукі не пускаюць наперад. Не твой шлях. Кожнаму — сваё. Дык куды ж? «Ганьба, дзіце!» Неразуменне ўжо закладвае вушы, прэ з цябе, як ваніты, налівае цяжарам ногі — і вось ужо сам не можаш рухацца. Боль страшэнны прымушае жадаць смерці. І ты жадаеш, жадаеш, жадаеш…

Ха-ха. Мой любы Тантале. Дык… мёртвыя ж — не паміраюць. Хочаш выплюнуць трон? А хто ты такі? Ты зразумеў гэта там? Табе быў дадзены плод спасціжэння. Што зрабіў ты з ім?.. Вось бачыш, насыціў чэрава, забяспечыў унукаў. І, відаць, надта добра — іх няма на тваёй магіле, цябе няма ў іх думках.

Дык вось — чакай. Зразумееш толькі тады, калі ўхопіш яблык. А ўхопіш тады, як зразумееш… Ха-ха… Немажліва? Мажліва, мой любы Тантале. Можа, калі-небудзь твае ўнукі добра папрацуюць ды атрымаюць багаты ўраджай яблыкаў. І тады адна галінка ад цяжару, нагнецца ніжэй звычайнага… І будзе пярэкрут.

А пакуль – вучы табліцу множання:

— Дзе? — У любові.

— Калі? — Падчас любові.

— Куды? — У любоў.

— Адкуль? — З любові.

— Як? — Любасна.

— Навошта? — Дзеля любові.

— Чаму? — Праз любоў.

ЗВІЖАНСКІЯ ВУЖАКІ

Апошнія сонечныя промні. Цёплыя-цёплыя. Цяплюткія… Прырода грае, дрыжыць усімі колерамі. Барва, золата, зялінка… Дражняцца. Нібы ў міражы сплываюць фарбы. Наркатычны пах

ляснога адмірання. Гарачая пара патыхае ў ногі, шоргае пад імі апошняе золата пяшчоты. Потым — восень схавае сваё цяпло пад зямлёй, замкнуўшы на сто засавак ды аддаўшы ключы птушкам у вырай... Містычнае, дрыготкае паветра, якое бывае толькі ўвосень. Як над вогнішчам, калі згарае сум мінулага часу і рэшткі сухіх расцін. На велізарныя глыжакі выпаўзаюць грэцца клубкі гадзюк. А сярод іх — цар іхні з залатымі рожкамі на галаве…

Шматкроць чуў гэтую легенду Толік ад сваёй бабці. Гвазданi цара таго папліскаю, схапі рожкі — і ўсе дзверы свету будуць для цябе адчыненыя. Толік трызніў на тыя рожкі з дзяцінства. Гэта ж меў бы ён тады ўсе цукеркі, што замыкалі ў куфры бацькі. І не толькі цукеркі — шмат іншых цікавых рэчаў, што былі добра замкнутыя дарослымі ад яго цікаўнага вока. Асабліва спатрэбіліся б рожкі цяпер — калі Толік адмысловы злодзей. Хлапца лавілі па ўсёй краіне, але ён быў нібы няўгледкам. Ён мог сцібрыць заўсёды і ўсюды. І сысці незаўважаным. Была адна праблема: засаўкі. На іх марнатравіўся час, якога Толіку было вельмі шкода. І не тое, каб яму былі патрэбныя тыя рэчы — яго захапляў сам працэс! З дзяцінства засталося гэтае шчымліва-цікаўнае жаданне: прасякнуць туды, дзе зачынена, дастаць таго, што забаронена. Дык вось бы яму цяпер тыя рожкі!.. Як было Толіку пятнаццаць — разбіліся ў катастрофе бацькі. Яго забрала да сябе бабуля. Але хлопец пайшоў на вуліцу, дзе і засвоіў усе яе ўрокі на выдатна. За дзесяць гадоў ён ні разу не быў на могілках; наладжваючы ў хаце гармідар, забываўся, што праз сцяну затыхаецца ад п’янога чаду ці п’е сардэчныя лекі бабулька; яго начныя паненкі гаспадарылі на кухні, а Толік — мог і кулаком гвазданууць. Калі яго пачалі лавіць — Толік сышоў зусім. Ён быў няўгледкам. Чалавек-цень. Без сям’і. Без каранёў. Без сумлення. Праўда за пяць гадоў уцёкаў пасля кожных чарговых похмелкаў яму ўсё часцей хацелася завыць на месяц, сеўшы на глыжак. І яшчэ хацелася б ведаць, ці жывая яшчэ бабульця. Але ён не мог зняць трубкі й патэлефанаваць. Ён баяўся, што забыўся на хатні нумар. Але ж і пра рожкі марыў усё роўна. Спадзяваўся, што яны адкрыюць яму дзверы памяці.

А тут — ён яшчэ ўбачыў Яе. Паненку з кавярні. Яна разносіла стравы, як Мадонна (ён чуў калісьці ў школе, што гэта была самая прыгожая жанчына). «Напэўна гэта і ёсць каханне», — падумаў ён, калі ўсе папярэднія сяброўкі падаліся яму блудніцамі.

Яна ж — была толькі багіняю, якая павольна плыла па дымных хвалях кавярні. Яна звонка смяялася ягоным жартам, ахвотна прымала падарункі й кветкі. Але з усім Толікавым зладзейскім талентам ён не быў ёй патрэбны. Гвалціць Яе — у яго і ў думках не было. Яна ж была Мадоннаю! Але як па-іншаму — ён не ведаў. Ён прыгадваў пяшчотныя цёплыя рукі бабулі, глядзеў на свае — яны вылучалі толькі холад. А ў душы так пякло каханне, што ён пачаў нават марнець. Гэтае вогнішча было, нібы замкнёнае ў ім, не магло прарвацца па капілярах ды нервах ва ўсё цела. Пэўна гэта і стрымлівала Мадонну. Прынамсі, яму так здавалася. Вось тут яму зноў закарцелі тыя рожкі. Яны адкрыюць яму дзверы памяці.

І Толік ужо шоргае нагамі апошняе золата пяшчоты, восені. Дражняцца фарбы: памаранж, салата, бездань. Наркатычны пахляснога адмірання. А гэта — запаветны міраж: вялізны глыжак, на ім — цар гадзюк, на ім — залатая карона з двух рожак. А блішчыць, ззяе наўкола — як другое сонца. Слепіць вочы. Спрытна гвазданууў яго Толік палпіскаю — кроў пырснула ў твар. Ён напужаўся, але ўбачыўшы, як пляснуўся гэты цар долу, падумаў: «Зрэшты — усяго толькі гадаўка». Ён падхапіў рожкі й пабег з лесу. Туды, дзе гула лятучка. Вось, як лёгка: прыйшоў, убачыў, перамог.

Стаўся сапраўды залаты час для Толіка. Перад ім расчыняліся ўсе дзверы, як толькі ён прасоўваў рожкі ў засаўкі. З кожным днём усё больш прыхільным рабіўся позірк Мадонны. А неяк аднойчы, Толік паказаў ёй рожкі й дзеля смеху правёў імі па сцёгнах Мадонны. І дзверы памяці растулілі яму свае абдымкі!

Залаты, шчасны феерверк экстазу абліваў яго скамянелую душу. Яе растаплялі насалода і пяшчота. Любасць і ўтрапленне…

Вар'яцтва і крык… У цёплым пяшчотным ранку, ва ўтульным мяккім ложку — ляжала на посцілцы побач з Толікам гадзюка. А на галаве ў яе — блішчэла, як сонца, залатая карона. Ён схапіў рожкі — гадзюка знікла, як і не было. Раптам нешта боляча апякло рукі. «Карона!» — згадаў Толік. Але зірнуўшы на рукі, убачыў там толькі два невялічкія адаманты расы. Ад страху заматляў рукамі, хочучы змахнуць расу. Дык яна ж, як прыклеілася! Гадаўка! Гадзюка!.. І ўсё боляча пякла рукі. На імгненне падаліся адаманты вачыма бабулі, поўнымі слёз, і — загарэліся.

Толькі горстку попелу і маленькія залатыя рожкі ў ёй знайшлі наступным ранкам тут крыміналісты.

АЛЕНА СЯМЁНАВА

Родилась в Минске. Было это 25 июля 1981 года. Закончила школу № 73 с углубленным изучением немецкого языка.

В 1999 году поступила на переводческий факультет МГЛУ, где сейчас и учусь.

Любое событие, задевающее мою душу, мои мысли и чувства, находит отражение в стихах, которые я сочиняю. Это, можно сказать, моя душевная необходимость, подпитка светлой энергией моего творческого духа.

БЕЛАРУСЬ

Просторные леса,
голубизна озер спокойных
и переливчивые голоса
прекрасных птиц,
живущих вольно.
Полей живое разнотравье
и теплый вечер у реки,
и зеленью манящие дубравы,
и пестрые цветочки-мотыльки.
Все это ты — родная сторона,
как теплый летний день, неповторимая.
Светла, как солнце, как луна — нежна.
Ты в мире этом самая любимая.

* * *

Ветер деревьев вершины колышет,
звездную пыль рассыпая во мгле.
Ночью мой крик здесь никто не услышит.
Может, лишь филин мне ухнет во тьме.

Старые сосны стоят, словно воины,
ветви протянуты в синюю ночь.
Снегом усыпаны, ветром напоены,
зимний не могут свой сон превозмочь.

Лес очарованный, сном заколдованный,
месяца светом жемчужным облит.
Снега оковами нежными скованный,
тайны свои вековые хранит.

А над лесной тишиною раскинулось
небо бездонное, полное звезд.
Если летать бы могла — сразу ринулась
я в тот волнующий мир звездных грез.

* * *

Вечер.
На столе горит лампа.
Вечность.
За окном дремлют звезды.
Разум.
Мыслей светлая рампа.
Счастье.
Быть с ним вместе не поздно.
Вижу.
Вижу твой образ —
я его не забуду.
Слышу...
Слышу твой голос.
Он звучит во мне всюду.
Чувствую
твои нежные руки,
жарких губ поцелуи.
А в душе моей —
муки разлуки.
Нашей встречи с тобой
снова жду я.

* * *

Жизнь идет, бежит, несется...
Я шагаю бодрым шагом.
Остро в сердце отзовется
грустный факт: тебя нет рядом.
Я одна — и хорошо мне,
потому что я живая.
Кто-то смотрит взглядом томным —
я молчу, не отвечаю,
потому что сердце греет
мне чудесная отрада.
Надо мною нежность веет...
Лишь твоей любви мне надо.

* * *

Капли света в глазах —
может, это слеза
или тайная боль,
что все время со мной?
Этот грустный мотив
боль в душе разбудил.
Боль моя не прошла,
вновь она ожила.
Если это — мой крест, — понесу,
словно платья росу
на восходе зари,
на груди у земли.
Если это — мой крест,
если это — мой грех, —
я пройду до конца,
до Христова венца.

* * *

Серое утро глядит хмурым глазом.
Я просыпаюсь, хотя и не сразу.
Ветер усталый тихо на крыше
спит, отдыхает, забравшись повыше.
Солнце, за облаком спрятавшись робко,
мягкий свой луч не покажет. Уловка!
Светлая солнца невинная шутка.
Нет его — мрачно мне стало и жутко.
Как я хочу, чтоб оно все ж проснулось,
с неба взглянуло и улыбнулось,
чтобы меня залило теплым светом
и мне надежду вернуло с рассветом.

* * *

Холодные звезды парят в вышине.
Я слышу смеющийся голос извне.

В заоблачной дали несется вперед
бессмертных мерцающий душ хоровод.
Сверкая, искрится небесная пыль.
Вселенная дарит им вечность и быль.
Горят облака, жидкой сталью льет небо.
И Моцарт загадочно смотрит и нежно.
Разряженный воздух живительно свеж,
страданий в нем нет и не нужен мятеж.
Легко и свободно летит там душа,
овеяна светом, чиста, хороша.

* * *

Жду письма. Живу, надеясь
на бумажное свиданье.
Огорчаясь, мыслью греясь,
что не вечно расставанье.
Эти белые листочки
с почерком твоим любимым
превращаются в цветочки,
что в душе цветут красиво.
На конверте вижу адрес —
и душа моя ликует.
Не понять тебе, как надпись
эта счастье мне дарует.
Сдержанность твоя и ревность
больно ранят мое сердце,
ведь ненужная суровость
не откроет счастья дверцу.
Голубой твой лед растает
и потоком станет бурным...
И весна в душе настанет —
нежной заблестит лазурью.

* * *

Цветы, застывшие в дыхании зимы,
влекут к себе холодным ароматом.

К чему они? Здесь пир среди чумы —
на этом жизни празднике проклятом.
Все опошлив, ликуют люди,
отравленные ядом удовольствий.
Увидим вскоре, то ли еще будет...
Как свиньи, ходят в сытом их довольстве.
Везде сорняк, но тонкому любви ростку
и белой лилии надежды
расчищу я дорогу, помогу
им пышно зацвести, как было прежде.

ВЕЧЕР

На темно-синем небе
бархатно светят бриллианты звезд.
Неслышно проносятся кометы,
как бы невзначай задевая их хвостами.

СОЛНЦЕ

Словно яркий фонарь,
светит оно с высоты неба.
Дарит живительное тепло
и жарит тела на пляжах.
Доброе и злое,
стоит оно в кажущемся бездействии,
пролетая сотни тысяч километров
в глубинах галактики.

* * *

Чем больше я пишу,
тем больше света в моей голове,
тем просторнее мыслям.
Тем ярче и шире луч,
светящий мне из космоса.

ПТИЦА

Ворон, поблескивая черной сталью
крыльев,
величественно парит в небе,
Смотрит на землю сверху,
на ничтожность людей
и суетность их забот.
Немногие из них могут понять
вечность.

* * *

Счастье не вечно,
вечны страдания души,
стремящейся к свету.
Пройди их — и тебе
откроется новый мир,
где гармония и свет
дадут тебе покой,
но не счастье.
Счастье ты можешь
приобрести сам.
Слушай голос своего сердца,
и ты поймешь, как его найти.

* * *

Цветы, нарисованные луной на земле...
Они не пахнут, но красивы.
На них, любуясь в тишине,
души я слышу переливы.
Померкли звезды, грустно светит
с небес поблекшая подруга.
Ах, почему все так на свете?
Зачем не любим мы друг друга?
Обнявшись, не сидим украдкой
на лавочке в приморском парке.

Не замирает сердце сладко,
рассудок от любви не тает.
И в упоительном забвеньи
слова не шепчут страстно губы,
и равнодушно настроенье...
Зачем не любим мы друг друга?

* * *

Любовь — загадочное слово.
Моя душа к нему готова.
Судьба зовет меня с собою
волшебной сказочной мечтою.
Лететь согласна вслед за нею,
от предвкушения я млею
любви небесной, ясно-чистой,
такой заоблачной и близкой,
как лебедя перо, воздушной,
неискушенной, прямодушной,
на алых парусах летящей,
слова надежды мне шепчащей,
Открытой, пламенной, горящей,
пылающей огнем бодрящим,
огромной, сильной, вездесущей,
чудесным голосом поющей,
красивой, робкой и наивной,
словно улыбка пилигрима,
и страстной, алчущей и жгучей,
таящий дух в себе могучий.
Хочу купаться в море счастья
и чувствовать твои объятья,
и окунаться с головою
в любовь, и быть всегда с тобою.

* * *

Разврат и пошлость, пошлость и разврат.
Погрязли люди в наслажденьи...

И, ухмыляясь, повторяют тысячи чертят:
«Они находят в удовольствии забвенье».
Похабно устремился наглый взгляд
и руки жадно протянулись,
и губы пошло так твердят:
«Мадам, вы мне сегодня приглянулись!»
И вот испита уж до дна
изрезанная чаша наслажденья.
На сердце — лед, в душе — вина
за те развратные мгновенья.
И не мгновенья — целый век,
эпоха кровью красной плачет:
топор отточенный, железный дровосек
занес над головами... Люди платят
за удовольствия неслыханной ценой —
теряют суть, и навсегда
обречены быть лишь одной
неполноценной частью, неудачной.

* * *

Разверзлась пропасть —
зияет пастью.
Земли суровость
молчит, не плачет.
Открыла глотку —
зовет беззвучно.
Чернеет кротко,
но падать звучно.
Вниз нет ступеней,
лишь корни древа
ведут степенно
в темницу чрева.
На дне холодном —
стол из гранита;
на нем первородный
грааль из нефрита.

Таинственно светит
огнем он зеленым.
Кто выпьет — ответит
пред Господа троном.
Вся мудрость богов
и бессмертия вечность
хранит без оков,
а вокруг — бесконечность.

* * *

Тонким лучем выжигает
солнце золотые нити
в изумруде листьев.
Сапфиром синеет небо.
Цитриновый одуванчик
качает пушистой гривкой.
Я очень хочу его погладить...
Но как мне погладить воспоминание?

* * *

Золотой туман.
Мириады звездной пыли.
Голубой обман —
свет луны в эфире.
Эльфы в легких тканях
из цветов болотных
бледным ликом манят
из миров неплотных.
Крылышком ажурным
встряхивают нежно
и летят, искрятся
в океан безбрежный.
Над селом и лугом
стайкой пролетают
и волшебным кругом
постепенно тают.

* * *

Людская злость смешна
и до того нелепа,
что грош ей ломаный цена.
Не жди ответа
на добро. За теплые слова
не ожидай награды.
Твори добро, не думая сперва:
вершить иль не вершить, а будут ль рады
люди? Зависть и поклеп
поганой вместе ходят парой.
Предатель, кто б ни был — холоп
с паскудной и продажной харей.
И никогда не быть ему
по-настоящему красивым,
ведь за продажность никому
еще судьба подарки не дарила.

* * *

Подлость с сладенькой улыбкой
шепчет голоском елейным.
Правды мелкую ошибку
раздувает. Параллельно
козни строит, мелко гадит,
а в глаза глядит медово...
И предаст, и суд наладит —
честность осудить готова.
Погоди, завистник гнусный, —
мелкая твоя душонка
куш получит, лопнет с хрустом
и в обрыв сорвется звонко.

* * *

Цвела сирень.
С густым тяжелым ароматом

свисали гроздьями бутоны.
И пологом несли богатым
тягучий шлейф, таинственный и томный.
Река блестела в лунном свете,
лениво волнами плескала.
Ах, лучше нет на этом свете
весны благоухающего бала.

СТЭЛА ФЯДОСАВА

Поэзия — это незаживающая рана, это любовь. А любовь и красота — пробуждают в нас чувства, эмоции, разум. Затрагивают душу, исцеляют, ранят...

Это все — поэзия, и я в ней. Я — одиночество.

СНЫ

* * *

Любимым посвящается

Я шла пешком
по темным лужам.
Я их не знала глубины.
В одних — песок,
в других — ракушки,
что режут пятки до крови.

Я так от этого устала,
что лужи стала обходить.
Но все же интересно стало:
как раны старые лечить?

Мне подсказали: сшей сандалии,
шестом промеряй глубину...
И странно — лужи безразличны стали.
И раны — будто зажили.

* * *

Как приятно, что все мы — разные:
кто-то любит, а он — не ждет;
кто-то жизнь ведет развязную,
а потом — болеет и пьет;
кто-то плачет, но нет платка;
кто-то знает, но это — не я…

* * *

Мне так хочется
просто пить с тобой чай.

Одиночество,
уходи, прощай.
Мы пойдем с тобой
туда, где лес.
Где подснежники —
как глоток небес —
голубые и белые.
Я покажу тебе.
Только я их видела.
А теперь — и мы.
Мы ведь добрые —
не сорвем цветы.
Мы ведь вместе —
только я и ты.

* * *

Давай — не будем ссориться,
по пустякам ворчать.
Я прогоню бессонницу —
и буду крепко спать.
Как многое меняется —
и жизни смысл всей,
когда вдруг понимаешь,
что нет Его важней:
ни света и ни воздуха,
и даже — ни воды...
А очень это просто все —
люби Его, храни.

* * *

Добрый и хитрый.
Мудрый — земной.
Маленький доктор
с седой бородой.

Грустный немного —
глаза выдают.
Курит все время;
любит свой труд.
Будьте здоровы.
Живите сто лет.
Ваш сохраню я совет:
буду добра я
и к людям терпима;
в себя я поверю...
И буду любима.

* * *

Знаешь, какого цвета
уверенность в себе?
Не знаешь, где искать ответа?
Я подскажу его тебе:
цвет — голубой,
коль хочешь — синий, —
вдыхай его, ищи везде
цвет неба, моря
иль просто — вот эти
буквы на листке.
Коль не нужна
тебе уверенность —
другие качества важны:
найди им цвет —
и насыщайся:
люби себя, люби…

* * *

Две недели до весны —
как же это здорово!
Март — ручьи, весна, дожди,
солнце, небо синее;
запах свежести и новизны,

мысли добрые, стихи...
Как же это здорово!

* * *

Зачем она живет,
эта странная девочка?
Чего от жизни ждет?
Не выходит, спряталась...
Зачем таблетки ест?
Думает, забудется,
что у нее есть
бумага и ручка...
И что это дает?
Жизнь ее — фантазии.
Да? А что — потом?

* * *

Возле океана —
мокрая, в песке.
Так тепло, уютно —
солнышко в душе.

Загорела, стройная,
лишь торчит живот.
Он такой огромный —
там малыш живет.

Ем одни бананы,
сок кокоса пью.
Лев мой на охоте...
Я же — нежусь, жду.

* * *

Я ухожу. Вот так.
По-другому не вышло.

Думай, что я — слепа.
Мне все безразлично.

Мои губы не дрогнут.
У меня — водостойкая тушь.
Мое сердце сжалось,
но я продержусь.

Я никогда не вспомню
своих к тебе обид.
Я знаю, я — не ангел...
Прости.
Иль просто сделай вид.

БЕЗУМИЕ

— Кто я?!.
— Куда же ты?
Ты думаешь,
все можно рассчитать?
Так просто взять — и уйти...
Любит черт умирать —
в театре умер и воскрес!
В одном спектакле — гений.
А в другом — балбес…
Твоя жизнь — не моя....
Чего ж ты хочешь от меня?
Ты любишь «юло», я же — вижу.
Ведь среди смертных нет репетиций.
Ведь жизнь твоя — премьера...
Не дури! Иди, мой друг…
Люби того, кто этого достоин —
я слишком ветрена, больна....
И не изменишь ты меня.
Я — не она, и ей не стану:
в покое я быстрей устану...

Сейчас я ноги поломала —
оправлюсь и опять пойду
на красный свет…

* * *

Холодно, тоскливо...
Где же ты, весна?
Или ты забыла,
что прийти пора?

Марта середина...
Поспеши, согрей.
Приходи пораньше —
опоздать не смей.

Солнце, просыпайся,
нет тебя светлей.
Реки разливать
будет веселей.

Люди, не ворчите —
улыбайтесь мне.
В дом свой принесите
доброты в душе.

* * *

Пять скамеек вижу я.
На шестой сижу сама.
Солнце спину припекает.
Чувство счастья нарастает.
А в тени растет трава.
Это тоже вижу я.
Парень с псом идет — гуляет.
Меня взглядом провожает.
И кругом жужжат жуки.

Одуваны отцвели.
Облака плывут на юг.
Нежный ветер — мне он друг.

* * *

Он — во мне.
Я — для него.
Мы вдвоем —
для нас есть все.
Вместе — радость.
Врозь — тоска.
Все ведь просто:
мы — семья!

* * *

На окошке — кактус.
В голове — бардак.
Мне хотелось правды —
он ушел, чудак.

Я ему сказала,
он же — промолчал...
Все опять — сначала.
Разве можно, а?

У меня нет силы
плакать и страдать.
Только я забыла —
позвонил опять.

Ухожу — и снова
белка в колесе...
Что это за чувство?
Для чего все мне?

Отпусти, не надо...
Ты же — не хотел!
Тяжело с тобою.
Без тебя — предел

жизни и мечтаний,
радости, тоски...
Ну, давай, скажи мне,
что-то намекни.

Покажи дорогу.
Развяжи — глаза...
Отпустить не можешь —
объясни тогда…

* * *

Страшно знать,
но это важно —
пусть фантазия умрет:
ведь реальность — это камень,
а мечта — всего лишь лед.

* * *

Кто меня заметит,
от тоски излечит?
Кто меня полюбит,
нежно приголубит?..
Как мне все учесть?
Кто меня поймет
и со мной уйдет
в кущи тополиные?..
А любовь взаимная
в этой жизни есть?

* * *

Ты — бог,
а я — богиня.
Мы — вместе:
ты и я.
Мне грустно расставаться —
забрать бы навсегда
к себе домой тебя.
Мне хочется, чтоб ты
в моей постели жил.
И вечерами чай
со мною пил, курил.
Смотрел в мои глаза
и говорил, что я —
всегда буду твоя...
А ты, конечно, — мой,
единственный и верный.
Мой герой.
Ты — бог,
а я — богиня.
Мы — вместе:
ты и я.

* * *

Я — желтый тюльпан,
холодный и нежный.
Совсем молодой —
еще не созревший.
Мой стебель поник,
голова опустилась.
Закрыли мне свет,
и вода испарилась.
Стою на окне,
увядаю и мерзну,
А там, на лугу,
все было так просто:
и солнце и небо;

мой корень — опора.
А здесь, за стеклом,
никакого простора —
машины и лужи,
грязное небо.
Мне так одиноко
и хочется света,
тепла и уюта,
заботы, любви.
Хотя бы немного
в стакане — воды.

* * *

У меня распускаются уши
от твоих повседневных слов.
Для тебя я — солнышка лучик.
Для меня ты — белый песок.

Может быть, не скажу всего я,
что хотелось тебе сказать,
но поверь, мне приятно очень,
что есть кто-то, кто любит мечтать.

* * *

Любовь, как каша:
когда горячая, то студим;
когда с изюмом — больше любим;
овсяная — тогда ворчим;
холодную — совсем голодные едим.

ОДИНОЧЕСТВО

Мне одиноко!
Не ощущаю ничего.
Это — единственное чувство.

Сейчас во мне — печаль, бессилие и скука.
А где же — лето? Там тепло.
Там можно быть счастливым одиноким.
Сейчас — все серое.
И так смешно.
Ведь не от этого мне одиноко.
Отчего?
Все заняты, а я — свободна.
Свободна от удачи и любви.

ТЫ — МОЙ ОКТЯБРЬ

Желтые листья.
Красные бусы.
Вовсе не грустно.
Просто — прохладно.

Чайки и волны.
Ивы и мысли
Будь же со мною
вечно, мой странный.

Волосы ветер
и шарф развевает.
На этой планете
счастье бывает?

* * *

Я — к небу ближе.
Он — к земле.
Но разве в этом суть?
Смешно — так смейтесь.
Я с вами вместе посмеюсь.
Я — к звездам ближе.
Он — к цветам.
Но разве в этом суть?

Любовь живет и здесь, и там.
Не дайте ей заснуть.
Она горит и исцеляет.
Она бодрит и вдохновляет.
Она — везде, всегда — во всем.
Она — во мне и — в нем.

* * *

Не стреляйте в животных —
им больно!
Ведь охота — это жестоко.
Может быть, отказаться от мяса?
Но ведь это — дано все Богом.
Что же делать, спрошу я себя?
И отвечу уныло:
— Хищник ты, человек!

* * *

Без тебя тоскливо.
Без тебя — мороз.
Улица застыла
и язык примерз.
Мне бы целоваться
сутками с тобой.
И не расставаться —
жить одной семьей.

* * *

Ты — мое лето,
весна и зима.
Ты — моя осень,
дымок у костра.
Ты — моя птица.
Я — клетка твоя.

Ты — в небе синица.
Я — крик журавля...

* * *

Теплые губы.
Карие очи.
Длинные волосы.
Длинные ночи.

* * *

Темно и серо.
Ушло отрочество.
Слезы, грусть.
Крест мой — одиночество...
Ну и — пусть.

ТАДОРА ШПІЛЬКА

Прашу імя маё Тадора
не рыфмаваць са словам «гора»!

Т. Шпілька

(Сяброўскі шарж Д. Слінко-Сіговай)

ПАРОДЫІ

* * *

Перажыві маё знікненне
з твайго пакутнага жыцця.

Т. Барысюк

Перажыві маё знікненне
з твайго пакутнага жыцця.
Жыццё ёсць сон, і сэнс быцця
не варты слёз тваіх ліцця
з майго пакутнага знікнення
з твайго пакутнага жыцця.

* * *

...Дрыготка адрэзваю голле,
А дудку зрабіць я не ўмею.

А. Пашкевіч

Навошта, шаноўны паэце,
ты дрэва няшчаснае бэсціш:
нажом так дрыготка-нясмела
нявечыш драўнянае цела?

Зрабіў бы ўсё лепш адным махам —
як след размахнуўся б ды шахнуў!
Музыкам не стаў... У наш век
не лішні й паэт-дрывасек.

* * *

1

Шкадую я сябе патроху і паціху,
каб не наклікаці якое-небудзь ліха.

В. Слінко

Заб'юся ў кут і енчу ціха,
каб не пачула злое ліха,
калі чарговую ахвяру
шукацьме. ...Не! Я лепш гітару
вазьму і ў голас заспяваю.
Яно ўцячэ — та-а-к завываю!

2

Вось я іду, а хочаш — усміхнуся?
Вось я іду, а хочаш — пацалую?
Калі смяюся — крывіцца мой рот.
Ты думаеш, я тут? Мяне няма.

В. Слінко

Крывіся колькі хочаш — я не супраць.
Але які ў тым сэнс? Цябе ж няма.
Вось толькі зразумець я не магу:
чый пацалунак рот абслініў мой?..
Каб быў ты тут, дык атрымаў бы поўху.

3

Рыфма ставіць мяне ў радок
Замест
Дзеяслова
«Жыць».

В. Слінко

Як ні круці, са словам «жыць»
рыфмуецца хіба што — Віць.

Куды мілей: зяцёк-Віцёк!..
Не спадабалася — уцёк.

Былі — ці цешча, ці дзіця —
замінкаю рыфмавіцця.

* * *

1

Сэнс існавання... Хто яго шукае?
Т. Бондар

Як неабачліва згубілі мы яго!
І ён, пакрыўджаны, блукае сярод нас.
Але, я ведаю, калісьці прыйдзе час —
і ад бадзяжніцтва ён стоміцца свайго.

Збярэцца з сіламі дый піскне:
— Я тут!.. Хапай мяне, Таіска!

2

Плоць і душа... Душа і даль скразная...
Мне выбіраць. Урэшце, мне самой.
Хоць знаю: ні ў адной з іх не пазнаю
Сябе, вось гэту, што цяпер са мной.
Т. Бондар

Як лішак вып’е хто, бывае,
то коней белых сузірае.

А доля іншая мая:
лічу кагорту ўласных «Я».

І думаю, і выбіраю —
ў каторай з іх сябе пазнаю?

Бо тая, што цяпер са мной,
не ўпадабала вершык мой.

3

Любоўныя гульні... Навука падзення...
Т. Бондар

У гульнях любоўных бываюць падзенні.
І нават навука знайшлася такая.
Тут практыкаў многа — хто болей, хто меней...
Але тэарэтыкаў штось не хапае.

Ды мне падаецца ўсё простым і ясным:
праз гэтыя гульні не стаць каб няшчасным
і падаць не вельмі балюча было,
азадак быць мусіць пад сотню кіло.

* * *

Мне так шкада, што я цябе любіла, —
А мусіла любіць адну сябе...
За гэта да зямлі мяне прыбіла,
Як быццам градам — поле на сяўбе.
С. Явар

Раман калісьці я з табой круціла.
Дурніца! Моцна так цябе любіла!..
З табой былі мы ў гэтым заадно —
заўсёды ты любіў сябе адно.

Цяпер са злосці б я сябе прыбіла —
за тое, што сябе я не любіла.
Ды неяк стала мне шкада сябе...
Без шкадавання лепш прыб’ю цябе!

* * *

Зарастае душа, зарастае
Павуціннем няспраўджаных мар.
Рэдка з вуснаў усмешка злятае,
І кладуцца маршчынкі на твар.
І. Карэнда

Не магу аніяк надзівіцца:
у душы маёй ёсць уладар —
ненажэрны павук-крывапійца.
Выпівае ён кроў з маіх мар.

І ўсё больш наліваецца тлушчам,
і чакае ўсё новых ахвяр.
Разам з вуснамі ўсмешку мне струшчыў,
не нажэрся — і ўзяўся за твар.

* * *

Ты адкінеш цыгарэту
І пяшчотна пацалуеш.
В. Гардзінар

Ты адкінеш цыгарэту
і мяне пасля цалуеш.
Вось дык скнара! Мне ж дагэтуль
закурыць не прапануеш...

* * *

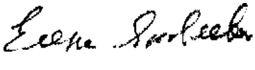
Баюся сноў, дзе кроў палае.
П. Гаспадыніч

Каб сны крывавыя не сніць,
табе параю меней піць.

АЛЕНА ЯКАЎЛЕВА

Іду ад сябе... Стараюся нікога не паўтараць ні ў паэзіі, ні ў прозе. А гэта не ўсё так проста — столькі напісана, і таленавіта, што часам думаеш: а ці змагу і я стаць некалі аўтаркай прыкметнай і некаму патрэбнай...

Пішу вершы й прозу. Як у рускай мове, так і ў беларускай. Жыву ў Маскве.



ДРЕМУЧАЯ СТАРУШКА

С Полиной Игнатьтевной мы познакомились случайно. Я только что поступила в медицинский и сняла у нее крошечную комнатку на окраине Москвы. До института мне приходилось добираться целых два часа в одну сторону, и вскоре — пожалела, что вынуждена тратить на дорогу столько времени. Весь первый семестр училась день и ночь — как и все студенты-медики. Нужно было не только удержаться в институте, но и вытянуть на стипендию. Родители мои жили далеко, в Хабаровском крае, и помочь мне деньгами не могли. До этого они целый год старательно выкраивали из своих маленьких зарплат, копили деньги на билет в Москву. Я поступила с первого раза и это для меня и для всех моих родственников была большая победа. Теперь оставалось только научиться жить одной в большом, дорогом городе, где цены по сравнению с моим родным поселком казались просто невероятными.

В общежитии мне не хватило места — разобрали буквально перед носом. Выручила Валентина Березкина, однокурсница, которая жила на окраине города. Она быстренько посуетилась и нашла мне комнату «у какой-то дремучей старушки».

Первые полгода мы с Полиной Игнатьевной почти не замечали друг друга. Я вставала в шеста угра, быстро приводила себя в порядок и бежала к электричке. В институте проводила почти целый день и добиралась домой только к вечеру. В субботу мы с Валей решили подрабатывать в овощном магазине. Там платили мало, но зато магазин находился совсем рядом с домом и можно было, не боясь, спокойно работать до самой ночи. В результате — у меня неожиданно появились кое-какие денежки, позволившие мне платить за комнату и покупать бутерброды в студенческой столовой. Кроме того, на нашей работе нам почти задаром отдавали разные дефективные продукты — переспелые овощи, потресканные, чуть подгнившие фрукты... Одним словом — то, что уже не могло упаковываться для продажи. Правда, я не знала, что можно было делать со всем этим неприглядным сырьем. «Может, выбросить?» — спросила я у Полины Игнатьевны, доставая из сумки два связшие качана и килограмм сморщенных яблок. Старушка осуждающе посмотрела на меня и сказала:

— Бог вас простит, Светочка, за такой грех... Эх, что за молодежь пошла. Сразу видно, что не голодали... Вот я пережила блокаду.

Знаю цену самой подгнившей луковице... Так что, если отдают почти задаром, приносите домой. Ничего не выбрасывайте.

Началась первая сессия. Я с головой ушла в конспекты и учебники, заметно похудела от недостатка правильного питания и сильной психологической перегрузки. Мне так не хватало родителей, их привычной заботы, не говоря уже о всяких там бульончиках, супчиках, котлетках и всего того, что считается уютным семейным фоном. «Как же я все это выдержу? Одна. В чужом городе... — Ко всему прочему я неожиданно получила тройку, и мне не дали стипендии. — Все! — подумала я. — Без постоянной зарплаты — конец моей студенческой жизни... Как же теперь платить за комнату, на что жить?..»

Дома за горячей чашкой чая, которую мне приготовила хозяйка, я не выдержала и расплакалась... Как будто мне было не семнадцать, а всего лишь семь. Полина Игнатьевна сначала подумала, что меня выгнали из института. А потом, когда поняла в чем дело, спокойно улыбнулась, словно это была самая пустяковая проблема, которая может случиться с человеком.

— Поздравляю, Светланочка! Вы сдали первую сессию... Станете врачем. Значит, вы — на месте. А все остальное — сущие мелочи. Проживем как-нибудь, Бог прокормит. Живите у меня сколько-хотите, просто так, бесплатно. Ну, а с продуктами... Тут уж нам выбирать не приходится... Попробуем готовить то, что вы приносите.

— Отбросы?!. — ужаснулась я.

— Нет — продукты!.. Еду, — подчеркнуто серьезно возразила хозяйка. — Я вам со временем покажу, как готовить. Сами посмотрите, как это просто и легко, а главное — удобно, когда все под рукой... Вы, молодые, не знали голода...

В субботу и воскресенье — два дня подряд мы с Валькой простояли в овощном.

— И как ты теперь жить будешь?.. — сочувствовала подружка. — Мне хоть стипуху дали, да и живу дома, на всем готовом. И торчу здесь, в овощном, можно сказать, просто так, для карманных расходов. Хотя это, сама видишь, не острая необходимость. Может, тебе попробовать еще и в будний день подрабатывать, вечером?.. Нет, это — дохлый номер. Не потянешь учебу. Сразу отчислят, — заключила Валька, небрежно упаковывая отданные ей по

скидке продукты. — На вот, выбрось по дороге. Мои все равно не знают, что с этим делать.

Дома я внимательно разглядела содержимое пакета: три сморщенные качана, подгнившие помидоры, потертые яблоки, два разорванных пакета муки; в отдельном свертке — три больших рыбьи головы. Наша начальница так и пошутила: «Берите, девочки, рыбьи кости, — кошек покормите. Валя, ты же говорила, что у тебя две кошки».

На следующий день я поздно вернулась с института, почти в десять вечера. У меня сильно болел желудок — наверное, от хронической сухомятки, да и вообще от неправильного питания. Усталая, тихонько, чтобы не разбудить хозяйку, открыла своим ключом дверь и хотела без шума проскочить в комнату. Полина Игнатьевна не спала.

— Светочка, может, вы со мной покушаете? — раздался из кухни ее голос.

Я вошла к ней. На белоснежной льняной скатерти увидела целую груду только что испеченных пирожков.

— Давай, присаживайся. Угощайся. — Полина Игнатьевна подала мне старинную тарелку со свежесваренной ухой, в которой красиво расплывалась зелень и морковка. — Ешь, ешь... дорогая. Иначе ты так долго не протянешь на своих бутербродах. Здоровье дороже всего. Без него никакой диплом не поможет!.. У нас еще и солянка, и творог есть. Это все настоящая, горячая, живая еда. Мы с тобой теперь ни за что не пропадем. — Полина Игнатьевна резко спохватилась, сама от себя не ожидая, что обратилась ко мне на «ты». — Извините, Светочка, — поправилась она после затянувшейся паузы. — Я только хотела сказать, что вы теперь и себя и меня кормите. На мою пенсию ничего особенно не купишь. Да я уже не в том возрасте, чтобы толкаться по магазинам... Позавчера выбралась за хлебом, поскользнулась — разбила себе колени. Поэтому-то я с вашими продуктами чувствую себя как в раю... На всем готовом... топчусь себе на своей кухоньке.

Впервые за полгода я наконец-то ела настоящее первое. Ела и слушала, как во время войны Полина Игнатьевна жила в Ленинграде, как ее, опухшую от голода, перевозили вместе с остальными через непрочную ледовую дорогу. Два раза чуть не утонула... Едва спасли.

— Видишь, какая живучая, — шутила она. — Меня-то спасли, зато прервалась беременность. Так и прожили с мужем без детей... Вот научу вас, Светочка, готовить из того, что есть под рукой... Это вам всегда пригодится. А то вы не то, что трудное время — вы даже счастливое студенчество не протянете, — продолжала шутить она.

Так вот и стала я потихоньку приживаться на новом месте. На втором курсе мне дали повышенную стипендию. Я резко вырвалась вперед — была уже перспективной студенткой. В это время Валька нашла для нас еще одну подработку по пятницам.

— Давай попробуем вместе, а то мне одной страшно. Ты ж говорила, что все детство занималась гимнастикой. Вот это — настоящая зарплата. Частный сектор. Сейчас все занимаются спортом, смотрят за фигурой. Не только жены новых русских, но и вся молодежь...

И вот — мы каждую пятницу после первых двух пар сразу бежали в джим. Работа была легкой и интересной. Наша начальница предварительно прокрутила нам несколько видеокассет с записями стандартных упражнений.

— Повторить кое-что можете?

— Конечно, можем, — засмеялась я.

После гимнастики любая аэробика кажется не спортом, а просто эстетическим отдыхом. И вскоре нас поставили вести занятия. Меня — за инструктора, а Вальку — за помощницу. Мы, как стрекозы, прыгали по сцене и нам казалось, что вытряхиваем весь накопившийся стресс, разминаем замлевшие от долгого сидения в аудиториях спины и просто отвлекаемся от различных тестов. В такие минуты я вспоминала детство, маму, которая регулярно дважды в неделю водила меня за занятия. «Все пригодится, доченька. Все пригодится,» — говорила она.

— Все пригодится, все пригодится, запоминайте упражнения, — повторяла я своим переросшим ученицам тем же обнадеживающим тоном. Многие из присутствующих женщин были заметно полноваты, и я чувствовала, как жадно они цеплялись за мой бодрый тон, что все у них получится. — Если только захотеть, каждый человек может сделать из своего тела все, что захочет... Раз, два, три... Начали!»

Валька включала магнитофон с какой-нибудь очередной современной записью хитов — и мы вдвоем непрерывно, целый час, подзадоривали нашу разновозрастную группу.

— Светлана, может, ты хочешь подрабатывать каждый вечер? Или хотя бы трижды в неделю? С двойной доплатой, конечно, — предложила директор секции. — У тебя отлично получается. Сразу вывела нашу секцию на новый уровень. Такая непредвиденная реклама... Молодец! Смотри, сколько новеньких пришло, и все норовят попасть именно в твою группу. Прибыльное дело.

— Подумаю, как у меня со временем, — сказала я, когда мы с Валькой входили в метро.

— Чего тут думать, глупая, — кипятилась подружка. — Бросай свой овощной и цепляйся за настоящую подработку. Такой удобный график! С пяти до восьми, как раз после лекций. А лабораторные за воскресенье напишешь. Эх! Мне бы такую возможность. Так одну, без тебя, не возьмут. Не получится у меня, одной. Настоящие деньги! Одеться можно по-человечески, да тут на шубку постепенно скопить можно. Эх, мне бы... везет тебе.

— Я подумаю...

— Чего думать-то, Света? Такая возможность. Чего тут думать! Вот постоишь в овощном еще годик, сразу ума наберешься. Да потом поздно будет... До завтра, до встречи в магазине.

Я шла домой с твердым намерением поговорить с Полиной Игнатьевной, объяснить ситуацию, рассказать о подвернувшейся возможности. Как всегда, тихонько открыв дверь, услышала на кухне голоса и незаметно проскользнула в свою комнату.

У Полины Игнатьевны были гости. К ней часто заходили соседки по лестничной площадке. Вот и сейчас на кухне сидела Ксения Захаровна. Она давно уже была на пенсии, но еще подрабатывала в своем «инъязе», для того чтобы не опускаться и чувствовать себя в полной интеллектуальной форме, как она не раз сообщала при каждом удобном случае. Свой визит она обычно начинала по одному и тому же сценарию — с хронической жалости к одинокой судьбе Полины Игнатьевны:

— Уму не постижимо... как это ты, Полина, умудряешься существовать на одну пенсию? Вот я и квартиру сдаю... Подрабатываю частными уроками. И, представь себе, не хватает.

— Эх ты, шляпа. Чудачка. От таких денег отказываться! Вы из провинции все ненормальные. — Валька остановилась, почесала в затылке, некрасиво сдвинув на бок свою самодельную прическу, и еще раз огорченно выпалила: — Мне бы такую подработку. Я бы... Я бы шубку самую настоящую скопила. Эх, ты!

Через год ко мне на месяц прилетела мама. До этого во время летних каникул я два месяца с утра до вечера проторчала в джиме и скопила не только на билет, но и заметно приоделась. Шубку, конечно, не купила, но зато подобрала себе несколько модных джинсовок. Когда ко мне приехала мама, она долго не могла узнать Москву. Она сама здесь училась в университете, но, по ее словам, город тогда был совсем другим...

— Люди... и время... время другое, — вздыхала мама. По ее реакции я поняла, что она вдруг чего-то испугалась и начала сильно волноваться за меня. — Как все дорого, доченька, как дорого. И люди, люди другие. Как же ты выдержишь? Одна, без поддержки...

Получалось, вместо того, чтобы успокоиться и порадоваться за меня, мама начинала переживать все больше и больше... Даже не знаю, чем бы все это кончилось, если бы не Полина Игнатьевна. Она с какой-то незаметной настойчивостью взялась за это дело сама. Организовала вкусный стол, напекла гору пирожков «всяких форм и содержаний», пригласила своих друзей, которые в один голос хвалили меня за устойчивый успех, за то, что так быстро научилась жить сама по себе. И через неделю мама успокоилась. Я бы сказала — почувствовала себя уверенной, наверное, разглядела, что все не так уж плохо. Мы с ней стали выбираться в консерваторию, ходили в театр, на выставки. Она рассказывала мне о своих студенческих годах, о старых друзьях, о том, каким было студенчество в то время. И я вдруг поняла, что несмотря на цены и прочие внешние броские различия, жизнь все-таки по-прежнему держится на тех же принципах.

Так вот я и прожила еще пять лет, почти до самого окончания института. Полина Игнатьевна неожиданно умерла перед самой моей защитой. Сразу после ее смерти собрались какие-то далекие родственники, которых я никогда не видела раньше. Стали организовывать проект евроремонта, переписывать квартиру. Они

— У меня жизнь попроще, — отвечала Полина Игнатьевна. — Что мне — много надо в моей обжитой квартирке?.. Да и путешествую я разве что в ботанический сад за углом. Давно уже никуда не выезжаю... Хватает, еще как хватает! Особенно сейчас... Я же говорила, как мне Светочка помогает. Принесет готовые продукты — целую сумку. Да так и скажет: «Полина Игнатьевна, делайте с ними, что хотите. А мне некогда — в институт надо». И рыба есть, и овощи, и фрукты. Смотри сама — пироги. Солянка, заливное — это все из ее продуктов. Разве я бы такое купила сама? Ни за что. Я теперь себя при деле, нужной чувствую. Топчусь себе на своей кухоньке, слушаю старинный приемник, пеку пирожки и часами разговариваю по телефону со старыми знакомыми. Они с удовольствием заглядывают ко мне. Вчера даже с бывшей работы женщины приходили. Целый день вспоминали старое время. Люблю друзей, белоснежную скатерть, настоящие пирожки с капустой. Вот — как сейчас...

— Хорошо с тобой, Игнатьевна. Честное слово, хорошо. Душой отдыхаю. Знаешь, я иногда завидую, что не могу вот так, как ты, запросто напечь таких же пирожков и пригласить старых знакомых... Не умею... Покупаю в магазине... И все получается не так. Вроде бы, и вкусно, но чего-то все-таки не хватает.

Я сидела за стенкой и понимала, о чем говорила Ксения Захаровна.

— Всегда ты умеешь жить спокойно и независимо от обстоятельств. Прямо феномен какой-то непереводимый. Посидишь у тебя в гостях, как будто в раю побываешь, — потешалась гостья.

Они поставили старые пластинки Орловой и долго слушали ее песни. После того, как гостья ушла, я выбралась со своими конспектами на кухню и начала разговор:

— Полина Игнатьевна, — я теперь в состоянии платить вам за комнату. У меня появилась подработка. Настоящая.

— Не надо мне твоей платы, — резко возразила она. — Не надо. Лучше собери денежки и пригласи родителей. Представляю, как они там переживают за тебя... Сама говорила, им со своими зарплатами невозможно скопить на билет.

Я смотрела на Полину Игнатьевну и понимала, что по каким-то внутренним человеческим законам, мне лучше всего ничего не менять и по-прежнему придерживаться старого графика.

предложили мне пожить бесплатно взамен на то, что я «выброшу старый накопившийся хлам и за полгода полностью расчищу квартирку». Сначала я хотела отказаться, но потом опомнилась, понимая, что если я лично не разберусь с пожитками Полины Игнатьевны, тогда кто-то чужой, посторонний, приедет и в один день выгребет, выбросит все нажитое, вернее — пережитое — на свалку. Помню, что сразу после зашиты дипломной, принялась пересматривать ее вещи. Старые альбомы, вышивку, книги. Все это я отложила в отдельный ящик и оставила себе. Целый месяц была в тяжелом, грустном настроении, связанном с неожиданной смертью этого, ставшего мне близким человека.

Мне помог однокурсник Сашка, которого я попросила придумать что-нибудь насчет мебели: может, что-то можно отдать ребятам в общагу?

Он приехал и сразу сказал:

— Кому из студентов нужно такое старье... Вот-вот развалится. Если только кухонный дубовый шкаф... На дачу кому-нибудь предложить.

— Нет!.. Я этот шкаф беру себе. В нем все наполнено рецептами и воспоминаниями.

Сашка посмотрел на меня и ничего не сказал. А через неделю сделал мне предложение. Я влюбилась сразу, в ту же минуту, хотя никогда на полном серьезе не воспринимала своего заметно старшего однокурсника. Мне показалось, что этот человек понял, оценил во мне что-то важное. Мы перетащили некоторое вещи, которые я отложила, в семейное общежитие. Потом сыграли самую настоящую студенческую свадьбу — в прекрасной компании знакомых и друзей. Заодно все отпраздновали свои дипломы. Во время тоста я вспоминала Полину Игнатьевну и чувствовала, что мой главный диплом все-таки дал мне не институт, а она. Я морщила лоб и все старалась придумать, как же назвать этот второй диплом с многочисленными предметами обычной человеческой жизни. И никак не могла придумать ответ.

Через несколько месяцев все мы нашли хорошие работы. Саша сразу оказался перспективным незаменимым специалистом, настоящим хирургом. Мы заняли у валькиных родителей денег и купили себе маленькую квартирку. Кстати, с Березкиной распре-

делились в одну и ту же детскую больницу и по уши счастливы работой. Платят, конечно, маловато, но работа нравится. По-прежнему раз в неделю ходим на занятия по аэробике, теперь уже не только ради заработка, но чтобы не растолстеть от калорийных ланчей в кафетерии.

— Черт тебя знает, по каким принципам ты живешь. — Время от времени возмущается подруга. — Надо же — просто так, без всякой подготовки замуж выскочила. Я ни за что бы не рискнула. Подождала бы хотя бы с годик, а вдруг разочаруешься... Пожила бы для себя.

— Перестань, Березкина, давай лучше на аэробику ходить почаще. Теперь по утрам, перед работой, можно... если вставать пораньше.

— Теперь-то как раз и не надо. Деньги есть. Ты же знаешь, мой бойфренд Артур меня по высшему уровню обеспечивает... Я все не перестаю удивляться, почему же ты тогда отказывалась... В голодное студенческое время. А сейчас, при деньгах, сама предлагаешь.

— Ничего ты не понимаешь.

— Что ж тут непонятного? — продолжает однокурсница. — Такие деньги упустила... И все из-за своей дремучей старушки.

В такие минуты мы с подругой ругаемся, даже некоторое время не разговариваем. Но, принимаясь за работу, сразу миримся. Валя — отличный детский врач, сразу чувствует ребенка. Ее практичный деловой подход моментально улавливает малейшее отклоненинение в развитии детей. Единственное, что у нее пока не получается, — это общение с больными, вернее, со старшим поколением. Она срывается, не терпит возражений. Но вместе мы с ней уже зарекомендовали себя, как образцовый молодой коллектив. Прекрасное пополнение.

— И как у тебя хватает терпения общаться со всеми этими нервными бабульками, которые так неправильно обращаются с детьми. Перекармливают. Я им — одно, а они — другое. Попробуй с ними вылечи малышей. Закармливают диабетиков... Не разрешают заниматься спортом... Как ты можешь их убедить, не знаю...

— Этому меня Полина Игнатьевна научила, — серьезно отвечаю я.

— Дремучая старушка,— улыбается Валя и сразу переходит на почтительный тон. — А вообще-то она была более, чем современная, эта Полина Игнатьевна. — Усталая, но счастливая Валька, теперь уже вальяжная красавица Валентина Игоревна, в очередной раз машет на меня рукой: мол, поздно тебя перевоспитывать, потом красиво закуривает и говорит: — Ладно, Света, так и быть. Давай почаще ходить на эту твою аэробику. Нельзя расплываться, выходить из творческой формы. Мы с Артурчиком на Гаваи летим, хочу блеснуть в новом купальнике. Все вот решаю — подходит мне Артур или не подходит... Слушай, — спрашивает Валька после серьезной паузы. — Неужели ты просто так взяла и выскочила замуж? За один день решилась? Ну, мать, ты даешь...

— Да, за один вечер. Мы в поход на месяц идем, в тайгу, подальше от людей... В самых обычных спортивных костюмах. Давно мечтали об этом. А еще — записались в спортивный аэроклуб.

— Ну ты, мать, даешь... — в очередной раз удивляется Валька и, забывшись, так же, как пять лет назад, некрасиво счесывает набок свою новую прическу — теперь уже выбеленную французским блондораном в самом дорогом салоне на Арбате. — Неизлечимый случай. Хроническая зараза романтики... Так ты меня, того и гляди, в свой розовый мир затянешь... У меня на этот счет нет пока прививки. Опасно. И чего я, собственно, с тобой вожусь... У меня, знаешь, какие подружки. В салон красоты вместе ходим... С ними хоть можно нормально о бойфрендах посудачить... — Валька нервно докуривает свой французский бычок и потом вдруг резко, не поворачиваясь ко мне, спрашивает: — Слушай, а может, мне все-таки выйти за Вовку? Пять лет за мной ходит. И главное — прощает невозможное. Вот ненормальный. Ругаю его каждый день... А вчера не пришел, — наверное, опять застрял в своей аспирантуре... Сразу плохо стало. Не пришел, и сразу — душа не на месте. Наверное, выйду за Вовку... Может, и правильно говорила твоя дрем... Полина Игнатьевна: за всеми погонишься — никого не поймаешь. Может, остаться на прежнем расписании?.. Ну, готовить из того, что под рукой... Черт с ним, с этим богатым Артуром. Черт с ними, с Афинами и Гаваями. Слишком они для меня броские. Коварный синдром... Не хватает чего-то главного. Вовки не хватает. Эх, была-не была. Завтра соглашусь на предложение Владимира.

Я раскрываю рот и понимаю, что все это время Валька все-таки понимала мою жизнь. Но только почему-то не показывала вида. Я молчу, потому как знаю: нечего соваться с советом — Вальке с ее непостоянным характером, надо решить самой. Я молчу и почему-то еще раз вспоминаю Полину Игнатьевну. Завтра — суббота, утром надо будет съездить на кладбище.

— Слушай, а можно мы с Вовчиком к вам на пирожки нагрянем? Посидим с гитарой, помнишь, как раньше... А то так надоел этот Артур со своими дорогими кабаками и тупыми бабами.

— Конечно — приезжайте, только вечером. Я завтра утром буду занята. У нас, правда, ничего особенно нет. Ждем первой зарплаты. Приготовлю из того, что под рукой.

— Ничего и не надо. Главное, чтоб пирожки с капустой были... И, знаешь, как мы загудим.

НЕПУТЕВАЯ ЛИЗКА

— Ну почему же эта Лизка такая бестолковая! — в один голос возмущалась соседка. — Неудачно вышла замуж, быстро развелась, бросила медучилище — и теперь, вот, одна растит дочку... И на что только живет!

А Лиза и вправду — крутится, как белка в колесе. Три раза в неделю приезжает из пригорода мать, отпускает ее на ночное дежурство, а сама присматривает за внучкой. Лизу критикуют все, кому не лень. Кто за что: кто за чрезмерную полноту, не подходящую ее двадцатипятилетнему возрасту; кто за жалкую работу нянечки в перегруженном операционном отделении больницы; кто за то, что не сумела удержать мужа.

— Без всякой подстраховки... Сама по себе...

— Не живет, а перебивается на подножьем корму...

— Это в свои-то лучшие годы, когда в самый раз наладить жизнь.

— Не умеет она! Не умеет!..

Судачат у подъезда бабки, цепляясь взглядами в проходящую мимо Лизку. Только сама Лиза почему-то не считала себя невезучей. Наоборот, всегда была спокойной и уверенной, что живет так, как надо. Радовалась тому, что было, и никогда не обращала внимания на то, чего не хватало. Такой уж у нее, наверное, простоватый характер.

— Много ли нам с Яночкой надо... На продукты хватает, а одежки я ей сама нашью. И не это главное, — отмахивалась она, отвечая на назойливые вопросы насчет своей скудной зарплаты.

И за эту ее непоколебимую, спокойную уверенность уважали многие. Правда, свои чувства люди почему-то старательно скрывали за чрезмерной критикой, сожалением и осуждением. Если Лиза выберется со своей Яночкой на улицу, молодые мамаши тут же незаметно подбросят ей своих малышей —пусть заодно повозится и с ними. У нее это отлично получается. А сами отойдут в сторонку, достанут сотовые телефоны, поболтают немного, потом от нечего делать посплетничают все вместе:

— Эх, эта Лиза!.

— Ей бы дубленку какую-нибудь приличную купить.

— Да, совсем у нее не товарный вид.

— Такая разве скопит на дубленку!

— Дурочка, все раздаст... Смотрите, и сейчас всех детей чем-то угощает. А у самой — дочка без дайперсов и памперсов растет.

— В наше-то время! Как только успевает стирать пеленки.

Когда Лиза дома, к ней часто под разным предлогом заглядывают соседи. Придет какая-нибудь Верочка с седьмого этажа и как затараторит:

— Поскорей находи себе состоятельного мужа, не упускай возможности, дорогуша, пока молодая.

— Ничего... Мой меня найдет, — пошутит Лиза, угощая соседку чаем с печеньем.

А та за тихим, доброжелательным спокойствием хозяйки постепенно «оттает», даже расплачется:

— А мой-то, Григорий, жениться не хочет. Ходит ко мне уже целый год — нравятся ему такие отношения...

Вера вздыхает — и из красивой самоуверенной красавицы превращается в усталую потрепанную женщину. Выплачется на кухне и с новыми надеждами уйдет на очередное свидание.

Вчера утром к Лизе без стука ворвалась старшеклассница Рита:

— Лиз... Понимаешь... Такое дело. С пацаном познакомилась... Крутой такой. В ПТУ учится. Всем девчонкам на зависть. Только курит он дрянь какую-то. И мне советует попробовать... Говорит, вместе покайфуем.

Лиза слушает и заметно бледнеет — становится непривычно строгой:

— Бросай его! Немедленно бросай!.. Наркотики — это смерть. Насмотрелась я на таких у нас в больнице. Знаешь что... — задумывается на секунду Лиза, и в голове у нее рождается план. Она вздыхает, безразлично зевает. Делает вид, что не намерена продолжать эту тему. — Риточка, спасибо, что ко мне сегодня заглянула. Я тебя как раз хотела попросить со мной вместе в четверг подежурить. Там нянечка, моя напарница, заболела... Может, поможешь?.. На неотложке платят неплохо. Выручишь? Прошу тебя. — Она просит таким тоном, что Рита не смеет отказать... Любую бы другую подружку послала бы подальше... А вот Лизу не может.

— Ладно, зайду в четверг, поедем вместе. Только больше, чем на два дежурства не рассчитывай. Не хватало мне в мои-то годы засиживаться в нянечках. — На пороге Ритка резко поворачивается, словно что-то вспоминает, и говорит: — Лиз... Ты бы похудела, что ли... Ну кто же на тебя, такую, обратит внимание?

Лиза улыбается: «Если и эта не удержалась от критики, значит все в порядке. — Послушает совета и в конце концов бросит своего подозрительного знакомого».

Еще к ней часто заглядывает баба Лека — злая языкастая женщина.

— И чего ты, девка, в няньках засиделась?.. Нашла бы себе что-нибудь более приличное, денежное. Устроилась бы в магазин, что ли...

Лиза молчит, добродушно улыбается и заваривает чернично-малиновый чай, который они с мамой заготовили сами.

— Пейте, Лека Аркадьевна. Сами видите — все у нас есть. Вот, пирог попробуйте... Вчера с тетей за черникой ездили, собрали по ведру, сделали заготовки на зиму.

Баба Лека съедает сразу пол-пирога.

— Очень вкусный, прямо не оторваться...— А потом вдруг и пожалуется на саму себя: — А мы с сестрой переругались. Вот ведь характеры. Создал Бог да и каится. Как можно просто так, без всякой причины, с потрохами съесть родного человека? Как

налетела я на нее!.. И за что, спрашивается?.. Честное слово, не помню... Она, бедная, расплакалась. Говорит: мол, больше никогда не приедет в гости. В таком вот настроении и на вокзал уехала... Без билета.

Лиза подает конфетки-леденцы и успокаивает:

— Не переживайте, Лека Аркадьевна. Все образуется. С кем не бывает...

— Правда, Лизонька? Ты так думаешь? — обнадеживается женщина и, выпив еще одну чашку чая, радостно выходит из квартиры.

Иногда к Лизе приходит Самсоныч — старый-престарый одинокий старичок. Спрашивает:

— Можно — я у тебя свою бутылку разопью?

— Пожалуйста. — Лиза кивает головой, потому что знает — все равно ничего не расслышит.

Она готовит обед на следующий день для мамы и Яночки. Завтра ей на дежурство, поэтому надо успеть сегодня, чтобы все у них было под рукой. Лиза слушает старика, незаметно подливает ему в стакан воды, чтобы водка получилась слабой, и делает вид, что изо всех сил поддерживает беседу.

— Эх, был и я когда-то человеком. Нужным был! Воевал, работал, строил... А теперь, вот, в развалюху превратился...

При этих словах Лиза прямо с половником наклоняется к Самсонычу и резко машет рукой: мол, неправда — ты всегда нужен. Самсоныч несчастно улыбается, угощается поднессенными сухариками, которые тут же размачивает в ароматном чае, и рассказывает о бывших сражениях, о своей жене, умершей почти сразу после свадьбы.

— Давным-давно это было... Она так и не оставила мне ребятенка...

Лиза подсаживается к Самсонычу и подает ему остаток пирога. «Ничего страшного, что нам с дочкой ничего не осталось, — думает она. — Вечером успею испечь новый. А вот его жалко — голодный, одинокий, неухоженный».

— Ах, Лизавета! Добрая ты очень. Слишком, понимаешь, добрая. В этом-то и беда твоя, — не удерживается от критики Самсоныч. И, довольный, спешит к себе смотреть «Семнадцать мгновений весны».

Лиза останавливает старика на пороге и сует ему в руки большую тарелку с только что приготовленными голубцами, наспех завернутыми в фольгу. Она подает полотенце, чтобы старик не обжегся, и громко кричит:

— Попробуйте на ужин.

Самое интересное, что никто из соседей даже и не догадывается, что кто еще, кроме него самого, раскрывает перед этой молодой женщиной свою душу. Все знают, что сама Лиза никогда никого не критикует и не сплетничает. Сколько ни говори ей о своих неудачах и страхах — ни за что никому не передаст. Да и сама, кажется, пропускает мимо все эти накопившиеся, случайно прорвавшиеся чужие «нарывы». Только и скажет: «С кем не бывает». Может, действительно, ничего страшного в этих недостатках... Или всего лишь ошибках — нет, если так понимающе относится ко всему высказанному эта Лизка!

А через год Лиза заметно приосанилась, приоделась и совершенно неожиданно выскочила замуж. Перебралась с дочкой к своему мужу, на другой конец города. Говорит, что собирается пойти доучиваться на медсестру — теперь они запросто могут протянуть на одну зарплату. Муж у нее — начальник строительной бригады. Познакомились в больнице, куда попал Слава со сложным перитонитом. Врачи и родственники суетились, думали, не выживет. Началось заражение. Больной и сам не верил, что выкарабкается. Слишком поздно обратился за помощью. Но тут появилась спокойная-преспокойная нянечка, на глазах у всех взяла его руку и сказала:

— Все наладится, срастется и заживет... Подумаешь, с кем не бывает.

— Подумаешь, с кем не бывает, — повторил за нянечкой Слава и сразу влюбился.

Эту историю долго рассказывала всем Ритка.

— Главное, — восхищалась девчонка, — целый месяц он ее потом уговаривал выйти замуж. Я специально ходила на дежурство. Специально подрабатывала. Хотя, честно скажу, работенка там не сладкая. Я как увидела умирающего наркомана, чуть не удрала... Если бы не этот Слава — ни за что бы не осталась бы... Не могла поверить в него и в Лизку... Главное в то, что она не соглашалась.

А мужик красивый, что надо! Лет под сорок. Квартиру, говорил, недавно от работы получил. «Елизавета Михайловна! Прошу вас!.. — Как заладит одно и то же: — Выходите за меня замуж!..» Я даже потом стала думать, что он ее за нос водит, просто так, от нечего делать, обращается по имени и отчеству... В наше-то время. Вот выпишется, думаю, — и поминай как звали... А тут, оказывается, все по-другому повернулось... И откуда такой Илья Муромец взялся!

— Эх, непутевая! И зачем это ей надо! — Целую неделю сетовала расстроенная баба Лека. — Лучше бы растила дочку... Так -то оно надежней, привычней...

— Чудачка она! — соглашалась Верочка. — Пожила бы сначала с человеком. Убедилась бы, что возьмет, не отправит назад. Вот тогда бы и переезжала.

— И то правда. Ведь совсем не умеет следит за модой. Вы видели, какое старомодное свадебное платье выбрала! — заметила Ритка. Запаковалась, как солдат... Ни выреза, ни кружев — сплошная материя. Как в прошлом веке.

— А вы обратили внимание, какая на ней шубка? Настоящая, из голубой норки. И зачем ей такая дорогущая... Все равно носить не умеет, — говорили молодые мамаши, которые еще совсем недавно критиковали старенькое Лизино пальто.

И только случайно присутствующий Самсоныч, как всегда ничего не расслышал, и громко заявил:

— А что я вам всем говорил! Она всегда была самой умной и красивой женщиной! Самым настоящим, самым путевым человеком! Разве такие остаются незамеченными?.. Эх, вы, бабы...

Все соседки одновременно раскрыли рты, чтобы поставить Самсоныча на место и еще раз поругать Лизку. Они набросились на старика и здорово отделали его на словах, но почему-то резко осеклись... И все согласились пойти к Самсонычу и выпить за Лизину свадьбу.

— Пойдем, пойдем, у меня не только водка есть. А настоящий торт замороженный. Во какие теперь делают! Я такого никогда в жизни не пробовал. Мне его позавчера сама Лизавета в морозильник поставила... Еле вместился.

Змест

Павел АСТРАУХ 4
Вольга БАЗЫЛЁВА 19
Святлана БАЛБУЦКАЯ 30
Андрэй БАРАДУШКІН 43
Георгій БАРТАШ 52
Таццяна БАРЫСЮК 65
Таццяна БЕЛЬСКАЯ 79
Алег БЫБ 87
Ганна ГАЛАВІНА 102
Інеса ГАНКІНА 116
Вадзім ГЛОБА 126
Яна ГРЫБАВА 140
Алесь ДЗІТРЫХ 145
Таццяна ДУБОЎСКАЯ 159
Кацярына ЗЫБАЙЛА 174
Сяргей ІВАНОЎ 180
Аксана КАМІНСКАЯ 192
Кацярына КАНАВАЛАВА дэ АПОСТАЛ 197
Вольга КАНАПАЦКАЯ 210
Дзяніс КАНДРАЦЬЕЎ 225
Ігар КЛЕПІКАЎ 248
Алена КОТАВА 258
Юры КУР'ЯНОВІЧ 268
Наталля ЛАЗУКА 276
Анастасія ЛЕБЕДЗЕВА 287
Барыс ЛЕВІН 303
Юрый МЕЛЬНІКАЎ 314
Юлія МІКАЛАЕНКАВА 321
Вера МІХАЙЛАВА 328
Андрэй ПАЎЛУХІН 344
Алекс ПО 357

Таццяна ПУХЛЯК *371*
Галіна СЕНЧАНКА *384*
Валер СКАКУН *386*
Аксана СПРЫНЧАН *394*
Надзея СТАРАВОЙТАВА *405*
Алена СЯМЁНАВА *421*
Стэла ФЯДОСАВА *433*
Тадора ШПІЛЬКА *447*
Алена ЯКАЎЛЕВА *453*

Літаратурна-мастацкае выданне

Панядзелак

Альманах

Рэдактар *А. Масарэнка*
Карэктар *Н. Ражкова*
Вёрстка *Д. Андрэеў*